

Волкова Дарья

Судьба всегда звонит дважды

Пролог. Чудо-дети.

"И вершина любви - это чудо великое, дети!"

- Соловьев, это ты во всем виноват!

- Да, конечно, - стоящий у окна высокий мужчина с импозантной проседью в темных волосах пожимает плечами, отхлебывая из стакана с янтарной жидкостью. - Вали все на Соловьева. Соловьев во всем виноват. Мировой финансовый кризис тоже на моей совести?

- Очень смешно! - его собеседник сидит в кресле неподалеку, с точно таким же бокалом в руках. - А кто подарил ей на четырнадцать лет фотоаппарат?

- Ну, извини! - стоящий мужчина поворачивается спиной к окну. - Живого Мерлина Мэнсона, как она просила, я ей не мог презентовать!

- Не мог подарить живого - надо было дарить мертвого!

Две женщины, находящиеся тут же, в комнате, но благоразумно не вмешивающиеся в разговор своих супругов, издают синхронный смешок. Даже Стас Соловьев, легендарный гуру всех молодых фотографов, основатель собственной фотошколы, улыбается самым краешком губ.

- Смейтесь, смейтесь... - ворчит Тихомиров, вставая из кресла и подходя к Соловьеву. - А кто ее всему учил?

- Твоя дочь окончила с красным дипломом университет культуры по специальности "фотодело". Так что я тут не при чем...

- А кто ее на это посадил?! Кто ее учил всяким этим вашим тонкостям? Кто ее рекомендовал в этот проект?!

- Это очень значимый проект! - вот тут Соловьев перестает улыбаться. - Участие в нем - большой успех для начинающего фотографа! Так что мог бы сказать мне спасибо!

- Хрен тебе, а не спасибо! Это у черта на рогах!

- Дим, - не выдерживает Вера, вмешивается в разговор. - Ты так говоришь, будто Машка на Плутон улетает. Канада - это всего лишь другая страна. Но на этой планете.

- И вправду, Тихомиров, - поддерживает подругу Дарья. - Отпусти уже Марью от подола. Ей двадцать три года. Взрослая деваха.

- Ах, от подола!?! - задыхается возмущением Дмитрий Иванович. - Ну да, конечно! Никому нет дела до того, что происходит с моими дочерьми, включая их мать!

- Боже, Дашка, как ты с ним живешь?!

- А ты делай, как я, Стас. Не обращай на него внимания.

- Да ну вас! У меня старшая дочь улетает на три месяца черт знает куда, черт знает с кем! - Соловьев страдальчески закатывает глаза, но Тихомиров разошелся не на шутку. - Младшая...

- Что - младшая? - иронически изогнув бровь, любопытствует супруга.

- Младшая... младшая... младшая вон домой вчера в одиннадцать ночи пришла!

Ответом ему дружный смех.

- Неубедительно, Иваныч, - Соловьев допивает коньяк. - Катке восемнадцать лет уже. Тоже бы пора не пасти дочь...

- А ну цыц! - огрызается Тихомиров. - Своих воспитывай. А я посмотрю...

- А мои почти такие же, как твоя младшая. А Сонька, между прочим, уже год как в Сорбонне учится. Совершенно одна. Во Франции. Представляешь, какой ужас?!

- Ну-ну... То-то ты в ла бэлле Франс чуть ли не каждый месяц мотаешься...

- Да я так, проездом... По работе.

Дмитрий фыркает, демонстрируя этим звуком все, что он думает по поводу якобы дел Соловьева в Париже.

- Дим, ну правда же, - подытоживает спор Стас. - Дай ей расти профессионально. Не мешай дочери делать карьеру.

- Никто меня не понимает, - вздыхает Тихомиров. - Злые вы. Уйду от вас.

- Уйди, уйди, - соглашается с ним супруга. - Сходи на кухню, чайник поставь.

- Мам, отец успокоился?

- Почти. Еще ворчит потихоньку, но смирился.

- Я могу возвращаться домой?
- Да, Машунь.
- Папа не смирился! - незаметно подошедший Тихомиров перехватывает у жены телефон. - Но ты, Марья, живо домой!
- Па...
- Давай, Маруся, я жду! - и затем, чуть более мягким тоном: - Приезжай, хватит у Соловьевых отсиживаться. Разговор есть.

Всякий, имеющий более-менее нормальное зрение, увидев рядом Дмитрия Ивановича и Марью Дмитриевну Тихомировых, понял бы, что это двое - близкие родственники. И не в фамилиях и отчестве дело. Маша уродилась в отца всем - папенькины соболиные брови, его же большие темно-карие глаза, правильной формы нос и крупные, улыбчивые губы. Густая копна волос цвета горького шоколада, которую Марья в крайний раз под стоны их семейного цирюльника Эдика безжалостно укоротила аж до плеч. Даже в фигуру отец внес свои коррективы. Если Катька фигурой была стопудово в мать, то у Марии фигура была чуть тяжелее. Но именно - чуть. Папенька знал, что делал, когда такую красоту творил. Роста выше среднего, статная, а уж изгибами ее так природа и родители одарили... Тонюсенькая талия, крутые бедра, мамины точеные ножки. Грудь отросла рано и до третьего размера, но на этом и остановилась, к огромному Маниному облегчению. В общем, хороша собой была Маша Тихомирова, ох как хороша.

Цену себе Марья знала. Но именно по этой причине слишком большого внимания своей внешности не придавала. Иметь эффектную наружность полезно, и в зеркало смотреть приятно. Но мозги - гораздо важнее. Так уж ее воспитали.

К своим двадцати трем в активе Маши числилось несколько умеренно бурных романов, принесших ей уверенность в том, что проверку койкой она выдержать может, но сердца, как ни странно, не затронувших. Ни один. Не было ни бессонницы, ни позывов писать стихи или делать глупости. Симпатичные приятные парни, здоровый приятный секс. Дмитрий Иванович мог бы гордиться своей старшей дочерью. Хотя про секс папенька, разумеется, был ни сном, ни духом, пребывая в наименее приятнейшем для себя заблуждении в невинности своих девочек. Дочь и мать развеивать эти заблуждения не торопились.

Надо сказать, что имея матушкой врача - акушера-гинеколога, трудно соблюдать хоть какое-то подобие приватности в такой деликатной сфере, как девичья честь и расставание с нею. Но мама у них с Катькой в этих вопросах, да и не только в этих, была на порядок адекватнее отца. И хотя за женским здоровьем дочерей следила зорко, соблюдения добрачного целибата не требовала. "По достижении половой зрелости и при наличии желания - Бога ради" - такова была позиция матери в этом вопросе. И лишь на тему правил безопасного секса пришлось едва ли не зачет сдавать.

Машка Тихомирова собиралась с мыслями, подходя к дому и морально готовясь к разговору с отцом. Ох, в ее-то возрасте пора жить отдельно от родителей. У некоторых в эти годы уже была семья. Муж там, или дети. У Машки был ПАПА!

Он мог бы давно купить ей отдельную квартиру, чтобы она жила самостоятельно. Да ну где там! Вместо этого у Маши была своя большая комната в родительской квартире, собственная "Skoda Fabia", подаренная, разумеется, отцом, травматический пистолет, на который у нее было полученное отцом в обход всяческих правил разрешение. И острое желание смыться куда-нибудь из дома подальше, хоть на край света.

А тут такой шанс! Ее первый учитель, наставник и просто друг их семьи, мировой дядька Стас Соловьев впихнул ее в этот проект. Группа российских фрирайдеров - лыжников и сноубордистов, отправляется за океан, на снежные поля Канады и севера США. Будут снимать фильм, а заодно необходимо сделать и фотоматериал. В пользу выбора на роль фотографа не очень известной Марии Тихомировой сыграло два фактора - рекомендация "некоего" Стаса Соловьева и то, что эта самая Мария весьма прилично каталась на лыжах, что было просто необходимым условием для съемок такого характера. Должен же фотограф как-то следовать за своими объектами для фотографирования.

Теперь осталось только выдержать бой с папой... Маша вдохнула и нажала на звонок.

- Ну, вот что мне с тобой делать, Мария?! - отец и дочь сидят на диване в кабинете отца, Машка подхалимски утроилась у отца под боком, положив голову на плечо. Добиться своего надо любой ценой!

- Отпустить меня, - подсказывает дочь.

- Отпустить?! На три месяца?! В компании этих буйнопомешанных умалишенных идиотов?! Которые только и думают о том, как бы свернуть себе шею?!

- Пап... а кто научил меня кататься на лыжах?

- Я тебя научил, чтобы ты проводила время на свежем воздухе с пользой для здоровья!

- Ну так я там со скал прыгать и не буду... Пап, ну я же фотограф... Ну паааап...

- Марья, не гунди! - отец пытается говорить строго, но Маша нутром чувствует слабинку. Надо добивать!

- Пап, понимаешь... Мне нравится снимать людей, я люблю работать с лицами...

- Ну, так и работай! Здесь! И ехать никуда не надо!

- Мне надоело фотографировать выпускные и свадьбы! И потом... мне и природу снимать тоже нравится. Стас хвалит мои панорамки...

- Вот только не говори мне про Соловьева!

- Не буду! - поспешно соглашается Мария. - Но я просто хочу понять - что мне больше нравится - люди или природа... С чем работать лучше получится... А тут такой шанс - и то, и другое. И еще в движении... С раскадровкой поработать... Места интересные посмотреть. Пап... Ну, мне это нужно... Очень нужно, понимаешь?

Отец вздыхает. Молчит, трет лоб. И, наконец-то...

- Ладно.

- Папка!!!! - обнимает, благодарно чмокнуть строптивного родителя.

- Не папкой! И не слюнявь меня, - но щеку не отворачивает, позволяет целовать себя. - И чтобы звонила каждый день!

- Буду! - счастливо обещает Маша. - Только это накладно.

- Да уж не разорится как-нибудь старик-отец, - прижимая к себе дочь покрепче. - Поседею я с вами вконец. Беда, а не девки.

- Мы хорошие, пап...

- Хорошие, хорошие...

Маша привалилась к двери своей комнаты. Даже не верится, что все получилось... Дверь толкнули снаружи.

- Машка,пусти своих!

Катка...

- Ну, что показало вскрытие папы?

- Вскрытие показало, что папа сдался! - Мария закрывает за сестрой дверь

Катерина вскидывает вверх победный кулак.

-Есть! Акела промахнулся!

- Тсссс! Тихо ты!

Катя обнимает сестру.

- Ну что, едешь?

- Еду!

- Ух, здорово! Как же я тебе завидую...

- Учись, студент... Будет и на твоей улице праздник.

Глава 1.

"Любовь не чаяно нагрывает"

Лететь до Канады долго и утомительно. Пересадка, переживания по поводу того, чтобы твой багаж полетел туда же, куда и ты... Речь шла о чехле с лыжами, особенно о нем. Кофр с фотоаппаратурой, так же как и ноутбук, она взяла с собой в ручную кладь. Летела Маша на пару с Димкой Новиковым, кинооператором. Основная группа, включая райдеров, была уже на месте.

За многочасовой перелет они успели перетрындеть с Диманом обо всех своих профессиональных делах, о нюансах съемки и прочем разном. В отличие от Марии, у Димы это был не первый проект такого плана, и она с интересом слушала его. Все же легкое волнение от неопытности в таких делах присутствовало. Но, в конце концов, даже это ей надоело. Устав от общества друг друга, они сидели рядом, в соседних креслах, уткнувшись каждый в свой ноутбук. Маша изучала информацию о тех ребятах, с которыми ей предстоит работать. Двенадцать человек, одиннадцать парней и двенадцатая девушка. Небольшое досье, имена, фамилии, фотографии. Фото были, как на подбор, такие, что представление о внешности своих будущих объектов для съемки составить было максимально затруднительно. В шлемах, очках в пол-лица, строящие всякие забавные рожи - райдеры явно имели совершенно определенное и весьма своеобразное представление о том, как надо фотографироваться.

К огромному облегчению, их багаж прилетел следом за ними же, в Ванкувер. А потом еще трансфер до места назначения, Маша спит, прислонив голову к Димкиному плечу. Дмитрий, вроде бы, не возражает. Потому что и сам дремлет.

На крыльце уже ждет, встречает Олег Захаров, их старший. Режиссер, координатор и прочее. Расселение в номер, на последних силах. В душ, очень хочется в душ с дороги. А потом, надев на себя все чистое и выглянув в окно... силы вдруг берутся откуда-то.... И хочется выскочить на балкон и смотреть, смотреть, смотреть... Вокруг горы, не очень высокие, тысячи две с половиной навскидку, покрытые в нижней части лесом. И воздух, совершенно потрясающий воздух, такой, что не надышаться им. И тишина. На альпийских курортах, где они бывали с семьей, такой тишины не бывает, даже глубокой ночью. А здесь...

Маша возвращается в номер, за фотоаппаратом. А потом, повесив камеру на шею, решает пойти, оценить, каков вид с другой стороны здания, там, в холле, тоже есть балкон, с него бы посмотреть.

А с балкона в холле открывается совершенно... удивительный вид.

В неярком свете начинающего угасать дня мужская фигура на фоне белоснежных гор видна особенно четко. Бах... сердце пропускает удар. Что такое? Это всего лишь мужская фигура. Но, правда, красивая. Геометрически правильный треугольник - ровные широкие плечи, узкие бедра. Руки отведены за спину и засунуты в задние карманы джинсов. Длинные ноги расставлены, голова слегка откинута назад. Смотрит на горы. Даже не смотрит - созерцает. Любуется. Маша наклоняет голову, разглядывая. Эх, композиционно хорош кадр - замершая в благоговении мужская фигура на фоне белоснежных гор. Снять кадр по-быстрому, что ли? Вместо этого подходит на шаг ближе.

Он ее не слышит. Но двигается. Руки вынимаются из карманов, широкий плавный жест разведенных ладоней, а потом руки тянутся вверх, пальцы переплетены в замок. Человек просто потягивается, обычное, не очень-то примечательное движение. Будь проклят ее профессиональный взгляд фотографа, мгновенно замечающий детали!

От потягивающих движений руками задирается вверх толстовка, обнажая полоску спины. А вот штаны, наоборот, съезжают на пару сантиметров вниз, демонстрируя ярко-оранжевую резинку трусов. Бах... еще один пропущенный. Что это за несанкционированный стриптиз?!

Незнакомец заводит руки назад, на затылок. Переплетает пальцы на собственной шее, все так же не отрывая взгляда от пейзажа перед

собой. Маша стоит всего в метре позади него и взгляда не может оторвать от этих рук. Третий пропущенный...

Видно, что парень не мелкий сам по себе, весь целиком. Но руки у него какие-то особенно крупные. Мужские такие... руки. Хорошей лепки кисть и запястье - на это у нее глаз наметан. Сколько она пересмотрела рук, лиц... и прочего через видоискатель камеры, а потом на мониторе ноутбука. На одном из запястий - черный браслет часов. И пальцы... Небрежно переплетенные - длинные, с крупными, хорошей формы, коротко остриженными ногтями. Очень красивые руки.

Охренеть, мать. Стоишь и любишься мужскими руками? Маша, опомнись!

Маша опомнилась и деликатно кашлянула. Он обернулся, спокойно, неспешно. И вот тут оно и случилось. Но осознала это Маша далеко не сразу.

У нее от просмотра портфолио райдеров осталось впечатление, что они сплошь все патлатые, один был даже с дредами. Этот же - коротко, минималистично подстрижен. Цвет волос - в этом тусклом свете кажется, что русый. Или рыже-русый. И глаза... это вселенская катастрофа, а не глаза! Зе-ле-ные! Довольно большие, выразительные, но самое главное - зе-ле-ные, очень необычного, светлого, но яркого зеленого оттенка. Две мысли ударяют в голову, одновременно с еще одним пропущенным ударом сердца. "Это цветные контактные линзы" - это первая. "У беды глаза зеленые" - цитатой из какой-то старой песни вторая.

А еще он конопат. Она в жизни не видела таких конопатых парней! От эпицентра на переносице веснушки дружной толпой разбегаются по всему лицу, редая ко лбу, скулам и подбородку.

Ей бы надо что-то сказать, но молчит. Дура дурой, но стоит и молчит. И смотрит на него.

А он улыбается ей. Бах... еще один пропущенный. Указательный палец, которым она в числе прочих тут так самозабвенно любовалась, нацеливается на нее, на фотоаппарат на ее шее.

- А я знаю, кто ты! - улыбка еще шире. - Ты Маша, наш фотограф.

Его голос добивает ее окончательно. Такой голос, от которого банальные мурашки топотом по всему организму и слабость в коленях. Низкий, глубокий. Настоящий мужской голос.

- Я ведь не ошибаюсь, правда? Ты Маша?

Он еще и картавит! Слегка, чуть-чуть. Но от этого его голос на звуке "р" звучит так, что... Маша, ну соберись же! Что ты, парней не видела?!

Через силу кивает. Удастся даже сказать:

- Да. Я Маша.

- Привет! - и снова этот рокочущий звук! Протягивает ей руку. - Я Бас.

На пожатие руки отвечает рефлексивно, и ужасно ладонь его не хочется отпускать, теплую, большую, твердую.

- А почему Бас? - отлично, удастся начать непринужденную беседу. Маша, так держать, ты делаешь успехи!

- А почему Маша? - он усмехается.

- Меня так называли родители.

- А меня так назвал я.

Станный он... Видимо, на ее лице настолько явно написано изумление, что он еще раз усмехается и снисходит до объяснений.

- Вообще-то я Василий. Василий "Бас" Литвинский. Лыжник.

- Мария Тихомирова. Фотограф.

- Вот и познакомились, - у этого конопатого Василия совершенно сногшибательная улыбка.

- А почему Бас все-таки? - Маша подходит к перилам. Вот, отлично, ведем себя непринужденно.

- Ну, по-русски Василий, по-французски - Базиль. Базиль быстро превратился в База, а потом в Баса.

- А при чем тут французский?

- У меня двойное гражданство - российское и французское.

- Как это? - ей нереально любопытно, а он только подкидывает для этого поводов.

- Мама - француженка, папа - русский. А я - результат дружбы народов.

- Ты меня разыгрываешь! - доходит до нее.

Он отвечает ей продолжительной тирадой... на французском! Впору впасть в чувственный обморок от того, КАК звучит его голос, когда говорит на другом языке. Острое желание пойти и пару раз удариться головой о бревенчатую стену шале.

- Паспорт показать? - ехидная конопатая падла!

- Ладно уж... А что ты такое говорил?

- Не знаешь французский?

- Нет. Английский в совершенстве, немецкий так себе. Так что говорил?

- Да я просто описал, как ты выглядишь...

Пока она собирается с мгновенно разбежавшимися мыслями, чтобы хоть что-то внятное произнести, их уединение нарушается.

- Бас, вот ты где! А я тебя потеряла.

Стройная блондинка, длинные волосы убраны в хвост на макушке, мелкие, но правильные черты лица. Одета так же, как и Бас - джинсы, толстовка. Ее Маша узнает сразу - это Аня Романович, единственная девушка-райдер.

- Ой, потеряла. Я ж такой маленький...

По тому, как он ее обнимает, легко целует в губы, видно - они не просто коллеги-райдеры.

- Анют, познакомься. Это Маша Тихомирова, наш фотограф. Аня Романович, наша звезда фрирайда.

- Привет, - руки ей Аня не протягивает, улыбается вежливо, но равнодушно.

Маша кивает, возвращает ей такую же вежливую, но равнодушную улыбку. Ну вот, Машенька, твое увлечение забавным и прикольным парнем по имени Бас продлилось ровно десять минут. Рядом с ним место занято. Как-то вдруг неожиданно становится обидно, почти больно.

Резать к чертовой матери, не дожидаясь перитонита! Любимая мамина присказка.

- А давайте я вас щелкну, раз уж вы мне попались, - она поднимает висящую на шее камеру. - Пейзаж сзади шикарен, да и вы его не портите.

Аня с радостью соглашается, Бас со вздохом подчиняется.

А потом она вечером, с мазохистским удовольствием разглядывая фото Баса с Аней, подмечает детали - как по-хозяйски лежит его рука на ее плече, как он улыбается ей, как морщит нос, рассказывая что-то... Она же сама просила - ведите себя естественно, не обращайтесь на меня внимания... стандартное присловье фотографов.

А теперь она сидит, разглядывает его на фото. И понимает, что наличие Ани ничего не меняет для нее. Она запала на этого парня. На смешного конопатого зеленоглазого лыжника по прозвищу Бас. Впрочем, посмотрим завтра, что он за лыжник.

Глава 2. "Отчего мне так светло"

Она сидит в засаде, под елкой, чуть ниже приличного десятиметрового дропа. Напротив нее, с другой стороны, еще ниже, под такой же елкой пристроился Диман с установленным штативом камеры. Снимают они с разных ракурсов.

- Внимание операторам! Первый пошел! - слышно из рации.

В просвет между деревьями (они это место долго выбирали вместе с Олегом и Димкой), прямо в светло-голубое небо, выстреливает, как из пушки, фигура. Ярко-красная куртка, желтые штаны. Это Бас.

Хорошо, что руки свои дело знают. Серия отщелкивается на автопилоте, пока она заморожено наблюдает, как фигура вращается: один оборот, второй, третий... крутанул тысячу восемьдесят, четкое приземление, в облако взметнувшегося снега. Секунда, его не видно, а потом из облака вылетает фигура, с гиканьем и поднятой вверх победной рукой. И вниз!

- Следующий пошел!

Первый день прошел на диво продуктивно, отсняли кучу материала. Олег доволен объемом, райдеры количеством и качеством снега. Веселые, возбужденные, вечером после ужина делятся впечатлениями. На большом экране просматривают отснятый фото- и видеоматериал.

- Что-то на фото один Бас, - Аня произносит это вроде бы в шутку, но Мария понимает - права "звезда фрирайда". Маша будто не видела никого, кроме него, палец сам дергался, стоило Басу попасть в кадр. И его действительно много в отснятом фотоматериале, заметно больше, чем остальных. Надо спасать положение и лицо. Неожиданно ей на помощь приходит Олег.

- Бас хорошо получается. И прыгал он сегодня лучше всех. Я уж не говорю про его фирменную конопатую рожу, которую каждая собака знает. Неудивительно, что камера его любит.

"И не только камера" - мелькает в голове. Но эти мысли лучше держать при себе.

- Да, действительно, перекося получился, - спокойно соглашается Маша. - Это все куртка красная виновата, она на меня, как красный флаг действует, - пытается отшутиться. - Завтра целенаправленно на Анну поработаю. Ты не против, Аня?

- Не против, - Романович улыбается - все так же вежливо и равнодушно.

- Ну вот, - горестно вздыхает Бас, - недолговечна минута моей славы.

И сегодняшним вечером Маша на том же балконе, все так же с камерой. Только одна. Хотела поснимать вид с балкона, а вместо этого замерла, так и не сняв крышку с объектива. Что-то странное с ней происходит. А его ведь даже красивым назвать нельзя.

Обаятельный - да, безусловно. Тело фантастическое, но тут ребята все в хорошей физической форме, стройные, атлетичные, красивые мужские торсы и не только торсы. Так какого ж рожна она весь день искала глазами красную крутку в комплекте с желтыми штанами?! Чт0o0 в нем такого?! Тем более, у него есть Анка-пулеметчица. А сегодняшний день окончательно убедил Машу в том, что Бас и Аня... что у них, как говорится, отношения, они, наверняка, любовники, короче - они вместе. Ну и забей ты на него, Марья Дмитриевна!

Телефон разражается французской полечкой. Отец.

- Привет, пап.

- Ты обещала звонить каждый день! - тон отца не предвещает ничего хорошего.

- Как раз собиралась, - врет Маша.

- Как же, конечно.

- Честное слово, пап!

- Ну как ты там?..

- Ой, просто отлично! Мы сегодня ударно поработали, отсняли кучу материала. Устали...

- Ты там в порядке? Все цело?

- Пап, - она смеется. - Я фотограф, со мной в принципе ничего не может случиться. Да и ребята у нас в группе все профессионалы. Так что все целы.

- Все меня не интересуют, - сухо произносит отец.

- Со мной все хорошо. Не переживай. Ладно, не трать деньги.

Люблю, целую.

- О деньгах она беспокоится... а о папиных нервах - нет! Ладно, отдыхай. Чтобы завтра позвонила сама!

- Обязательно. Обязательно позвоню! Все, пока... параноик, - последнее слово произносится уже после нажатия отбоя.

- Ревнивый бойфренд? - раздается за спиной знакомый голос. Ей даже удалось не вздрогнуть. Оборачивается. Бас. А ведь это прозвище ему удивительным образом подходит. То ли из-за низкого голоса, то ли из самого звучания слова - короткого, как команда.

Можно было бы соврать, что бойфренд. Но зачем? Что, он будет ревновать? Абсурдно.

- Хуже, - усмехается Маша, засовывая телефон в задний карман джинсов. - Отец.

- Переживает?

- Не то слово.

Он встает рядом, облакачивается о перила.

- А отсюда вид гораздо лучше, чем с той стороны, где номера, да?

- Да. Я как раз поснимать хотела. Но уже свет не тот, - с сожалением.

- Да, темновато. Слушай, сказать хотел... Ты офигенный фотограф.

Это так неожиданно, что она не находится с ответом. И потом, после паузы может только банально:

- Спасибо.

- Да не за что. У тебя действительно хорошие фотки получились. И я это говорю не потому, что ты сегодня много именно меня снимала. Я понимаю, это просто так случайно вышло, - ну да, именно так!

Отличная версия. Случайно! - Ракурсы очень удачные. У тебя глаз верный, умеешь видеть. Это далеко не всем дано.

- Спасибо, - повторяет она. - Я же все-таки профессионал. Меня этому учили.

- Есть вещи, которым невозможно научить.

- Ну да, ты прав, - соглашается Маша. Передергивает плечами - уже холодно, она лишь в одной трикотажной кофточке.

- Замерзла?

- Да. Что-то я налегке вышла, в отличие от тебя. Надо пойти утеплиться. Можно попробовать закат снять...

Далее происходит неожиданное. В одно движение Бас распахивает куртку, придвигается, накидывает полу ей на плечо и притягивает к себе. И она замирает, под его рукой, прижатая к теплему боку, укрытая его курткой. Сердце ухает в пятки, а потом неожиданно оказывается где-то в горле, мешает говорить. Как девочка, е-мое!

- Бас?..

- Ммм, - он, как ни в чем не бывало, любуется пейзажем вполоборота к ней.

- Ты... что делаешь?

- А что? - оборачивается к ней. Похоже, с искренним недоумением. Лицо так близко - можно начинать считать конопушки.

Как объяснить?! И, желательно, - внятно?!

- А что... хм... на это... - кивок в сторону его ладони на ее плече, - скажет Аня?

- А что Аня? - он усмехается, но ее вопрос, кажется, понял правильно. - Во-первых, Аня спит. Я ее... утомил... - многозначительность тона сопровождается еще и столь же многозначительным движением бровей. - А во-вторых, что такого, я не понял? Тебе холодно, я просто тебя согреваю. Как истинный джентльмен.

Взгляд при этом абсолютно не джентльменский. В голову вдруг приходит выражение из арсенала мамы - "блядский взгляд". Мама это по отношению к отцу обычно говорит. Вот, это похоже, он. Зеленый блядский взгляд! В гробу она видала таких джентльменов!

Бас желания ее отпустить не демонстрирует. Так и стоят в надвигающихся сумерках. О том, чтобы взять в руки камеру и реализовать намерение пофотографировать закат, уже речи быть не может. Маша стоит, боясь пошевелиться, страшно и сладко одновременно. Да ей не было так даже накануне ее первого раза! А тут... Так остро чувствуется все - и тепло его тела рядом, и рука на плече... И вообще, вся эта близость его кажется такой интимной, что голова кружится. Ой, кажется налицо впадение в детство. Даже первый поцелуй с одноклассником в возрасте неполных четырнадцати лет ее не потрясал сильнее, чем вот сейчас... Похоже, ее начинает колотить дрожь. Бас, не оборачиваясь, притягивает ее к себе крепче.

- Ну, ты и мерзавка...

- ЧТО?!?

Наконец-то поворачивает к ней лицо, улыбается.

- Мерзлявая, в смысле. Вон как трясешься.

- Угу. Совсем замерзла, - освобождается излишне резко. - Пойду я в номер. До завтра, Бас.

- Спокойной ночи, Маш.

Дни идут за днями. Они два раза сменили место дислокации, и скоро собираются делать это в третий раз и перемещаться уже на территорию Соединенных Штатов.

За прошедшие три недели отношение к Маше в съемочной группе изменилась кардинально. Если поначалу со стороны Олега чувствовалась некая настороженность, то теперь она сменилась

полнейшим доверием. Он признал ее талант и авторитет, что было очень приятно и слегка неожиданно. Но у нее получалось так, что ей и самой нравилось. Как-то легко, само собой. И заниматься этим нравилось, что характерно. Очень разнообразно, увлекательно.

Среди группы райдеров она стала любимой персоной для шуток, подколов и ухаживаний. Хотя в случае с прямолинейными и грубоватыми лыжниками и бордерами речь шла скорее не об ухаживаниях, а о домогательствах. С другой стороны, слово "нет" они понимали, да выглядело это больше забавно, чем навязчиво. Спустя пару дней совместной работы Машу наградили незатейливым прозвищем "Масяня", а затем ей пришлось пережить "подкаты" со стороны всех членов группы по очереди, и не по одному разу. За исключением Баса.

Это стало даже чем-то вроде ритуала.

Вечером, после ужина, она скачивает фотографии с карты камеры на ноутбук.

- Ну что, чья сегодня очередь Масяню замуж звать?

- Вроде, Илюхина...

- А... - Тарасов прокашливается, - я сейчас. Мария, окажите мне любезность...

- Илья, отвали! - беззлобно огрызается Маша. - Сейчас фотки будем смотреть.

- Нда... Что-то быстро тебя, Тарасыч, сегодня обломали.

- И не говори. Даже не успел рассказать, какое у меня приданое в деревне.... Три коровы...

Дружный гогот.

- Ты хоть раз в деревне был, Тарасов? Ты знаешь, как коровы выглядят?

- Знаю!

- А ну-ка нарисуй!

- Ой, только не давайте Тарасычу карандаш. Он рисует только пьяный, и только зайцев!

И так - каждый вечер.

Или - вот так...

- Грицко, сегодня твой черед Масяню уговаривать замуж.

- А, по-моему, ее без толку словами уговаривать, - отзывается Гриша "Оз" Осипов, самый отвязный бордер в группе. Его трюки - украшение будущего фильма, да и Маша в последние дни особенно

любит его снимать, уж больно красивые кадры получаются. - Надо по-другому. Селянка, хочешь большой и чистой любви?

- Иди на фиг, - не по тексту отвечает Маша, занятая обработкой фотоматериала.

- Я понял. В полночь. Жди, Мария. Я приду.

Народ ржет, Маша лишь пожимает плечами. Границы ребята видят четко, и можно совершенно не переживать, что кто-то ночью вломится к ней в номер. Хотя, может быть, она бы и не возражала... чтобы кое-кто вломился...

- Слушай, Бас, а что это ты у нас ни разу Масяню замуж не звал?

Небольшая пауза. Ей проще сделать вид, что она вообще тут не при чем.

- Бас как бы слегка занят, - ленивый Анин голос.

Стойкое желание надеть наушники. Или вообще сбежать в свой номер, но она почти закончила, а материал надо показать, отснятое за сегодня Димкой видео уже посмотрели и оценили.

- Да и толку ее звать, - неожиданно вступает в разговор Литвинский.
- Она же никогда не соглашается.

- А, может, если ты позовешь, то соглашусь! - это называется: слово не воробей... А как хочется взять эти слова обратно!

Тишина. Лишь слышно, как Маша демонстративно бойко щелкает кнопками "мышки". Давайте сделаем вид, что я ничего не говорила, а?

- Какое смелое заявление! - прерывает молчание Оз. - За что Басу такая честь, Масяня? Чем он лучше остальных?

Маша отрывается от ноутбука. Врать и делать лицо она все-таки умеет. Переводит взгляд - Гриша, Бас, Аня. Слегка усмехается, этак снисходительно.

- Исключительно с целью посмотреть, как он будет выкручиваться, если я соглашусь.

Ребята смеются, лишь Бас отчего-то не улыбается, и Аня кривит губы:

- Как-как... тупым ножом под корень...

Еще один взрыв смеха. У нее все готово для просмотра. Но в процессе ее не покидает ощущение, что кое-кто в этом разговоре говорил серьезно. И не только она одна.

Глава 3. "Парней так много холостых..."

Пересечение канадо-американской государственной границы они отметили снятием сухого закона. Олег разрешил, хотя до этого держал группу в ежовых рукавицах. Но дело движется по плану, материал набирается просто убойный. Можно позволить ребятам разок расслабиться.

На территорию США, штат Юта, они приехали вместе с приличными морозами. И сауна оказалась весьма кстати. Оз, который обладал каким-то фантастическим талантом в любом месте чувствовать себя как дома и находить все, что ему требуется, где-то раздобыл пару веников. Березовых, что удивительно.

- Сейчас мы из этой сауны настоящую баньку сделаем!

- Знаешь, Оз, что-то мне перехотелось идти. Я лучше посижу, с фото поколдую...

- Мария! - Гриша нависает над ней всеми своими сто девяносто. - Прекращай мастурбировать и марш раздеваться!

- Гриш, ну правда, не хочется...

- Я могу тебя перекинуть через плечо и тупо унести... или за косу и по полу уволочь... или ты пойдешь сама.

- Тьфу на тебя! И вообще - нет у меня косы, чтобы за нее волочь, тем более - по полу.

- Не переживай, я придумаю что-нибудь! Пошли, Масяня! Холод из тела надо выгонять - так моя бабушка говорила.

Сама "парилка" небольшая, вчетвером нормально, вшестером - уже плечом к плечу. Сидеть в горячей, растапливающей все внутри тебя сауне в обществе пятерых полуголых парней - переживание новое, и, скорее приятное, чем нет. Точеные постоянными физическими нагрузками мужские торсы, восхищенные взгляды на замотанную от подмышек до колен простыней ее собственную фигуру. Compliments на грани фола, но бутылка пива в активе позволяет ей достойно отвечать и хохотать вместе с ними. Видел бы и слышал ее сейчас папа... Хотя нет, это не для его нервной системы.

А еще с ними безумно интересно. Молодые парни, ее ровесники, кто-то чуть старше, кто-то моложе. Где только не были, чего только не видели. С легкостью, ужасающей ее, вспоминают о падениях, травмах, переломах, сотрясах. О том, кто, как и какими именно способами их "собирал" после особо крутых "уборок", говорят в терминах, достойных профессиональных медиков. Фамилии лучших врачей-травматологов, методы реабилитации после операций - эти

молодые ребята об этой стороне жизни знают столько, сколько обычные люди не знают за всю их жизнь. А для них это привычно. Они профессиональные райдеры. Про-райдеры.

Оз провокационно предлагает Маше рассмотреть получше шрам на бедре после сложного перелома два года назад. Сейчас шрам прикрыт обмотанной вокруг бедер простыней, но если вдруг тебе интересно, Машенька... Оз послан нафиг, но не очень-то обескуражен. И все-таки странно, как ей с ними легко. Интересно, приятно, немного волнующе и вместе с тем - удивительно комфортно. А все потому, что Баса здесь нет. То есть, он тут есть, но... Они разбились на две группы, и ходят в "парилку" по очереди. И Бас с Аней в другой компании. Это и к лучшему. Чем меньше она его видит, тем более в обществе Ани, тем более - полуголового... тем лучше.

- Ну что? - они собрались в "предбаннике" всей толпой, Оз колдует в "парилке", готовя ее для экзекуций. А теперь вот вышел к ним, в лихо сдвинутой на затылок войлочной панаме, в рукавицах, с веником в руке. - Кто первый?

- Все, в Озе проснулся банный маньяк, - хохочет кто-то. - Я пас!

- Масяня?..

- Нет!

- Да...

- Нет!!!

- Да, детка, да...

Шут его знает, почему она позволила утащить себя в парилку. Это вторая бутылка пива виновата, не иначе. А дальше... дальше все остальные наслаждались радиопередачей "Оз и Масяня в парилке".

- Ну что, разделась? Легла? Я захожу! - и, через пару секунд: - О, май гад!!! Вот это попка. Сейчас кончу!

- ОЗ!!!!!!!!!!!!!!!

- Куда?! Лежать!!!

- Началосоось... - хмыкает Илья.

- Не поддавай!

- Я чуть-чуть...

- Ай!!!!!!!

- Не ори! Голову вниз, руку согни и лицом в сгиб локтя. Дыши потихоньку, вот так... Ну что же, приступим...

Звонкий шлепок веника. Женский визг. Еще шлепки.

- Масяня, держись! Мы идем к тебе. Спасать твою попу!

- А ну всем сидеть на месте! - орет из парилки Гриша. - Сам справлюсь!

- Оз, скотина!!!

- Еще нет, детка... Все только начинается.

Шлепки веником, перемещающиеся с ойканьем. Потом просто шлепки.

- Все, у Масяни силы кончились, - комментирует Димка. - Даже пиццать уже не может.

- Или он ее убил, - отзывается Бас. - Подозрительно тихо.

Пронзительный, нечеловеческий почти визг, от которого даже у них в предбаннике закладывает уши. Бас вздрагивает.

- Что он там с ней делает?!

- Какой-то ты нервный, Бас, - фыркает Аня.

- А я знаю, что он делает, - ухмыляется Илья.

- HEEEEEEEEEEEEEEEEEEET!!!! HEEEEEEEEEEEEEEEEEEET!!!

ТОЛЬКО НЕ ПЯТКИ!

- Я легонько!

- Гришка, прекрати! Щекотно!!!!

- Сейчас еще вторую...

Еще один вопль.

- Все, деточка... Скажи спасибо дяде Озу.

- Иди на хер, извращенец!

В дверях показывается Маша. Распаренное лицо, волосы торчком, из-под кое-как, наспех намотанной простыни виднеется край голого крутого бедра. Ее встречают дружными аплодисментами и смехом.

- Я его убью, - мрачно сообщает Мария всем присутствующим, поправляя норовящую сползти простыню. - Вот только выйду, остыну. И убью.

И Маша выскакивает на улицу остывать, напоследок одарив всех желающих нечаянным пейзажем оголившейся, но замечательно круглой и упругой на вид попы.

- Бедный Гришаня, - хмыкает Бас. - Попал.

- Ничего я не попал, - отвечает вышедший из парилки Оз. - Я видел Масяню голый, в отличие от вас, задротов.

- Гордись теперь до конца жизни, - это Аня, сидит, прижавшись к Басу. - И вообще, что-то Машенька слишком уж орала...

- Со мной женщины всегда кричат, - ржет Оз, отхлебывая пива. - Ох, хорошо-то как...

- И все равно... Подумаешь, веник...

- Тебе это тоже предстоит. Сейчас Бас тебя так в парилке... отдерет. Он умеет, знатно парит.

- Да что-то как-то я... - Литвинский трет плечо. - Рука болит, упал сегодня неудачно. Ань, ты точно хочешь? Может, тебя Оз попарит?

- Не очень-то и надо, - поджимает губы Анна.

Возвращается Маша, с уже нормальным цветом лица и отчетливо видными под простынею торчащими от холода сосками.

Демонстративно проходит обратно в парную.

- Маша, деточка, ты созрела для второй серии? - кричит ей вслед Оз.

- Я тебя еще спереди не парил.

- Уже оставь ее в покое, Оз.

- Какой-то вы сегодня скушный, Василий Артемович...

- Я греться пошел. Кто еще идет?

Их опять набилось шесть человек. В сауне жарко, а ее трясет, как будто никак не выходит холод, который она принесла с собой с улицы, когда выскакивала остывать. Потому что его голое, влажное, горячее плечо прижимается к ее плечу. Бедром, через все эти слои хлопка, она чувствует его бедро.

Ребята вокруг все еще подкалывают ее по поводу их дуэта с Озом в парной, лишь Бас преимущественно молчит. А ей смертельно хочется повернуть голову и лизнуть рельефное, влажное, наверняка соленое плечо с парой веснушек. Приходится зажмуриться и представить в красках лица ребят, если она это действительно сделает. А заодно и лицо Ани.

К концу второго месяца авторитет Маши в группе вознесся до небес. И дело было даже не в совершенно чумовых фото, которые она строчила как из пулемета. Олег умудрился подхватить какой-то вирус и дня три просто лежал пластом с температурой. Как-то само собой получилось, что его функции стала исполнять Маша, и делала это безукоризненно, ничуть не хуже самого Олега.

Съемки шли настолько бодрыми темпами, что стало похоже на то, что они уложатся в два с небольшим месяца. Материала отснято уже едва ли не на два фильма. Марию это не могло не обрадовать.

Она привыкла, в конце концов. Привыкла не вздрагивать от его голоса. Заставила себя не оборачиваться с неприличной частотой, чтобы посмотреть, где он. Привыкла не отворачиваться, когда видела их вдвоем. Заставила себя перестать ненавидеть Анну. И когда однажды случайно подслушала, как Бас с Аней о чем-то сердито

разговаривали на повышенных тонах - даже тогда она не позволила себе этому малодушно обрадоваться и взлелеять какую-то надежду. Нет! Милые бранятся - только тешатся. И даже если у них что-то расклеится с Аней... С чего бы ему обратить внимание именно на нее? Никаких посылов к этому видно не было, за исключением того единственного эпизода на балконе. Да и то - он ее просто пригрел под боком, и все. А так - улыбчив, благожелателен, не скупится на комплименты, причем преимущественно ее профессионализму, но - не более...

В общем, в руках она себя держала крепко. Но скольких сил это стоило... Дорого, ох, дорого, давался ей Василий Литвинский. Ну, ничего, скоро это все закончится, они разъедутся по своим делам. И это как-то пройдет, само собой. Должно пройти. Это просто рыжее конопатое наваждение, и разлука рассеет его, как солнце - утренний туман.

Неожиданно, еще не успев закончить этот проект, она получила новое предложение о работе. Олег постарался - так Машины работы его впечатлили. После возвращения ее ждали на открытии нового волейбольного комплекса. "Снимать людей в движении - Маш, это твое!" - безапелляционно заявил ей Олег. Возможно, и так. Ей самой пока нравилось.

Известием о новом интересном предложении ей было с кем поделиться.

- Маша, детка, а чему ты удивляешься? Ты попала в "обойму". Теперь предложения посыплются как из ведра. Фильтруй, какие тебе самой интереснее.

- Дядя Стас, это все благодаря вам!

- Марья, не "дядькай", сколько раз тебе говорил! Просто Стас. Или, если угодно, по имени-отчеству. Но от дяди - уволь!

- Есть, Стас Саныч! - не спорит Маша. - Все равно, если бы не ваша рекомендация...

- Талантам надо помогать, - отмахивается Соловьев. - И потом, Машенька, ты одна из лучших моих учениц. У тебя талант. Если бы его не было, я бы не стал с тобой возиться. И наша дружба с Тихомировым тебе бы не помогла. Хотя в случае с твоим отцом... - вздыхает Стас, - такой родитель скорее минус, чем плюс.

- Это точно, - усмехается Маша. - И все равно - спасибо, сэнсей!

- Не за что. Будут вопросы или проблемы какие - обращайся.

Когда, по предположениям Олега, осталось всего-то три съемочных дня, не больше, Бас отличился. Маша вела его прыжок в серию, и поняла сразу - полетная фаза не такая, как всегда. Бас судорожно махал руками, пытаясь стабилизировать себя в воздухе. Без толку. В итоге рухнул, не приземлил, не вывез прыжок.

Ухнул в снег с головой. А у нее ухнуло в пятки сердце. Томительная секунда, а она так и не отрывается от видеоискателя, боится потерять место его падения из вида. И спустя вечность секунды из-под снега показывается сначала салатово-зеленый шлем, потом рука. Машет, дескать, живой, все в порядке.

Но выбраться самому не получается, к нему, как пара росомех-переростков, на четвереньках, сквозь глубокий снег ползут Илья и Гриша. Что-то там все не так благополучно, очевидно, какая-то суета, непонятные движения.

- Бас, что случилось? - голос Олега в рации.

Вместо Баса отвечает Гриша:

- Бас ногу дернул. Черт его знает, на сколько у него крепления завернуты, что лыжи не отстегнулись. Ботинок сейчас снимем с него. А то опухнет - потом вообще не стащим.

Никто не придает этому эпизоду большого значения. Прикалываются над Басом, который скачет на одной ноге, вторая поджата, на весу, в насквозь промокшем от снега носке. "В первые сутки после травмы - холод и покой" - комментирует Бас потом, в ратраке, сняв носок, быстро и уверенно накладывает эластичную повязку на голеностоп. Маше предлагают сделать фото хромого героя в одном горнолыжном ботинке, а у нее до сих пор слегка дрожат пальцы. Клуб самоубийц! Как с этим можно спокойно жить?! Вон, вон из этого сумасшедшего дома!

Два с лишним месяца пролетели незаметно. Но очень продуктивно. За это время Маша из начинающего, никому не известного фотографа как-то молниеносно превратилась в человека с ИМЕНЕМ. И имела совершенно конкретные планы на будущее, включавшие в себя пару новых, интересных предложений. Похоже, она нашла свою нишу. Ей определенно нравится делать именно это. Именно это у нее прекрасно получается. Иначе такой стремительный профессиональный прорыв объяснить нельзя. И это совершенно точно можно занести себе в актив.

- Маша, солнышко, это просто твое, - она перед возвращением домой советуется по телефону с сэнсеєм.

- А вот вы, Стас Саныч, таким не занимаетесь...

- Машуля, каждый должен делать свое дело. Уметь снимать спортсменов, действо, движение, вплетать в это красоту природы - это особый дар. И у тебя он есть. Развивай его.

Все-таки у сестер Соловьевых мировой батя!

В пассиве находилась лишь одна величина. Зеленоглазая беда по имени Василий Литвинский и ее не поддающаяся никакому логическому объяснению одержимость им. Что с этим делать, совершенно непонятно. Оставалось надеяться на время и собственный здравый смысл.

Вся группа тепло распрощалась друг с другом. Обменялись телефонами, емейлами, скайпами, аськами. Олег клятвенно пообещал прислать всем приглашения на премьеру, которая должна быть осенью. Маша пребывала в уверенности, что уж к осени-то она совершенно точно избавится от своего зеленоглазого конопатого наваждения.

Глава 4. В душе покоя нет.

Все произошло с точностью до наоборот. Она предполагала, что как только он перестанет маячить у нее перед глазами и в объективе камеры, все сразу само собой сойдет на "нет". Черта с два!

После того, как улеглась суматоха после ее возвращения. После того, как она была трижды ошупана, осмотрена и допрошена отцом и он, наконец-то, убедился, что с драгоценным чадом все в порядке. После того, как ее накормили любимым и домашним. После того, как она доложила Катке, позвонила всем по очереди Соловьяхам, переговорила еще с парой подружек... В общем, после всего, через пару дней, когда она осознала, что НЕ увидит его... НИ сегодня. НИ завтра. И вообще НЕ увидит его конопатую рожу в ближайшие месяцы... Вот тогда она затосковала. Самым натуральным образом.

Работа выручала, потому что Маша четко понимала - имя и авторитет у нее еще пока весьма хрупкие, лажаться нельзя. Но когда все необходимое к завтрашнему дню бывало подготовлено, тогда открывалась заветная папка на ноуте. И она могла бесконечно рассматривать его фото. Колдовала над ними так и эдак в фотошопе, добавляя эффекты, вытягивая по цветовым балансам и прочая, в общем - дурью страдала. Зато у нее подобралась совершенно убойная

коллекция фотографий про-райдера Василия Литвинского, можно гордиться. Жаль, похвастаться не перед кем. И так Катька ее один раз застукала.

- Что за рыжий хлопец? - сестра подошла сзади. - Смешной такой...

- Да так... - неопределенно отвечает Маша, закрывая окно с фото.

- Эй, нет!- протестует Катерина. - Кто это, а? Кто-то известный? Лицо знакомое вроде...

- А вот это вряд ли... - фыркает Мария.

Хотя определенная правда в словах Катьки была. Помимо манипуляций с фотографиями Баса она еще и произвела розыскные работы в Интернете. Массу всего интересного обнаружила. Некая популярность у Баса есть, узкоспецифическая. Он довольно известный "про", один из лучших в стране, несмотря на молодость - он всего на пару месяцев старше ее. Востребованный, часто снимается в рекламе и snow video, принимает участие в различных профильных контестах и мероприятиях. Популярен, любим спонсорами и журналистами. Правда, злые языки утверждают, что причина такой популярности и востребованности исключительно в фамилии Баса. Ибо Литвинский-старший является каким-то начальником на одном из крупнейших российских горнолыжных курортов, и вообще, человек-легенда и нереально крутой перец. В деталях этой среды Маша не очень разбирается, но глазам своим верит. Насколько сильно повлияла фамилия на карьеру Литвинского-младшего, оценить сложно, но заметно даже ее совершенно стороннему взгляду - к своему делу Бас относится крайне серьезно. Она ни разу не слышала от него в адрес операторов слов "нет", "не буду", "не хочу". Он, в отличие от некоторых других, не капризничал, всегда старался выполнить, что ему говорят. Как это ни смешно звучит, но - соблюдал режим, рано ложился спать, она ни разу не видела, чтобы он выпивал. Даже в тот памятный раз в бане. Для него это работа, и к ней он относился серьезно. Хотя некоего общего флера раздолбайства и умения обстебать все, что можно, это никоим образом не отменяло.

Маша смотрит ролик с его последним интервью. Сначала какие-то серьезные вопросы о соревнованиях, про успехи, про спонсорские контракты, про ближайшие планы. А в финале корреспондент решил, видимо, подколоть Баса.

- Скажи, Василий, а это правда, что ты в юности мечтал стать порно-актером?

На этом месте Маша стабильно начинает улыбаться, глядя, как Бас с абсолютно серьезным выражением лица кивает:

- Да, правда. Мечтал. Более того, - невинно и доверительно глядя в камеру своими невозможными глазами, - моя мечта сбылась. Я им стал.

Как же она хочет увидеть эти глаза вживую, напротив своих. И желательно очень близко. Ну, или хотя бы на расстоянии метра...

Конопатое наваждение категорически не хочет рассеиваться. Более того, с каждым днем она тоскует по нему все сильнее. Кто-нибудь, пристрелите ее. Из милосердия!

То предложение она получила по е-майлу. Снимается рекламный ролик об открытии новой трассы и подъемника на одном из российских горнолыжных курортов, необходим фотоматериал. Она перепроверяет - это тот самый комплекс, где работает Литвинский-старший. Следующий этап - она запрашивает список людей, задействованных в ролике. И, обнаружив в присланном файле с информацией два заветных слова - "Василий Литвинский", Маша судорожно хватается за телефон. Она согласна на любые условия, и пофиг на папу, даже если он опять будет гундеть! У нее есть шанс снова его увидеть!

Машина кандидатура с радостью принимается. Она не верит в то, что **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** увидит его через пять дней.

- Сестрица, у тебя странное выражение лица... - Катька ее снова подкараулила. - Даже не знаю, как описать...

- Проект интересный подвернулся. Через неделю улетаю!

- Тю... А я подумала, что ты наконец-то влюбилась...

- Машенька! Как же я рад тебя видеть! - он сгреб ее, припечатал к себе. Демонстративно расцеловал в обе щеки и продолжил, радостно улыбаясь: - Я когда узнал, кто будет фотографом на проекте - нереально обрадовался!

Если бы он ее не придерживал за плечи, она бы упала. В коленях образовалась какая-то внезапная пустота, и одно желание: ответно повиснуть ему на шею и поцеловать. В губы. Которое уравнивается совершенно законным вопросом: "Что с Басом и

почему он себя так ведет?" Как будто это совершенно другой человек. Хотя внешне тот же самый.

- Привет, - может только слабо произнести она.

- Привет-привет, Мария, - мурлычет он, не отпуская ее плеч. - Слушай, ну как же здорово, что ты здесь! Я ребятам так и сказал - у нас будет самый лучший на свете фотограф!

- Спасибо, - она все никак не может прийти в себя. Что происходит, кто ей объяснит? Какая муха укусила Баса, что он так себя ведет? Она даже в самых смелых своих мечтах не могла представить, что их встреча произойдет ТАК.

- Как ты? Как дела? Рассказывай! - он еще крепче прижимает ее к себе. Какого черта он ведет себя так, будто они друзья "не-разлей-вода"?!

- Да нормально, - Маша пытается вести себя естественно, хотя мозг плавится от того, что он ее обнимает. И от того, что она не понимает, какого рожна он это делает?! - Работала, трудилась аки пчелка. Ты как?

- Такая же фигня! - смеется он. - Ни минуты покоя!

- Как нога?

- А что нога? - недоумевает он. - А, ты про тот раз... Да, ерунда, немного побаливает. Но я в форме. Ну что, покажем завтра мастер-класс?

- Легко! - кажется, ей удалось справиться с собой и подобрать правильный тон. - Кто на видео? Новиков?

- Нет, другой парень, но тоже хороший оператор. Ох, Маш, ну как же я рад, что ты у нас фотограф!

На прощание он еще раз чмокнул ее в щеку. К себе в номер Маша дошла на полусогнутых и без сил рухнула на кровать. Что за хрень творится с Басом?! Он за пятнадцать минут разговора прикасался к ней больше, чем за все их более чем двухмесячное совместное пребывание в одном здании. А уж сколько приятных слов он ей наговорил... Как будто стремительно стали сбываться все ее мечты. И это настораживало... Может быть, у нее галлюцинации? Или она принимает желаемое за действительное?

А потом, распрощавшись с мыслью найти происходящему разумное объяснение, она откинулась назад, прикрыла глаза. И позволила себе вспомнить - как это оно, когда он так близко, так рядом. Его тело рядом, рука на плече, прикосновение губ к щеке. Вроде бы, все

достаточно невинно, но у нее снова все дрожит внутри, стоит только вспомнить...

Все возвращается на круги своя, усилившись многократно. Она думает только о нем, она буквально бредит им, его лицо постоянно перед глазами. Его самые простые прикосновения выбивают ее из состояния душевного равновесия так, как не удавалось достаточно интимным ласкам других. Что это? Как это называется? Блин, Маша, неужели ты влюбилась?!

Последующая пара дней показала, что в профессиональном плане они по-прежнему идеально подходят друг другу.

- Баса, как ни снимай, все хорошо получается, - комментирует Сашка Сафонов, видеооператор.

- Не скажи, - он приобнимает ее за плечи. - У Маши я получаюсь особенно красиво.

Что он завел за моду постоянно ее тискать?! Мария и так вся на нервах и не понимает его мотивов. Что произошло за этот неполный месяц, что они не виделись?!

На второй день они закончили работу на склоне пораньше, до обеда. Фристайловая серия на трамплинах отснята, и назавтра они собираются "на пленэр" - забраться на ратраке подальше, поглубже и поснимать в пухляке.

- Мааааш?

- Да?

- Слушай, сказать тебе кое-что хочу...

- Говори, - она старается, чтобы голос звучал максимально нейтрально.

- Только ты не обижайся, ладно, Маш?

У нее екает сердце. Вот, похоже, сейчас она получит ответы на все свои вопросы, сомнения и подозрения.

- Если не будешь критиковать мои методы работы - то я обижаться не буду.

- Да там-то что критиковать?! Ты гений, это даже не обсуждается. Я о другом поговорить хотел...

- Выкладывай! - получилось излишне резко, она понимает.

Бас вздыхает, сдвигает на затылок шлем.

- Без обид, Маш, ладно? Но стойка у тебя просто безобразная.

- ЧТО?!

- Что-что... Стойка у тебя ужасная. Валишься то вперед, то назад. Где центральная стойка, Маша, где она?

- Бас, - она неверяще качает головой. Что угодно ожидала, но такого... - Ты что, критикуешь мое катание?

- Извини. В чем разбираюсь, на то и обращаю внимание. Маш, тебе, правда, надо стойку поправить. Самой же легче будет кататься. Я бы мог... Сегодня время как раз есть. Мы за пару часов на склоне этот косяк исправим, я уверен.

- Ты предлагаешь... - как-то это все абсурдно. Или у нее уже восприятие совсем искаженное, из-за того, что это именно он предлагает? - Ты хочешь позаниматься моей техникой катания и стойкой?

- Очень хочу! - он утвердительно кивает головой, едва не уронив шлем. Снимает его, и добавляет, глядя ей прямо в глаза и чуть-чуть, почти неуловимо улыбаясь: - И какой-нибудь другой техникой... я бы тоже с тобой с удовольствием позанимался.

До нее непозволительно, постыдно долго доходит, что происходит. А когда все-таки доходит...

- Бааааас?...

- Да?..

- Ты что... Ты ко мне... клеишься?

- Нуууу... Да! - он по-прежнему смотрит ей прямо в глаза. Блядские, бедовые, гипнотические глаза у него! - И потом, почему сразу "клеишься"? Может, это я так... ухаживаю?

- Вот так?!

- Хм... Как умею, - он усмехается.

А вот Маше не до смеха. Что-то ее смущает, и она наконец-то понимает - что именно.

- А как же Аня?

- Аня? Ты видишь тут Аню? - он демонстративно оглядывается по сторонам.

- Бас?!

- Ладно, - он вздыхает. - Мы расстались. На почве непримиримых противоречий относительно техники... катания.

Боже, какая же она дура! Самая простая, очевидная, лежащая на поверхности версия не пришла ей в голову! Он просто расстался с Романович! И ищет кого-то ей на замену. Именно поэтому так себя и ведет!

Ей бы обрадоваться, что парень, которым она бредит не один месяц, наконец-то свободен. И у них может что-то получиться. Но неожиданно просыпаются родительские гены - гордыня, упрямство и характер. У нее четкое ощущение, что до нее... снизошли. Что до нее дошла очередь. А Маша Тихомирова ненавидела очереди и была неколебимо уверена в собственной исключительности и уникальности, так уж ей отец внушил.

- Значит, ты... в свободном поиске?

- Угу.

- Что ж... Думаю, я смогу тебе помочь.

- Да? - он улыбается, широко, обрадовано. Придвигается близко, очень близко. Чуть наклоняется к ее лицу. - Я очень рад. И как именно... ты собираешься мне помочь?

Впервые, глядя ему прямо в глаза, да еще и так близко, она испытывает не гипнотически-предобморочное чувство, а нормальную, здоровую злость. Желание уделать.

- Будешь проводить кастинг - позови меня. Сделаю тебе фото, как надо - фас, профиль, ню. Потом сядешь с фотографиями, спокойно рассмотришь, оценишь. И выберешь.

Он так забавно хлопал глазами, что Маша не удержалась от ехидной улыбки.

- Кастинг?..

- Конечно. Ты же должен серьезно подойти к вопросу подбора кандидатуры на такую важную вакансию. Так что как соберешься - обращайся. Сделаю тебе скидку на фотосессию... пятьдесят процентов.

Он сначала просто изумленно смотрит на нее, потом улыбается. А потом - хохочет, запрокинув голову. И, отсмеявшись:

- Ну ты и стерва!

И непонятно, чего в его тоне больше - осуждения или восхищения. Пожалуй, восхищения больше.

- Будешь обзывать - не получишь скидки!

- Ох, Маша, Маша... - качает он головой. И почему-то совершенно не выглядит смущенным или огорченным. Улыбается так, что она понимает - он пришел к каким-то совершенно определенным выводам относительно ее персоны. Она отвечает ему прямым, с вызовом, взглядом. Он улыбается еще шире. Игра началась.

Глава 5. Папа целоваться не велит.

После того, как они следующим днем отсняли пухлячную сессию, Бас отбирает у нее рюкзак с камерой и протягивает Сафонову со словами:

- Возьми с собой. Маша потом у тебя позже заберет.
- А вы?
- А мы своим ходом спустимся, через плато, а потом по ложбине.

Прокатимся, снег хороший.

- Эй! - протестует Мария.
- Я сказал, что поставлю тебе стойку - значит, поставлю!
- Да тебе-то какое дело?!
- Я не могу смотреть на такое безобразие.
- Не можешь - не смотри!
- Давай-давай! - подталкивает ее в спину. Ребятам, грузящимся в ратрак: - Внизу увидимся!

- Слушай, ты, Сусанин! - Маша смотрит вслед удаляющемуся ратраку. Наконец, он скрывается из виду и становится тихо... и совсем безлюдно. Только они вдвоем. И горы вокруг. - А мы твоей милостью не закукуем тут? Вот заблудимся...

- Заблудимся?! - усмехается "Сусанин". - Это невозможно. Я в этих горах вырос, каждую елку знаю. Не бойся, прорвемся. Итак, слушай меня...

Он оказался хорошим учителем. Объяснял понятно, показывал доступно. Не орал, был терпелив и щедр на похвалу. И в его объяснениях определенно был прок - она это почувствовала, когда поймала те движения, о которых он ей толковал.

- Ну вот, теперь за тебя не стыдно, - удовлетворенно.
- Знаешь, что?! Вообще-то я и без тебя неплохо каталась!
- Неплохо? Ты себе льстишь, Мария...
- Ну да, конечно! Смотря с кем сравнивать! Если с таким профи, как ты...

- Всегда надо стремиться к самосовершенствованию, - он до безобразия назидателен и самоуверен.

- Да? Вот я на тебя посмотрю с профессиональной камерой в руках! И что ты сможешь сфотографировать!

- А что?! - с внезапным воодушевлением отвечает он. - Смотря что снимать... Если тебя... Как ты там говорила вчера - фас, профиль, "ню"... На твое "ню" я определенно согласен! Когда начнем уроки фотодела? Сегодня?

Она молча показывает ему "фак", благо на руках перчатки, не варежки. И уже теперь даже и не знает, что лучше - его спокойное равнодушие или такое... внимание. Это настолько неожиданно... и что-то протестует внутри, не позволяет принять это внимание. Собственная противоречивость и непоследовательность раздражает.

- Ну что, Мария... Давай, отожди по этой полянке. Покажи, чему ты научилась. Порадуй меня... хоть так...

Она отталкивается, вложив в это движение все свое раздражение. И, спустя секунд пять...

- Маш, какого черта ты завалилась под елку?! Ты как там?

Она не отвечает, пыхтит и сопит, пытается выбраться. Кошмар, никакой опоры под ней, только глубокий пушистый снег.

А он стоит над ней и издевательски менторствует:

- Эх, Маруся, Маруся... Под деревьями самый глубокий снег, туда лучше не проваливаться.

- Я уже чувствую, - кряхтит она.

- Ну, ты долго там копать будешь?

Она со зла дергает ногой, лыжа проваливается еще глубже, стопу больно выворачивает.

- Ай!

- Что там у тебя?!

- Лыжи глубоко ушли! Вытащить не могу! А ногу больно...

Он в одно мгновение выстегивается, падает рядом с ней в снег на колени.

- Не дергайся, я сейчас! - руки запускает куда-то в глубину снега. - Упрись мне коленом в руку!

Щелчок, нога освобождается, потом он отщелкивает и вторую лыжу. Маша вытягивает ноги, морщится.

- Как ты?

Неужели беспокоится?

- Нормально. Но лыжи глубоко, придется копать.

- Выкопаем, лыжи - не картошка, - отвечает он задумчиво. Стоит над ней на коленях, сама Маша, как в перине, лежит в пушистом снегу.

- Слушай, ну ты же понимаешь... - тон его неожиданно нерешителен. - Что я не могу не воспользоваться... сложившейся ситуацией.

Задирает очки на шлем, поднимет ее очки так же. Теперь видно глаза. Он наклоняет голову, как будто что-то оценивает.

"Сейчас поцелует" - мелькает в голове паническая (какого черта, не сама ли ты этого хотела, Маша?!) мысль. Наклоняется медленно, все так же чуть повернув голову. Когда двое, которые собираются поцеловаться, оба облачены в шлемы и очки, вздернутые на лоб, к этому процессу надо подходить внимательно и не торопясь.

Бас прицелился точно. И когда их губы разделяло уже совсем немного, она резко отвернулась, царапнув оправой своих очков о его.

Он выдыхает ей куда-то мимо губ, обдавая теплым воздухом щеку, ухо, шею.

- Маш, что за детский сад?

- Слезь с меня!

Он чуть отстраняется.

- Маш, но ты же....

- Слезь с меня, ты тяжелый!!!

- Слушай, но ты же... я же тебе... Мне показалось, еще там, в Канаде... что я тебе нравлюсь?..

- Когда кажется - креститься надо! Слезь, я кому сказала!

Он резко садится.

- Все-все! - даже руки поднимает перед собой в примирительном жесте. - Извини, дурак, не понял, напридумывал себе всякого. Погорячился, был неправ. Приношу свои извинения!

Встает, протягивает руку, помогает ей выбраться из снежной перины. Потом они вдвоем выкапывают из-под снега лыжи. Маша бросает на него косые взгляды. Он так быстро согласился, что это кажется странным... и обидным! Черт, она сама запуталась - в себе и в нем!

Мария слишком недолго была знакома с Василием, чтобы понимать: такая мгновенная и безоговорочная капитуляция означала одно - силы противника отходят на заранее подготовленные позиции, чтобы перегруппироваться и нанести вероломный удар с другой стороны.

Блицкриг был проведен согласно всем правилам военного дела - молниеносно и сокрушительно. У нее не было ни малейших шансов. Впрочем, очень похоже было на то, что все свои шансы она утратила еще в момент первой встречи. И ни доводы разума, ни девичья гордость ей бы не помогли.

Он ввалился к ней в номер вечером. Вернул камеру и потребовал показать фотоматериал. Что тут скажешь? Она привыкла к тому, что райдеры имеют на это право.

В тесном номере, большую часть площади которого занимала кровать, ноутбук был устроен именно на ней. Бас, не спросив даже разрешения, плюхнулся на живот перед ноутом. Но, разумеется, ему потребовалась помощь, он вдруг стал неожиданно криворук, и ноутбук у Маши "не такой", и "покажи мне, как перевернуть", и "как все неудобно тут у тебя, что за программа дурацкая". Пришлось сначала сесть рядом, потом, плюнув на все, свой комфорт дороже, растянуться так же на животе, перед ноутом. Рядом с ним. Это было начало конца.

Спустя пять минут крышка ноута захлопнута. С легким неделикатным стуком Бас сметает его на тумбочку. И подминает Машу под себя. Мысли о сопротивлении даже не успевают оформиться в голове - во-первых, он здоровенный, физически крепкий парень, спортсмен. А во-вторых, он ее целует. А целоваться Бас умеет, и она с ним целоваться хочет, себя не обманешь. Это последнее подобие связного умозаключения. Дальше - только реальность, данная ей в ощущениях. Ощущениях его губ, языка, пальцев.

В себя Маша пришла уже голая по пояс. И ведь даже не осознала, когда именно он успел... Не целует, не прикасается к ней. Смотрит.

- Бас? - тихо, голос плохо слушается.

Он поднимет на нее глаза. И выражение в этих и без того невозможных глазах, этот взгляд - мужской, тяжелый, с откровенно читающимся желанием - все это вызывает чувство, сходное с головокружением.

Он произносит что-то - также тихо и неразборчиво.

- Что?

- Я хотел их... тебя такой... увидеть... с того момента, как... тогда, на балконе... мы встретились первый раз, помнишь? - он говорит негромко, сбиваясь, пытается смотреть ей в лицо, но взгляд упорно сползает ниже. - Так пялился на твои... на твою грудь... думал, ты решишь, что я маньяк какой-то...

- На грудь? Я думала, ты на камеру смотрел...

- Ну да, - хмыкает он. - Конечно, на камеру. У тебя такой... - он переходит от слов к делу. Его руки на ее груди, задыхаются оба, - "Никон" шикарный...

Дальше разговор снова прекращается - у Баса слишком занят рот, чтобы говорить. В какой-то момент остро начинает мешать его одежда, сказать об этом не получается - слов нет, воздуха нет, да и

губы ее тоже заняты. Молча тянет вверх его футболку, Бас понимает без слов, секундный дисконнект тел, снятая футболка, брошенная наугад, снайперски точно приземляется на угол трюмо.

Прикосновение к его обнаженной груди своею приносит с собой обжигающую мысль: "Мало!". Мало такого прикосновения, хочется чувствовать его всей кожей, всем телом. Все тряпки долой!

- Что за пряжка у тебя идиотская! - жалобно, едва не ломая ногти о строптивый металл на ремне. - Я не могу! Не получается...

- Машунь, погоди... Я сейчас, я сам...

Перекачивается обратно на спину, очень споро расправляется со своими штанами. Одно движение - и глухо звякает об пол пряжка ремня на отброшенных джинсах, а на нем из одежды остаются лишь трусы.

- Они, оказывается, синие...

- Что?!

- Резинка - оранжевая... А сами они синие... Я тогда же, на балконе, когда мы познакомились... заметила... резинка торчала из-под пояса... Думала, трусы оранжевые... забавно.

- Ты что... - поворачивается на бок, подперев голову рукой, - думала о моих трусах?!

- Эээээ... - а толку-то уже скрывать?! - Да!

- А я-то надеялся, что ты думала о содержимом моих трусов...

- Бас!!!

- Что - Бас?.. - придвигается ближе. - Я вот совершенно не в курсе, какое ты носишь белье... Но регулярно думал о его содержимом.

У нее перехватывает дыхание, от его слов и от того, как ловко он расстегивает пуговицу на ее джинсах.

- Пора посмотреть самому...

Рассмотреть Машины трусики ему не удалось - белье снялось вместе с джинсами. Маша осталась, в чем мама родила, а Бас снова выпал из реальности. Замер, будто даже дышать перестал. И лишь глаза жили своей жизнью - его тяжелый взгляд прошелся по ней, мимолетно мазнул по лицу, ниже плеч задержался, Бас как-то странно дернул щекой. Потом дальше, взгляд спустился ниже пупка, обладатель взгляда хрипло выдохнул. Потом еще ниже, к коленкам и снова метнулся наверх, смотрит, не отрываясь, и молчит.

- Бас?.. - дальше молчать под его взглядом уже просто невозможно.

- Блин, Машка, - он это не сказал - выдохнул. - Ты такая красивая... И он наконец-то накрыл ее собой.

Нереальный кайф приносит все. Его тяжесть, хотя он и опирается на предплечья, стараясь не ложиться на нее целиком. Его прерывистое дыхание, прямо ей на ухо. Его щека, прижимающаяся к ее, такая гладкая, что становится понятно - брит не более часа назад. Его влажные плечи под ее мнутыми пальцами.

И то, как двигается его спина под ее скрещенными лодыжками. И как он растягивает ее, и как наполняет. И там, где они соприкасаются... и не только там, но и просто - там, где кожа к коже. Происходит какая-то диффузия, взаимное проникновение на клеточном уровне. Он просачивается ей в кровь, бежит по венам, и хочется, чтобы это движение было вечным. Чтобы он не останавливался.

Но все заканчивается. Он оглушает ее не удержанным стоном в ухо, спина вздрагивает, он пульсирует внутри. И тут же все становится обидно-обыденно. Магия рассеивается. Он как-то аккуратно покидает ее, неспешно откатывается в сторону. В наступившей тишине отчетливо слышен влажный звук шлепнувшегося на пол рядом с кроватью презерватива, удовлетворенный вздох.

Как горный ручей в ливень, глаза моментально набухают слезами. И умом она понимает, что глупо, но эмоции в кои-то веки берут вверх. Черт, ну почему так?! Ну откуда это чувство, что ее использовали, и все закончилось, не успев начаться?! Где ее всегдашние разумные мысли о том, что партнер сегодня хорош или, наоборот, не на высоте? Где спокойная, приятная расслабленность? Почему у нее такое чувство, что она вывернула наизнанку душу, а он просто трахнулся?! И вообще - зачем она поддалась, почему не остановила его?! Все испортила к чертям, и стало только хуже!

- Спасибо, Маш. Было офигенно.

Она говорить не может, комок в горле. Да и что ответить? Пожалуйста, обращайся? Она может лишь молчать и тихо слизывать сбегающие с губам слезы. Бас мягко притягивает ее к себе, прижимает к влажной груди. Его пальцы касаются ее лица, и в ту же секунду он стремительно отдергивает их, будто коснулся не соленой влаги на девичьих щеках, а кипятка. Приближает лицо, смотрит неверяще. Качает головой, отрицательно.

- Нет. Не может быть. Не может быть, чтобы я сделал тебе НАСТОЛЬКО больно!

- При чем тут... это? - ей удается протолкнуть слова сквозь ком слез в горле.

- Тогда какого черта ты ревешь?!

А ей вдруг становится пофигу - кем он ее посчитает, что подумает. Она устала с собой бороться, а тут еще и с ним приходится...

- Так все закончилось... быстро... А я так долго этого ждала... - в конце она не выдержала и совсем некрасиво шмыгнула носом.

- Долго ждала?! Вот врушка! А кто мне заливал, что мне показалось, там, в Канаде, а?

Она в ответ лишь повторно шмыгает носом. Капитуляция малого того, что полнейшая, так и еще и позорная.

- Маш, - он притягивает ее к себе плотно, обнимает крепко-крепко. И шепотом на ухо: - Дай мне пятнадцать минут, а? И все будет, и еще лучше, чем в первый раз. Ну, Маш? Пятнадцать минут? Даже, - его ладонь опускается ниже поясницы, сжимает упругую округлость - десять. Десять минут. Машенька, ну разве десять минут стоят того, чтобы из-за этого плакать?

Она не находится, что возразить, и лишь смущенно утыкается ему носом в шею.

Спустя продекларированные то ли десять, то ли пятнадцать минут Маша выяснила, что целоваться Бас умеет по-разному. И в разные места...

И не то, чтобы так ей делали впервые. И не то, чтобы она стеснялась раньше. Но ТАК она себя никогда не вела. И ноги так не раздвигала, и не прогибалась так под чьими-то поцелуями. И пальцы так плотно давят на его затылок. Никаких мыслей в голове. Только собственное громкое дыхание... его губы... и от них кверху... волнами. Дрожь, тепло, потом совсем горячо... А потом - оргазм. Нет, даже не так. ОРГАЗМ. Мир перестает существовать на какое-то время.

- Маш?..

- Ммм...

- Тебе было хорошо?

- Ммм.

- Ты можешь какой-то другой звук издать?! Кроме "mmm"?

- Ммм...

- Маша!!!

Она с трудом приоткрывает глаза. Хотя его не видит - Бас обнимает ее сзади.

- Васька, я отключаюсь...

Почему с губ сорвалось это имя, вместо привычного "Бас" - непонятно. А думать об этом нет сил. Но Бас на это тоже не обращает внимание. Его беспокоит другое.

- Что значит - отключаюсь? Ты что - спать собралась?

- Ммм...

- Маша! Какое "спать"?! А как же я?!

Его слова очень недвусмысленно подтверждает твердое и горячее, что прижимается к ней ниже спины. Но все равно... глаза закрываются сами собой.

- Вась, извини... Я засыпаю...

- Так! Я понял! Можешь делать все, что тебе угодно, - под эти слова он деловито шуршит упаковкой фольги, и ведь явно не конфету разворачивает! - Ты можешь спать, и даже храпеть, а лично я буду... - одно плавное движение - и он уже внутри, - трахаться! - заканчивает сердито.

С ее губ помимо воли срывается вздох удовольствия. Он подсовывает одну руку под нее, накрывает в момент налившиеся тяжестью груди, своими длинными пальцами прихватывает и без того растревоженные его предыдущими прикосновениями соски. Двигаться начинает, медленно, неспешно. И на ухо, тоном, за который его сиюминутно хочется придушить:

- Спокойной ночи, Машенька. Спи сладко.

А ведь действительно - сладко... И когда она начинает двигаться ему навстречу и тихонько постанывать...

- Что, Маруся, не спится?

Она прибьет его потом, после...

- Ну, раз ты все равно не спишь, Маша...

Подхватывает ее бедро, закидывает на свое. А потом, пальцами - туда, где раскрыто и раздвинуто. Маша охает, пытается опустить ногу, он не позволяет.

- Не надо!

- Почему? - палец начинает двигаться - легко и так же неспешно. - Тебе же понравилось?..

- Бас!.. Ну я же... - как сказать?! А пофиг, прямым текстом, стесняться уже все равно поздно! - Ну, я же... кончила... там сейчас... не очень... приятно... - все равно говорить об этом как-то... неловко.

- Да?.. - а между тем, не перестает делать там это! - А я вот читал... что девушки... женщины... могут несколько раз подряд...

- По-моему, это вранье... - она плотно прижимается спиной к его груди в напрасной попытке как-то увернуться от его прикосновений. Хотя не так уж и неприятно, собственно...

- А давай проверим? - и тут он касается самого чувствительного места. Маша вздрагивает. А он ей тихо, до мурашек, хриплым шепотом на ухо: - Я осторожно... потихоньку...

Неприятно почти и не было. Почти сразу стало приятно. Потом - очень приятно. Потом она не выдержала, всхлипнула, не веря самой себе:

- Сейчас кончу...

- Подожди... - она его не видит, только слышит и чувствует, и это почему-то заводит еще больше. Движения пальцев чуть замедляются, становятся легче, невесомее. - Подожди меня, Машенька. Не торопись. Со мной, хорошо? Только со мной...

После второго, теперь совместного оргазма, она смогла только повернуться к нему лицом, уткнуться носом во влажную грудь, благодарно чмокнуть куда-то в область сердца. И отключиться уже окончательно под его удовлетворенное:

- Ну вот, а ты говорила - вранье... Чистая правда.

Утром она проснулась первая. И получила возможность вдоволь посмущаться, вспоминая вчерашнее. И сполна насладиться воспоминаниями. А еще - рассмотреть его, спящего.

Ночью они как-то расплелись во сне, и теперь Бас спал рядом, на спине. Спал тихо и как-то очень... безмятежно.

В свете пробивающегося сквозь неплотно прикрытые шторы солнца его волосы конкретно золотисто-рыжие. Такие же, как и брови - кстати, на удивление правильной формы, и короткие, но густые ресницы. Нос, под россыпью веснушек, оказывается замечательно ровный, идеальный, практически, нос. Губы - ничем не примечательные, обыкновенные. Разве что целуется он ими... как надо. Она легонько проводит пальцем по щеке - нет и следа вчерашней гладкости, шершавый.

Недолго поразмыслив, Маша тихонько стягивает с него простынь вниз, до талии. Должна же она рассмотреть, пока возможность есть! А посмотреть есть на что.

На тело веснушек не хватило, все на носу. Лишь пара сиротливых рыжих пятнышка на левом плече. Плечи... Ой, они давно ей покоя не давали, его плечи. Она немножко изучала анатомию человеческого

тела, для съемок бодибилдеров, был у нее такой позорный эпизод в творческих метаниях. И теперь вспоминает, глядя на его торс. Мощная дельта, рельефный бицепс и трицепс, большая, действительно большая грудная мышца. И все это красиво, гармонично, не выпирает. Видно, что это все не для красоты. Это все реально работает.

Ее взгляд опустился ниже. Сдернуть простынь совсем, что ли? Но, пока она размышляла...

- Ну что, налюбовалась?..

У нее стопроцентное ощущение, что ее поймали с поличным. Ойкнула, притянула свой край простыни к груди. В результате - оголила-таки Баса. А он и не думает смущаться. Глаза искрятся смехом, губы подрагивают, но пока сдерживается, не ржет в голос. Почему с ним у нее чувство, что она юная и неопытная?! И она постоянно смущается?! Она тоже не в первый раз сексом занимается!

- У тебя, - указательный палец совершает пол-оборота, - эрекция.

- Спасибо, что сказала, - невозмутимо.

- Это потому, что утро.

- Это потому, что ты!

Не выдержал, расхохотался. Притянул ее к себе. И как же классно с ним целоваться...

Маше просто смертельно хочется хоть раз взять над ним верх.

- Давай пойдем в душ... - как только они перестали целоваться.

- Давай пойдем в душ после, - он не просто распускает руки, такое впечатление, что его руки на ее теле везде одновременно.

- А если мы пойдем сейчас, - Маша не сдается, - я тебе сделаю ммм...

- Опять "mmm"?! "Ммм" что?

- А ты не догадываешься? - кажется, ей удалось-таки заполучить моральное преимущество... И она выдыхает ему на ухо окончание слова. Бас замирает. А потом:

- Вот как надо приучать к гигиене! - резко садится на кровати. - Пошли!

Две оставшиеся ночи он провел в ее номере. Они попробовали все, что знали и вспомнили. И традиционную "миссионерскую", и безумно заводивший их обоих "догги-стайл". Все варианты позы "на боку". Наездница из Маши получилась так себе, а все потому, что Бас безобразно распускал руки, совершенно сбивая ее с ритма и заставляя

забывать, что надо двигаться. Она пригрозила связать ему руки, и, судя по тому, как хищно блеснули его глаза, контрастируя с совершенно ангельской улыбкой, напротив варианта со связыванием он поставил галочку "к исполнению". И еще неизвестно, кому будут руки связывать.

А назавтра им улетать. Маша чувствует себя как, рыба, выброшенная на берег. Как жить, как дышать после ЭТОГО? Без него?

- Бас, ты куда сейчас?

- У меня съемки в Альпах. Надо отрабатывать спонсорское бабло. А ты?

- Домой. У меня тоже... съемки запланированы, - только бы не зареветь...

- Ясно. У меня там дел на пару недель. Потом вернусь в Москву. Как прилечу - позвоню.

- А до этого звонить не собираешься?! - все, даже лицо сохранить не удастся.

- А ты хочешь, чтобы я позвонил?

А, помирать - так с музыкой!

- Хочу!

- Хорошо, - улыбнулся, притянул к себе. - Позвоню, обязательно. Хочешь, буду звонить каждый день?

- Да!

- Договорились.

У нее чувство, что она его вынудила, заставила. А на самом деле - он уже получил от нее то, чего так активно добивался. Дальше - неинтересно. Не позвонит он.

А он позвонил. И вообще - действительно звонил каждый день, за исключением тех раз, когда у нее не хватало терпения дожидаться, и она звонила первая. И разговаривали они так, что... у Маши стала появляться надежда, что она для него... все-таки, что-то значит. Что-то большее, чем девочка, с которой он пару дней покувыркался в койке. И эта надежда делала ее нереально счастливой.

- Бас, до меня дошли странные слухи.

- Слухи о моей смерти сильно преувеличены.

- Все стебешься... - Анин тон сух, как осенний лист. - Говорят, ты трешься вокруг этой... Масыни.

- Тяжело быть известным... Никакой личной жизни.
- Бас! По-моему, мы с тобой в последний раз договорились, что ты подумаешь о том, что для тебя значат наши отношения.
- Угу. Я подумал. У нас больше нет отношений.
- Ты... ты кобель!!!
- Слушай, Ань. Я понимаю, у тебя есть масса всего интересного, что ты хочешь мне сказать. Да только у меня нет ни времени, ни желания это выслушивать. Давай поступим так. Ты мне напиши письмо, и в нем развей тему, какой я кобель и моральный урод. А я с удовольствием почитаю. Мой е-мейл у тебя же есть?
- Ну ты скотина....
- И об этом тоже. Все, Анют, всего наилучшего. Жду письмо.

Глава 6. Кто же боль такую выдумал.

- Марья Дмитриевна, вы меня пугаете...
- Такая страшная?
- Да нет, как раз наоборот. Глаза горят, на щеках румянец, - Катя устроилась в ногах на кровати сестры. - Но выражение лица перманентно мечтательное. Я бы даже сказала - идиотическое. Маша лишь фыркает.
- Меня терзают смутные сомнения, - не отстаёт Катерина. - Ты не влюбилась часом, мать?
- Мария снова отвечает не словами. На этот раз вздохом.
- Все с вами ясно, - резюмирует Катька. - И кто он?
- Не скажу!
- А я и так знаю! Это тот рыжий клоун, на чьи фотки ты вечерами пялишься?

Маша еще раз вздыхает.

- Он...
- Как его зовут?
- Бас.
- А чего не баритон?

Маша в ответ может лишь усмехнуться. Так просто и не объяснишь, почему Бас - Бас. Катька все никак не может унять любопытство:

- И что - он и в самом деле такой прикольный, как на фото?
- Он...
- Только не говори мне, что он самый лучший и все такое!
- Тогда не спрашивай.

Нельзя сказать, что он действительно самый лучший или, например, такой уж великолепный любовник. Если сравнивать с другими... Да в том-то и дело, что сравнивать не получалось! Как будто не было никого до него! С ним было все остро, будоражило, заставляло сердце нервно вздрагивать и сжиматься. С ним было... по-настоящему. Его нельзя было сравнивать ни с кем. Он был. Других не было. Как будто только он, всегда он, только он.

То утро началось непримечательно. Маше удалось выспаться - дел в первой половине дня не было. Катька на занятиях, отец на работе. На кухне, за стеной, деловито звякает посудой мама - у нее воспалился лучевой нерв на правой, рабочей, оперирующей руке, и отец заставил ее взять больничный. Впервые за несколько лет.

Маша смоталась на кухню, сделала себе чашку кофе, мать пообещала накормить через десять минут оладьями. И, как была, лохматая, непричесанная, с кружкой дымящегося кофе, плюхнулась за компьютер. Это вошло у нее в стойкую привычку - мониторить специализированные горнолыжные сайты, где можно было найти новости про Ваську. Кстати, ей безумно нравилось называть его, хотя бы про себя, именно так. Не "Бас", как звали его все. А так... по имени. В этом было что-то бесконечно интимное, будто сближавшее их.

Глоток крепкого черного доминиканского без сахара. С рассеянной улыбкой, щурясь на бьющее прямо в лицо мартовское, совсем весеннее солнце, открывает закладку в навигаторе. И в этот самый ничем не примечательный момент мир рушится.

Верхняя, самая обсуждаемая тема на форуме. Первое сообщение: "Вчера во французских Альпах погиб известный российский про-райдер Василий Литвинский. Согласно предварительным данным, Василий перепутал направление движения и вышел на тридцатиметровую скалу, с которой и вынужден был совершить прыжок, без должной подготовки. Совершить нормальное приземление в находящуюся внизу под, снегом, россыпь камней после такого прыжка Василию не удалось, и от полученных травм он скончался на месте. Мы выражаем искренние соболезнования семье и друзьям погибшего. Многие знали Василия, это был талантливый и жизнерадостный человек, перспективный спортсмен. Светлая память"

Нет. Она даже не сознает, что произнесла это слово вслух. Отставляет в сторону кружку с доминиканским без сахара. Она просто что-то не так поняла. Перепутала фамилию или еще что.

Она читает сообщение еще раз, внимательно, едва ли не по буквам, беззвучно шевеля губами. Все она поняла в первый раз правильно. Но это не может быть правдой. Она судорожно дергает колесо прокрутки на "мышке". Еще, еще сообщения.

"Какая ужасная новость. Я всегда за Василя болел на соревках разных. Не хочется верить..."

"Почему всегда уходят лучшие?! Бас, нам будет тебя очень сильно не хватать!"

"Бас, блин... Не верится... Как же так..."

"RIP*, Бас"

"Словами не передать, как горько. Это страшная потеря для всех нас"

"Это судьба всех райдеров. Но от этого боль не меньше. Бас, безумно жалко, что ты ушел так рано"

"RIP, дружище"

"RIP, Бас"

"RIP, Василий"

RIP, RIP, RIP... Какое ужасное слово. В нем чувствуется... необратимость. Как звук молотка, вбивающего гвозди в крышку гроба. Был человек - и нет его, лишь деревянный ящик. Лишь слова - RIP, RIP, RIP... Нет, нет, нет!!! Она не верит, отказывается верить, несмотря на все эти слова, которые она никак не может совместить с улыбающимся конопатым Басом: "скончался на месте", "светлая память", "страшная потеря". Это просто не может быть про него! Она пролистывает все сообщения. Нет ничего нового. Его виртуально хоронят. Но нет, это не может быть правдой! Васька не умер!!!!

Прочитывает все на второй раз. Жизнь с каждым словом будто вытекает из нее, капля за каплей. Мозг просто отказывается принимать это факт. Нет, невозможно. Это ошибка! Или чья-то дурацкая шутка. И сейчас опубликуют опровержение. Или даже сам Бас это сделает. И все посмеются. Разум цепляется за эту мысль, и поэтому она беспрестанно щелкает страничками, надеясь увидеть желаемое. А вот сердце, кажется, чувствует правду. И сердцу так холодно... как никогда в жизни. И постепенно лишь одна мысль в голове, лишь одна надежда на чудо: "Пожалуйста, пожалуйста. Пусть это будет ошибкой! Пусть сейчас появится сообщение о том, что это

неправда!". И она беспрестанно обновляет и обновляет страничку. И лишь нескончаемые RIP и слова соболезнования. Пожалуйста, пожалуйста... Но какая-то мудрая частичка ее существа уже знает, знает точно - это действительно случилось. Чуда не будет. Баса нет. Но тело не хочет в это верить. И палец все так же дергается на кнопке "мышки", обновляя страницу. Все те же RIP. И снова обновляем. И снова RIP. Она ненавидит это слово! И снова RIP... Обновляем. Новое сообщение.

Пользователь OZ: "Ребята, внимание!!! Важная уточненная информация. Предыдущая новость была непроверенной! Баса удалось вчера живым доставить вертолетом до парижской клиники. Это совершенно точно, информация получена напрямую от отца Васи. По состоянию на вчера вечером он был в реанимации, в очень тяжелом состоянии. Врачи борются за его жизнь. Будем надеяться на лучшее.

Люди! Молитесь за Ваську. Кто во что верит, кто как может"

На этом сообщении ее душевные силы кончились. Чудо, которого она так страстно желала, свершилось, но совсем не так, как она хотела. Жив! Но - реанимация, тяжелое состояние. Та струна, что хоть как-то удерживала ее на поверхности реальности, звонко лопнула.

Вся ее жизнь - любящие родители, сестра, родная как "альтер эго", друзья. Достаток, интересная учеба и работа. Ничто в предыдущей жизни не могло ее подготовить к этому. Не научило ее, как пережить потерю самого важного и нужного, того, без чего даже дышать невозможно, как выясняется.

Маша сделала единственное, что могла. Медленно сползла на пол, обхватила себя руками, будто пытаясь изгнать ледяной холод, поселившийся на сердце. И завывала. Это был именно вой, полный страха, ужаса, горя. Так воют смертельно раненные животные. Таким звуком в войну женщины встречали похоронки. Словно этот звук мог как-то облегчить боль, что скручивала и рвала внутренности.

За стеной что-то со звоном разбилось. Уже потом, много позже, когда она снова смогла думать хоть о чем-то стороннем, Маша поняла. Как ей повезло, что в тот момент дома была мама. И только она. Страшно представить, что было бы с отцом, если бы он застал свою старшую дочь такую - сжавшуюся в комок от боли, подвывающую, скулящую от невозможности осознать и принять

ужасное. Инсульт бы долбанул, чего доброго... А матушка крепче... она выдержала.

Не стала ничего спрашивать. Родительским инстинктом поняла сразу - это не аппендицит и не почечная колика. Так может только душа болеть. Рухнула рядом на колени, приняла дочь в материнские объятия, прижала к груди, баюкала и гладила по темноволосой голове. Душа рвалась на части вместе с вырывающимися у ребенка отрывочными, сквозь рыдания, словами "А если... он умрет... я не смогу... как же... я люблю его!"

Детали сейчас не так уж и важны. Главное очевидно. Дочь пытается пережить потерю любимого человека. А Дарья помнила, каково это - терять того, кого успел полюбить. Даже если ты его любишь совсем недолго. Любовь не имеет пространства и времени. Любишь миг - и вечность.

Успокаивалась Маша долго. Лишь спустя час мать смогла восстановить примерную картину случившегося. Нда, ситуация - хуже не придумаешь.

- Mam, - Маша всхлипнула, утерлась материнским передником, совсем как в детстве, - я должна поехать... туда.

Дарьины руки замерли на темноволосой макушке. Вздохнула тяжело.

- Нет.

- Нет?! - дочь вскинула на мать неверящие заплаканные глаза. - Мама, что ты такое говоришь? Ты-то должна понимать, ты же не папа!..

- Я понимаю, - Даша еще раз вздохнула, притянула дочь ближе, крепче к себе. - Машенька, но ведь... подумай сама. Кто ты для него?

- Я люблю его!

- Я понимаю, - повторила Дарья. Ох, как же непросто говорить... - Но я спросила, кто для него ТЫ? Как я поняла, у вас и не было толком ничего, кроме... хм... непродолжительных интимных отношений. Все только началось...

Маша прерывисто вздохнула. Ох, а ведь только-только успокоилась... И, понимая, что причиняет своими словами родному дитя сильнейшую боль, а по-другому нельзя, Дарья произнесла. Негромко, но беспрекословно:

- Машуля, он ведь... без сознания. В очень тяжелом состоянии. Там, рядом с ним, его родители, семья. Что ты скажешь им? Ты даже не можешь сказать, что ты его девушка. А им и без тебя сейчас очень...

непросто. Не факт, что ты вообще сможешь его увидеть... Это же не цирк, правда? Чтобы всех желающих посмотреть пускать.

Машенька... - Дарья чувствует, что Маша снова начинает плакать, - от этого хуже будет всем. Нечего тебе там делать.

- Мама... - тихо и как-то совсем безнадежно, - но я же не смогу быть здесь... когда он там... и неизвестно, что будет... и вдруг я больше его не увижу... - глухое рыдание, - живогооооооо...

- Нет, - надо резать быстро и четко. - Маша, в этом вопросе я буду совершенно солидарна с отцом. Нечего тебе там делать. От этого плохо будет всем. Нет. Не отпустим.

Машка рыдает, совсем нет сил у нее, даже спорить.

- И что мне делать, мама?..

- Плачь, Машенька, плачь. Полегчает.

Ее сны полны им. Он снится ей каждую ночь, будто приходит на свидание. Живой, непокалеченный. В ее снах он смеется, морща свой идеальный конопатый нос. Она видит его глаза, яркие, светло-зеленые и... его так ясно видно в глазах. Его настроение и даже мысли. Во сне он обнимает ее, прижимает к себе. Его руки, плечи, все тело - молодое, крепкое, сильное. Целое.

Маша пытается представить, какой он сейчас. При этом накатывает такая тошнота и головокружение, что, кажется - сейчас потеряет сознание. Маша жила благополучно, самое страшное, что пережила - это ветрянка в четыре года. Она даже помыслить не могла - что сейчас с ним, каков он. Что с этим телом, которое она так близко и интимно познала.

Дни ее сосредоточены вокруг ноутбука. Она живет в Интернете, на сайтах, в поисках хоть какой-то информации о нем. А ее мало, катастрофически мало. За пару дней на форуме появились лишь несколько страниц, полных пожеланий скорейшего выздоровления (что выглядит, мягко говоря, слегка преждевременно, учитывая формулировку "Врачи борются за его жизнь"), упреками владельцам сайта в публикации непроверенной информации и радостных восклицаний от того, что это все же оказалось неправдой... А по сути, ничего нет, никакой информации. Что с ним? Каково состояние? Но должен быть жив, иначе... Маша живет возле ноутбука. Ей кажется, что пока она караулит сайт, там не появится того сообщения, которого она боится больше всего. Что французские врачи не справились.

Сообщения на форуме:

"OZ, отзовись уже!!! Что с Басом?! Скажи хоть что-нибудь! Ты же самый точный источник информации!"

"Да, OZ, в самом деле! Скажи хоть что-нибудь. Пожалуйста!"

"Сообщение от пользователя OZ: Ребята, ничего нового. Бас в реанимации. Состояние стабильно тяжелое. Угроза жизни сохраняется. Я получаю информацию от Васькиного отца, сами понимаете, что дергать человека лишний раз не хочу. Как будет что-то новое - я сразу сообщу"

"А что там конкретно, OZ?! Какие травмы, что сейчас с ним делают?"

"Сообщение от пользователя OZ: Я не знаю всех деталей. Повторяю еще раз - информация от отца Васьки, и я очень ему благодарен, что сообщает. Но лишний раз тревожить подробностями - увольте. Представьте, каково сейчас родителям Баса?! Единственное, что знаю - что сейчас борются с последствиями жировой эмболии, пытаются восстановить кровообращение. Это все."

"Он в сознании?"

"Сообщение от пользователя OZ: Конечно, нет"

Представьте, каково сейчас родителям Баса?! А кто может представить, каково сейчас ей?

Если она не ищет информацию и не пересматривает на десятки раз страницы знакомых форумов - она смотрит на его фото. Особенно на те, с той, последней фотосессии. Самые ее любимые - те, что сняты ПОСЛЕ. После того, как они стали близки. Ей кажется, что на этих фото, тех, что сняты крупным планом - а она в последние два дня просто не выпускала из рук камеру, если они были не наедине, - так вот, на этих фото он ей улыбается... как-то особенно. Будто - только ей, для нее. И в глазах что-то - только для нее. Прикрыв лицо руками, она снова плачет. В бессчетный раз. Слезы с кончика носа падают на клавиатуру. Кап-кап-кап... Мама сказала: "Плачь, Машенька. Полегчает". Мама - мудрая женщина, но тут она ошиблась. Не легчает.

Она ни с кем не общается. Не хочет, не может. Проще всего считать, что она обиделась на родителей за то, что они не отпускают ее. Но внутри Маша понимает: если бы она захотела - уехала. Вопрос в том, что, они, похоже правы. Нет ей там места, рядом с ним. Все, что ей позволено - медленно умирать у ноутбука.

Говорить она может только с Катькой. Более того, иногда ей хочется поговорить с сестрой. Поговорить, разумеется, о нем. Рассказать ей.

У нее такое странное чувство, будто бы... если она расскажет Катке про Баса, опишет как можно больше деталей... он станет более живым. Это звучит как бред, но ей хочется, чтобы он жил и в памяти сестры, если вдруг... Они вдвоем смотрят фотографии под Машины комментарии. И все это время Катя держит сестру за руку. Катя младше Маши на пять лет, но сейчас старшая - именно она, Катерина.

- Иваныч, привет.

- Когда тебе звонит без повода знакомый травматолог, это настораживает. Приветствую, Глеб Николаевич.

- Настораживать должно, когда знакомый травматолог звонит по поводу. А повод у меня есть. Что с Марьей, Дим?

- С какой Марьей?

- С твоей, блин!

- А что с Машей? - с мгновенным холодком в груди.

- Я думал, ты мне расскажешь. Звонила тут мне, странные вопросы задавала.

- Какие?

- Узкопрофессиональные. Хотела, чтобы я ей объяснил, что такое тканевая и жировая эмболия и с чем ее едят. Что у вас случилось, Тихомиров?!

- У нас - ничего, - цедит сквозь зубы Дмитрий. - С семьей все в порядке. Это у Марьи... блажь.

- Да? Ну, тебе виднее. Я так, просто, на всякий случай...

- Спасибо, что сказал, Глеб.

"Сообщение от пользователя OZ: Ребята, есть новости. Состояние Баса стабилизировано. Угроза для жизни ликвидирована. Васька будет жить. Пойду, напьюсь"

"Эй, Оз, погоди! Не напивайся, подробности Расскажи хоть!"

"Да, Гринч, скажи хоть, как он?! Мы тоже все сегодня напьемся!"

"Сообщение от пользователя OZ: Не знаю, каким богам вы молились, но это помогло. И - слава французским врачам! Все, не могу больше. Будто камень с души свалился. Пошел за пивом"

"Слушайте, а о врачах, кстати. Это же, наверняка, очень дорого стоит. Оз, может, надо денег собрать? Ты узнай у Васькиного отца"

"Да, точно! Оз, узнай там номер расчетного счета, или веб-кошелек. Мы обязательно поможем"

"Мысль правильная. Слова словами, а спасают людей за деньги. Давайте реквизиты. Копил на новые лыжи на следующий сезон, ну да черт с ними. Бас меня научил прыгать правильно. Ему - не жалко"

"Оз, алкоголик несчастный. Кончай бухать, узнавай срочно реквизиты!"

"ОООООООООООООЗЗЗЗ!!! Отзовись! Дашь инфу, мы хотим помочь Ваське!"

"Сообщение от пользователя Артем Литвинский: Ребятишечки, спасибо вам. Читал и глазам своим не верил. Спасибо, но денег не нужно. У Васи про-райдерская страховка, в которую включено все, что только можно. Не сэкономили в свое время, оказалось - не зря. Хотя лучше бы не пользоваться ею, ну да что ж теперь. Еще раз повторю - денег не нужно, да и не собрали бы вы столько. Если б не страховка, не знаю, чтобы бы было. Там такие суммы на лечение... Я уже один счет в страховую компанию подписывал.

Что касается Васиного состояния, то новости таковы: Вчера Василий пришел в сознание. Нас с матерью узнал, но провалы в памяти есть. Но это ничего. Сама возможность поговорить с ним спустя все эти дни... Спасибо, что так болели и переживали за моего сына"

"АРТЕМ БОРИСОВИЧ!!! СПАСИБО, ЧТО НАПИСАЛИ! ОЧЕНЬ РАДЫ ЗА ВАСЮ! БУДЕМ МОЛИТЬСЯ ЗА НЕГО"

"Артем Борисович, действительно, спасибо вам огромное, что сообщили. Держите нас в курсе, пожалуйста, по возможности. Если что-то нужно, тоже обязательно сообщайте, не стесняйтесь. Мы все очень переживаем за Баса"

"И передавайте Васе, что мы все за него страшно переживаем и боеем. Верим и надеемся на выздоровление"

"ДА, ДА, ДА!!! Артем Борисович, пожалуйста, передайте Ваську, что мы все с ним!"

Угроза жизни ликвидирована. Он будет жить. Он пришел в себя, разговаривал с родными. Маша готова отдать все, что у нее есть, лишь бы услышать хотя бы одно слово сейчас от него.

- Я говорил... говорил... Я как чувствовал! Что не надо было ее в эту гребаную Канаду отпускать!

- Дим, от всего ее не убережешь...

- Ты же видишь, что происходит! - Тихомиров резко обернулся к жене. - Она почти ничего не ест! Сутками сидит возле компьютера! Не говорит ни с кем. Я, - Дмитрий снова отвернулся, засунул руки в карман брюк, - я не знаю, что делать...

В устах мужа это звучало как признание полного поражения. У Димы обычно бывало по несколько запасных планов В и С. Дарья промолчала.

- Знаешь, о чем я сожалею больше всего?..

- О чем?

- Что он не сдох сразу!

- Дима! Нельзя так!

- А так - можно?! Сколько она может убиваться по нему?! Уже больше месяца прошло! Такое чувство, что она там вместе с ним разбилась! Черт, вот почему всегда прилетает оттуда, откуда не ждешь?!

- Дим, она его...

- Не говори мне этого!!!

Даша подходит к мужу, кладет руку на плечо. Какое-то время стоят так молча, глядя на свои отражения в темном оконном стекле.

- Даш, может быть... лучше, пусть она съездит туда? Может, ей полегчает?

- Не знаю, Дим, - она качает головой. Супруг ее удивил, не думала, что он предложит это сам. Но и у нее нет уверенности... - Я не знаю. Вот честно - уже не знаю, что для нее лучше. Что она там увидит? Как бы хуже не стало...

- Хуже уже не будет, - отзывается от двери Катя.

- Подслушиваешь? - оборачивается отец.

- Можно подумать, только вам Машка родная. А мне так - никто.

- Ладно, раз ты такая умная, посоветуй родителям, что делать.

Катя садится на диван. Смотрит серьезно на родителей.

- Советовать не буду. Но Машка погибается, это я вижу. С каждым днем ей только хуже делается. Вроде бы и Баса откачали уже, и угрозы для жизни нет. А она просто... сохнет вся. Мне кажется, что хуже уже просто быть не может.

- Ох, Катенька, - вздыхает мать, - поверь мне, случается так, что думаешь, все, вот оно - дно, хуже не бывает. А потом жизнь преподносит тебе сюрприз и, оказывается - бывает. Бывает еще хуже. И гораздо хуже.

- Ладно, Дарья, хорош ребенка пугать!

- А я и не испугалась, пап. И... я не знаю, что делать.
- И я не знаю, - эхом Дарья.
- Ну, раз не знаем - не будем ничего делать. Выбора у нас все равно,
- вздыхает Дмитрий, - нет.

- Пап, мне надо с тобой поговорить.

- Конечно, - тон его обманчиво спокоен, а на самом деле - Дмитрий предельно собран, как сапер на минном поле.

- Я собираюсь лететь во Францию, - абсолютно ровно, даже равнодушно говорит Маша. - Если ты не дашь мне денег, я займу у кого-нибудь. Но я все равно улечу, и ты меня не остановишь.

Он этого ждал, он был к этому готов.

- Хорошо, Маша. Лети. Денег я тебе, разумеется, дам.

Стена Машиного равнодушия пробита, в глазах, пустых в последнее время, пугающе пустых, отражается изумление. Рассчитывала на битву? Нет, с дочерью он сражаться не будет.

- Ты только вот о чем подумай... Как ты там будешь справляться - французский ты не знаешь, а по-английски там говорить не любят. Это тебе не курорт в Альпах. Может быть, с тобой отправить кого-нибудь? У меня есть люди, которые хорошо говорят по-французски.

- Не нужно, - Маша качает головой, с первым изумлением от согласия отца она справилась. - Я Соньке Соловьевой позвонила, она обещала меня встретить и... помочь там.

- Ну, хорошо. Что хоть кто-то там будет с тобой.

Мария молча поворачивается к двери.

- Маша, - окликает ее отец. - Ты не забывай, пожалуйста... Я... мы с мамой... мы на твоей стороне.

Пауза. Маша кивает, не оборачиваясь, и выходит из кабинета отца.

*RIP, Rest In Peace (англ. - Покойся С Миром) - стандартная формы выражения соболезнования. Чаще всего используется на надгробиях и в интернете.

Глава 7. Пройти по краешку.

О том, чего стоило Соньке провести ее туда, внутрь, в больницу, Маша не задумывалась. Ей не до того было, она просто ушла в себя, пытаясь собраться, подготовить себя к тому, что может увидеть. Она

поверила Софье - та сказала: "Не переживай, я все устрою, договорюсь".

Какими словами она договаривалась - шут ее знает. Хотя, зная сестер Соловьевых, можно быть уверенной - важно было не то, что Софья говорила, а сам факт, что говорила именно она. Так уж получилось, что троица девиц Соловьевых являла собой смертоносное оружие для подавления морально-волевых качеств всех мужчин, что попадались им на пути.

На этот раз жертвой стал молодой интерн клиники, который совершенно стеклянно-обожаящим взглядом смотрел на Соню, пока Маша облачалась в приготовленный для нее халат.

- Какого черта ты сказала, что он в реанимации?!

- А что - нет?

- Нет, уже в обычной палате.

- Ну, это же хорошо? - робко интересуется Маша, неловко застегивая пуговицы.

- Тебе-то хорошо... - ворчит Софья, параллельно снисходительно улыбаясь стоящему рядом обожателю. - А мне еще с этим... чудом... ужинать сегодня. Все, давай. Надеюсь, твой бойфренд не закатит скандал, что ты к нему явилась без приглашения. А то вон, - кивок в сторону молоденького француза, - несчастный Пьер-Ив переживает, как бы ему не досталось.

- Все будет хорошо, - одними губами произносит Маша. - Пусть ведет.

Сама она в то, что говорит, ни капли не верит. Она боится себя, его, того, что она может увидеть, того, что может между ними произойти. Но понимает, что это ей жизненно необходимо.

Матовое стекло двери палаты. Выглядающий крайне неуверенно французский интерн кивает - здесь, мол.

- Маш, мы тебя тут подождем.

Конечно, нечего там другим делать. И она тихо открывает дверь.

Одна-единственная кровать. А на ней - Бас. Уже прилично оброс, бледный, даже веснушки будто выцвели. Или это от обилия белого вокруг? Весь в бинтах, одна рука в гипсе, из другой торчит игла капельницы. На ногах какая-то странная конструкция, прикрытая белой тканью, так, что даже контуров тела не угадать. И лишь глаза - его, живые, настоящие, правда, в обрамлении совершенно кошмарных, почти фиолетовых синяков. Похож на какую-то

странную конопатую панду. Только глаза его - зеленые и потрясенные.

- Маша?!

Голос тоже... будто изломан - тихий и хриплый. У нее начинают дрожать губы. Абсолютно четкое осознание - нельзя! Нельзя плакать, нельзя показывать ему слабость, жалость. Но... она оказалась все-таки не готова... увидеть его таким.

Может лишь медленно кивнуть, а глаза выхватывают все новые детали. Сгиб локтя, откуда торчит игла - весь уже синий, в кровоподтеках. След удара или это ему столько капельниц ставили? Над виском и дальше, за ухом выбрито и намазано чем-то. Там был... что, пролом? Или просто зашивали? Ниже шеи, в районе ключицы, там видна кожа и кровоподтек - багрово-красный, и ясно - он простирается обширно, под бинтами и простыней, там, где ей не видно. Что вообще там?! Там, где она не видит?

Маша тяжело сглатывает, пытаясь справиться с силами. И не позволить себе упасть рядом с его кроватью на колени и не начать рыдать. Кому от этого будет лучше? Никому!

- Налюбовалась?

Она вдруг вспоминает его аналогичный вопрос, но совсем в другой ситуации. Вот, правильно, Маша, думай о хорошем. Верь в то, что он еще будет таким, каким был, когда задавал этот вопрос в их первое утро.

- Уютно у тебя тут, - она наконец-то заставляет себя сдвинуться с места. Делает вид, что оглядывает палату, на самом деле, отвернувшись, поспешно смахивает слезы с глаз.

- Нравится?

- Да. Тебя давно... перевели из реанимации?

- Вчера. Мария, а позволь вопрос. Что ты тут делаешь?

- Я... - надо сказать что-то вразумительное. Не скажешь ведь, что она умирала все это время от неизвестности, невозможности. А сейчас... сейчас она просто не знает, что сказать. Решается подойти ближе. И говорит, глядя только в глаза, видя только их, именно они прежние, его: - Я приехала к тебе. Хотела увидеть.

- Смотреть не на что, - тон его предельно ровен. - Я пока не в той форме, чтобы давать показательные выступления. Совсем.

- Вась... - она хочет сказать, что напрасно он так, но вовремя спохватывается. Не время сейчас упрекать и спорить. Вместо этого

произносит самое откровенное, что может себе позволить: - Я переживала за тебя. Очень переживала.

- Напрасно. Райдеры - такая штука, с ними постоянно что-то случается.

Бас демонстративно холоден, Маша это чувствует. Он старательно выдерживает дистанцию, не подпускает близко. Надо отвлечь, перевести разговор на что-то...

- Бас, что говорят врачи?

- Врачи? Врачи играют со мной в "Лего".

- Что?!

- Пытаются собрать лего-Васю. Верх худо-бедно собрали, я даже пальцами на одной руке шевелить могу, смотри!

Она смотрит на слабые движения пальцев на левой руке, внутренне леденея от увиденного, но более - от его насквозь фальшивого, демонстративно бодрого тона. Его бравада столь же похожа на настоящую бодрость, как пластмассовые цветы, что пылятся на могилах - на настоящие. Как добиться от него искренности? Как пробить это пыльную фальшивую пластмассу?

- Бас, а если серьезно? Какие перспективы?

- Перспективы? - он фыркает. - Перспектива одна - попытаться собрать ноги. Это, знаешь ли, забавно... Не чувствовать собственных ног. И вообще всего, что ниже пояса. С одной стороны, конечно, никаких хлопот - ни по большому, ни по маленькому, ни стояков несвоевременных по утрам. Но как-то... непривычно.

На последней фразе его голос дрогнул, а лицо исказила гримаса. Пыльная пластмасса треснула.

- Знаешь... - тихо произнесла Маша, подходя совсем близко к кровати, - в Интернете сначала написали, что ты погиб...

- Я знаю, - он быстро справляется с собой, с дрожью в голосе. - Оно так и было, собственно. Почти. Знаешь, есть такое понятие - "золотой час". Организм человека устроен так, что в течение часа после получения тяжелой травмы он может за счет внутренних резервов поддерживать работу жизненно важных органов, несмотря ни на что. Если в течение часа успеть оказать человеку необходимую помощь - шансы выжить есть. Мне повезло. В том, что вертолет на момент, когда я упал, был уже внизу, на подборе. И в том, что мой "золотой час" оказался по факту часом и двадцатью минутами. Меня довезли до реанимации через час и двадцать минут. Но я почему-то не сдох за это время.

Он рассуждает об этом так ровно, спокойно. Как будто не о себе говорит. А у Маши от его слов внутри снова зарождается противная дрожь.

- Ладно, Маш. Вернемся к моему вопросу. Зачем ты здесь?

И она решается сказать правду. Хотя бы часть ее.

- Когда я думала, что ты... умер... Когда я не знала, что с тобой... Не могла видеть... и... Я не могла оставаться там! Мне нужно было тебя увидеть, понимаешь?!

- Маш, я действительно сейчас не в том состоянии, чтобы что-то показать тебе. Цирк уехал, клоуны остались. Да и те... не в форме.

- Васька! - она уже не может выдерживать этот его тон. - Я чуть с ума не сошла, я все глаза выплакала! Я...

- А вот это напрасно! - теперь он говорит резко, жестко. - Маш, пойми одну вещь. Я профессиональный райдер. Это моя профессия, мой выбор. Я знал, на что шел, и риск убиться насмерть или покалечиться - часть этого выбора. К тебе это не имеет равным счетом никакого отношения. Это моя жизнь, я и буду разгребать последствия того, что в ней случилось. Тебе во все это дерьмо лезть совершенно не обязательно.

- Вась... - она всхлипнула, слез удержать все равно не удалось, и они покатались по щекам.

- Маша... уходи, - он вздыхает и морщится. - Правда, лучше просто уйди. Я терпеть не могу, когда девушки плачут. И потом, скоро медсестра придет. Уколы, катетер, всякие прочие... бодрящие гигиенические процедуры. Вряд ли тебе будет приятно на это смотреть. И не переживай, у меня все будет нормально. Соберут меня так, что буду еще лучше прежнего. Может, когда-нибудь потом еще... пересечемся. Все, Маш, пока.

Она должна была остаться, должна была что-то сказать, что-то придумать. Но его глаза, вдруг ставшие осколками бутылочного стекла - острыми, колючими. И его слова - такие же режущие. И собственная измотанность, измученность страхом и неизвестностью. Слишком много всего, слишком. И на подгибающихся ногах она вышла из палаты.

Она была из другой жизни. Из той, прежней. Той, где он был здоровым, успешным и беззаботным. Из той жизни, где у него было все.

Она была последней девушкой, с которой он занимался сексом, и он до сих пор помнит, как это было классно. И какая она вообще... такая настоящая, красивая, умная, интересная. У того Баса с ней могло быть много чего. У обломков того, кто остался в живых - уже ничего.

Она была частью той, прошлой жизни, которую ему еще предстоит оплакать и похоронить. И теперь он понял, что сделать это будет гораздо труднее, чем ему думалось. Мучительно трудно.

Уйти далеко она не смогла - привалилась к стенке рядом. Как-то надо совместить две вещи, совершенно очевидные. Он жив. Она ему не нужна. Рядом кто-то остановился, у дверей палаты. Наверное, медсестра, о которой говорил Бас. Маша медленно повернула голову. И встретила с взглядом таких знакомых светло-зеленых глаз. Только принадлежали они не Басу. Пока она пыталась осознать этот удивительный факт, обладательница зеленых глаз смирила Марию недоверчивым хмурым взглядом и вошла в палату. Это явно не медсестра.

Несколькими минутами позднее до нее дошло. Это могла быть только его мать. О, черт, Маше лучше уйти, потому что ей не следовало тут быть. Но не успела она сделать и шага, как дверь снова распахнулась.

Те же самые беспощадно-режущие осколки зеленого стекла. Женщина что-то шипит по-французски, а Маша вдруг некстати вспоминает, что Сонька со своим интерном куда-то делась. И поэтому Мария может лишь беспомощно переспросить:

- Что?

- Ах, русская?! - мать Баса так внезапно переходит на чистейший русский, что Маша вздрагивает. - Прекрасно! Слушай меня, милочка. Я еще выясню, каким образом ты попала в палату к моему сыну, но имей в виду - персоналу будут даны самые строжайшие указания! И этот номер у тебя больше не пройдет! И не смей больше здесь появляться!

- Я... что я... Да что я такого сделала?!

Глаза полыхнули зеленым огнем - вот иначе и не скажешь. Гневно раздулись крылья тонкого, породистого носа.

- Я неясно выразилась?! Не смей близко подходить к моему сыну, понятно? Я не желаю тебя тут видеть! Василий не желает тебя видеть!

- Он так вам сказал?..

- Так и сказал. Чтобы духу твоего тут не было, ясно тебе?!

Маша медленно кивает. И уходит по коридору, в каком-то направлении. Ей все равно, хочется забиться куда-то в темное и тихое место и ни о чем не думать. В конце-то концов, он жив. Это самое главное. А свои чувства... она что-нибудь с этим сделает. Ей только нужно время, чтобы пережить эту боль. Ерунда, после всего, что ей уже удалось вынести. Время и тишина - вот все, что ей нужно.

- Ну, и кто говорил, что ей полегчает?!

- Никто не говорил, Дим.

- Что там вообще случилось, раз она вернулась ТАКАЯ?! Катерина, ты знаешь?

- Нет, - Катя грустно качает головой. - Маша не говорит. Она раньше... до поездки... много говорила о нем. Теперь вообще молчит. А так... все по-прежнему.

- Да я вижу, - вздыхает Дарья. - Бледная, не ест ничего. Одежда вся вон болтается на ней. И все так же за компьютером сидит сутками.

Тихомиров позволяет себе негромко, но с чувством и витиевато выругаться, прямо в присутствии младшей дочери. Но никто ему не говорит ни слова. Есть такие ситуации, когда иначе и не скажешь...

- Давайте подождем, - подводит итог их невеселого разговора Дарья.
- Время все лечит.

Маша ненавидит себя. За слабость. Всегда считала себя сильным человеком. А на поверку оказалась слабачкой. Она не имела права поддаваться эмоциям, идти на поводу у своих чувств. Из них двоих ему труднее в миллион раз.

Теперь, спустя неделю после возвращения, проплакавшись хорошенько и заставив себя все еще раз тщательно вспомнить и проанализировать, не раз содрогаясь от острой жалости к нему, Маша осознала - она просто не может понять, ЧТО пришлось ему пережить. Он имел право вести себя как угодно. Она - нет.

И, самое главное... Она не нужна ему, она мешает его родным. Пусть так. Но ей-то... ей-то он нужен. Жизненно необходим. И она все так же занята поисками информации о нем. Только вот ее мало. Волнения, связанные с его тяжелым падением и мнимой смертью, улеглись. Литвинский-старший пару раз отписывался на форуме в

том ключе, что идет процесс лечения, все по плану, не волнуйтесь, спасибо.

После всех пролитых слез в какой-то момент времени плакать она себе просто запретила. А вместо этого включила голову. И решение об источнике информации нашлось тут же.

Они сидят с Гришей в кафе, ни он, ни она не проявляют никакого интереса к принесенному заказу.

- Гриш, расскажи мне все, что знаешь.

Оз медленно кивает. Он совершенно точно знает, откуда у Маши интерес. Он уже почти забыл о том эпизоде, когда пытался поцеловать Масяню, а она ему прямым текстом ответила, куда ему идти со своими поцелуями. Он не очень-то и рассчитывал на успех, но помнит точно, что сказал ей тогда: "Передумаешь - позвони мне. Я буду ждать". Она позвонила, но причина - Бас. Его это сейчас уже и не огорчает, собственно.

Гриша задумчиво отпивает горячий зеленый чай, собираясь с мыслями. А потом решает действительно сказать правду. Все, что знает сам и от Васькиного отца.

- Значит так, Маш. Все более-менее важные системы в организме ему запустили. Последствия травм органов брюшной полости, там разрывы были и... - он увидел, как она побледнела, и поспешил исправиться: - Извини, я про подробности не буду...

- Говори все! - у нее такой взгляд, что Озу становится неловко.

- Да это не важно, собственно. С мягкими тканями разобрались, вроде бы. Сосуды там починили в первом приближении, какие смогли. Ампутации ноги, слава Богу, удалось избежать.

Под ее пальцами опрокидывается кружка с чаем. Пока подошедшая официантка убирает последствия такой неосторожности, они молчат. Оз ругает себя за опрометчивое решение рассказать уж совсем все, Мария ругает себя за несдержанность: она должна быть сильной!

- Рассказывай дальше, - она говорит ровно. - Извини, больше не повторится.

Григорий качает головой, но все же продолжает:

- В общем, суть в том, что ему в ближайшее время предстоит пара операций, или три - как получится. Будут пытаться восстановить... собрать ноги. Ну и... от исхода операций зависит - будет он ходить или нет.

Медленно выдохнула. Медленно вдохнула.

- Что говорят врачи?

- Да что говорят... Ничего! Никаких гарантий, будут делать все, от них зависящее. Там возможности, конечно, офигенные, Ваське повезло. Если там не сделают, то уж... Вот так вот, Маш.

- Значит, если у них не получится...

- Тогда - в инвалидное кресло.

Она не зря над собой работала. Даже не вздрогнула на эти слова.

- А что... Бас? Как он?

- Я говорил с ним по телефону... пару дней назад. Хорохорится... Это же Бас. Прикалывается, байки всякие травит. Только, знаешь... если уж совсем начистоту... Он уже смирился с мыслью, что его прорайдерская карьера... закончилась. Кататься так, как он мог - это ему уже никак не светит, что бы врачи ни сделали. Там сосуды магистральные не все смогли восстановить на ногах. Но хотя бы ходить... вернуться к более-менее полноценной жизни. Он уже думает только об этом. И... - Оз вздыхает, хмурится, но говорит дальше: - Он боится. Я чувствую - он, блядь, боится. Да и кто бы на его месте не боялся?!

У нее масса новой информации для размышления. Благодаря Озу.

- Спасибо, Гриш. Я могу тебя попросить?

- О чем?

- Держи меня в курсе, если что, хорошо?

- Хорошо, Маша.

Оз не спрашивает Машу, почему именно он должен держать ее в курсе. У каждого свои заморочки.

- Стас, ты можешь что-то с этим сделать?!

- Не представляю, каким именно образом, Дмитрий.

- Мне категорически не нравится, что моя дочь ошивается по кладбищам! Как ей вообще пришла в голову эта идея?! Скажи ей, что это ненормально!

- Я не могу запретить или указывать художнику, что ему делать.

- Художнику! - фыркает Тихомиров. - Ну, неужели ей нельзя заняться чем-то нормальным?! Предложи ей что-то! Что-то приличное, а не кладбище!

- Она работает, - спокойно отвечает Стас. - Насколько я в курсе. Хотя не в восторге от того, чем она занимается.

- Я тоже, знаешь ли! Днем калымит на свадьбах, вечерами ходит на кладбище и фотографирует! Как это вообще можно совместить?!

- Маша говорит, - в разговор вмешивается Катя, - что для того, чтобы снимать что-то, чтобы это получилось хорошо, в это надо немножко влюбиться. А она сейчас может... только вот такое...

- Катя истину глаголит.

- Бред! - не соглашается Дмитрий. - Полный бред! Вот ты, Даша, ты испытываешь что-то к своим пациенткам?

- Если я буду испытывать что-то к той женщине, которую оперирую, я ее убью. Врач должен быть равнодушен и отстранен. Но здесь же другое дело.

- Что за блажь у нее заниматься именно этим?! - Дмитрий устало ерошит волосы. - Зачем ей это?! Ей мало горя, что ее тянет на кладбище?! Или я чего-то не понимаю?

- А ты действительно не понимаешь? - Соловьев внимательно смотрит на друга.

- Нет! Что, это приносит ей облегчение - смотреть на горе других?!

- Ну, не совсем так... Просто это единственное, что она сейчас может нормально воспринимать, видимо. Что может фотографировать.

- Ну, а свадьбы?! Свадьбы-то ей зачем? Что за американские горки? Ты же сам говорил, что это халтура, а не творчество! Я уже ни хрена не понимаю! - Дмитрий почти кричит, но никто его не одергивает.

- Это то, на чем она может заработать.

- Да зачем ей работать?! Раз она в таком разбитом состоянии? Чтобы отвлечься?!

- Ты действительно плохо знаешь свою дочь, - невесело усмехается Соловьев - Она просто зарабатывает деньги. Сам догадаешься, для чего?

- Да не может быть...

- Уверяю тебя. Она собирается уехать туда. Снова.

- Черт! Черт!! Чееерт!!!! - удар кулака в стену. - Не отпущу!

- Она тебя не спросит.

- Тима, здравствуй.

- Здравствуй, родная. Как ты? Как сын?

После паузы - шелестящий вздох. Или всхлип.

- Аль, что такое? Что-то случилось? С Васькой?

- Нет, наверное. Или... да.

- Говори толком!

Еще один вздох.

- Прости, дорогой. Я понимаю, что у тебя... работа, важная. И без тебя там не справятся. Но без тебя тут... не справляюсь я.

- Да что случилось, Ален?! Скажи нормально!

- Васька... он... мне кажется, он сдался.

- Что это значит?!

- Ты же знаешь, ему через неделю операцию делать будут. И по итогам этой операции будет ясно, сможет он ходить... или нет. А он...

- Что он?!

- Он целыми днями смотрит какие-то идиотские боевики. Знаешь, те, где море крови, много оружия и никакого смысла. Или играет в компьютерные игрушки - такие же дурацкие. Доктор говорит, что игры - это хорошо, развивается тонкая моторика рук. Но меня волнует не моторика рук. А его душевное состояние.

- А что с ним не так?

- Ему на все плевать, он ко всему равнодушен. Он... он будто устал бороться. И очень сильно боится. Боится результата операции, боится того, что... не получится.

- Боится?! Васька?! Наш Васька?! Да ну, он же боец!

Арлетт на другом конце телефонной трубки еще раз вздыхает.

- Я тебе не рассказывала. Пару недель назад... или около того... я застала у дверей его палаты какую-то девушку, русскую. Как она туда попала - вопрос отдельный. Но когда я зашла к Ваське, сразу после нее... наш сын плакал! Наш сын! Который не плакал, когда в шесть лет ногу сломал! Который не плакал, когда умер его любимый спаниель Гектор! А тут... лежит, отвернулся к окну и слезы на щеках.

- Ты думаешь... - Артем удивлен, озадачен, - что состояние Васьки связано с этой девушкой?

- Не знаю! Возможно. Я ей сказала, чтобы она и близко не подходила к Васе, что он ее видеть не хочет. И персоналу дала строжайшие указания никого к нему не пускать, кроме нас. Совершенное безобразие! Но... я не знаю, возможно, это как-то связано.

Артем молчит, размышляя над сказанным женой.

- Арти... Я все понимаю, ты повязан на работе и без тебя не могут... Но... это же и твой сын тоже... А я тут одна уже не знаю... что сделать. Мне кажется, если у него самого не будет желания... сильного желания... снова ходить, то и операция не поможет. Ты понимаешь? Ты нужен мне здесь!

Решение Литвинский-старший принимает сразу.

- Аль, я тут вопрос с работой порешаю и прилечу. Обязательно.

- Что это, Артем Борисович?

- Вы же видите. Заявление об уходе.

- Артем Борисович, голубчик! Что случилось?! Я думал, у нас полное взаимопонимание!? Куда вы?

- Михаил Александрович, вы же знаете, у меня беда с сыном. Он в больнице, во Франции. Я нужен там, и не знаю, как долго это продлится. Я не могу так... вы же на меня рассчитываете.

- В этом все дело? Ну, тогда мы поступим так, - собеседник Артема Литвинского разрывает пополам лежащий перед ним лист бумаги, потом еще раз. - Я вас не отпущу. Мы уже лет десять вместе работаем, не один пуд соли вместе съели.

- Но как же?..

- Я понимаю, ваш родительский долг важнее. Езжайте. Пишите заявление об отпуске за свой счет.

- Но я даже примерно не могу сориентировать вас по срокам.

- Сколько надо, столько и решайте свои семейные вопросы. Хоть месяц, хоть полгода. Мы вас будем ждать.

- Пап, я уезжаю.

Это не вопрос. Утверждение. Он в этом убеждается после ее дальнейших слов:

- Мне не нужно твое разрешение. Я все равно уеду, у меня есть деньги. На билет хватит и на первое время.

- А потом? - обманчиво-ровным тоном интересуется отец.

- Потом видно будет. Придумаю что-нибудь, работу найду какую-нибудь. Я все равно буду там. С ним.

Тихомиров вздыхает. Работу она найдет... Идеалистка чертова! Пороху не нюхала в этой жизни, а туда же! Не зная языка, в чужой стране... Вестимо, какая это может быть работа...

О поверхность стола приглушенно шлепает золотая "виза".

- Держи. Вот этого действительно на первое время хватит. Кончатся деньги - не сочти за труд, набери телефона старика-отца. Пополню счет.

Маша берет карту, не раздумывая.

- Спасибо.

- Пожалуйста.

Пару шагов назад, к двери. А потом она оборачивается...

... Мария сидит прямо на полу, у его кресла, уткнувшись лицом в отцовы колени, а он гладит ее по темным волосам, таким же, как его когда-то, до того, как их припорошило инеем седины.

- Машенька, ты не плачь только.

- А я и не плачу, - дочь поднимает лицо, глаза действительно сухи. - Я просто... действительно очень люблю тебя, пап.

Он загонял себя работой намеренно. Ее всегда было много, а теперь... Артем Литвинский брался за все дела, какие только можно - свои или чужие, но косвенно связанные с его сферой деятельности. Лишь бы занять голову и вымотать себя до изнеможения, чтобы вечером только доползти до кровати и сразу отключиться. И не думать о том, о чем думать все равно бессмысленно. Не задавать себе этих неправильных вопросов, список которых начинался с "Почему?". За что? Зачем? Нет, бесполезно, бессмысленно, ответов он все равно не узнает, самое главное - что сын жив. А остальное.... провремся.

А вот сейчас, когда он сидел в самолете, перед взлетом, они его все-таки настигли, эти вопросы. Он сам никогда не боялся того, что могут принести ему горы. Он откуда-то знал, даже не задумываясь, откуда у него эта уверенность... что у него есть еще дела, много дел. И Врата ждут его, где-то там, впереди, ждут, но до встречи еще далеко. А сын... плоть от плоти, кровь от крови, отцовская гордость... Думал ли он, когда ставил маленького сынишку на лыжи, что будет такой финал? Да нет, он просто хотел поделиться с сыном тем, что нравилось ему самому. А у Василия оказался к этому самый настоящий талант. Был ли Артем рад? Безусловно, еще как. Рад и горд за сына. А теперь вот... как будто Врата, отпустив его из-под лавины, вернулись, чтобы забрать сына вместо отца.

Бред. Бред! Ему вредно много думать. Главное, Васька жив. А что до его душевного состояния, то и не мудрено, учитывая, сколько парню пришлось вытерпеть. С того же света достали, практически, это Артем, как профессиональный спасатель, четко понимал. Когда сразу после трагедии он приехал во Францию, выяснил все детали. И то, что Вася жив - его колоссальное везение плюс резерв организма, который позволил сыну дотянуть до больницы. А теперь... теперь все самое страшное позади. Вместе они справятся. Он нужен Василию, он будет с сыном столько, сколько потребуется.

В его размышления вторгается голос, который слово в слово повторяет его мысли. Почти.

- Я знаю, что не нужна ему. Но я все равно буду там, с ним, столько, сколько потребуется.

Артем повернул голову, разглядывая соседку слева. Молодая девушка разговаривает по телефону, темноволосая, бледная, худенькая. Следов косметики не видно, волосы стянуты в небрежный узел. И голос, негромкий, но что-то было в нем, какая-то интонация, которая и вытащила его из состояния глубокой задумчивости.

- Надь, не говори мне ничего. Я все знаю. Да, все. Да, его мать мне запретила его видеть. Да, я помню, что меня к Басу и близко не подпустят. Мне плевать, - пауза в разговоре, его соседка досадливо хмурится, слушая своего собеседника. - Что делать буду? Буду больницу караулить! Найду какой-нибудь способ получать информацию! Надь, ну правда, - девушка вздыхает устало, - я не могу быть далеко от него. Мне нужно, нужно, понимаешь, быть с ним. Хоть так. Ему операция серьезная предстоит... Я не знаю, что я сделать могу!!! Не знаю! Свечку в церкви поставлю. И буду окна его стеречь. Да, я ненормальная, я в курсе. Все, Надюш, пока. Мы взлетаем.

Его соседка отключает телефон, раздраженно бросает его в небольшой рюкзачок, стоящий в ногах. Устало прикрывает глаза. Артем смотрит на нее более внимательно. Из каких-то неуловимых деталей складывается ощущение, что девушка из обеспеченной семьи. Холеная, ухоженная, но в последнее время на свою внешность явно не обращающая должного внимания. Но даже в таком состоянии видно, что хорошенькая, если не сказать - красивая. И в кого Васька такой кобель уродился?..

- Простите, - обратился он к соседке, повинуюсь какому-то непонятному импульсу. - Это у вас для фотоаппаратуры рюкзак?

Она нехотя приоткрывает глаза.

- Да, верно. Там камера и разные... объективы дополнительные, вспышка... и прочее.

Тон ее ровно таков, чтобы не быть невежливой, но дать понять собеседнику, что она не настроена на продолжение разговора.

- Простите. Просто хотел убедиться в правильности своего предположения.

У нее темно-карие глаза - красивые, умненькие и безумно усталые.

В совпадения Артем Литвинский не верил, в случайности - тоже. Но разумного объяснения у него не было. Похоже, это та самая девушка, о которой говорила ему жена.

Арлетт была права. Все оказалось даже еще более скверно. Артему совсем не понравилось настроение Василия. Он бодрился перед отцом, выказывал демонстративную уверенность, что операция пройдет успешно. Но Артем видел эту пустоту в глубине глаз. Он видел сына таким впервые. И что делать, что говорить - понятия не имел.

То, что первый раз можно было назвать случайностью, второй раз ею совершенно точно быть не могло. И поэтому, когда, шагая по скверику возле клиники, он увидел знакомую темноволосую худенькую фигуру, свернул к скамейке, не раздумывая.

Сидит на самом краешке и как-то очень неумело курит. Вся поза выдает нервное напряжение и, одновременно, потерянность. Артем присел рядом, она даже голову не повернула в его сторону.

- Знаете, мне очень не нравится, когда женщины... или девушки... курят.

Он смог привлечь ее внимание. Обернулась. По лицу непонятно - узнала она в нем своего соседа по полету или нет, удивлена ли, что в сквере французской клиники с ней вдруг заговорил незнакомый соотечественник. Молчит так долго, что, кажется, не ответит уже. Но нет...

- Ваши проблемы, - демонстративно резко выдыхая дым через нос.

- Согласен, - невозмутимо отвечает Артем. - Но, учитывая, что я собираюсь с вами поговорить... не могли бы вы затушить сигарету?

Она смирила его изучающим взглядом, но просьбу выполнила. Уставилась выжидающе.

- Знаете, я не верю в совпадения. Зато верю своей интуиции. А она мне говорит о том, что встреча наша не случайна.

На его слова девушка реагирует неожиданно. Губы ее кривит презрительная усмешка, хотя глаза все такие же грустно-усталые.

- Как любопытно и оригинально, - цедит она, на Артема с таким отвращением женщины давно не смотрели, ему даже стало отчего-то неловко. - А ведь на первый взгляд вы не похожи на любителя молоденьких девочек, вроде с виду приличный человек. Вы еще скажите, что встречи со мной вы ждали всю жизнь. И только я могу

скрасить остаток ваших дней - недолгих, но, разумеется, обеспеченных.

От неожиданности Артем даже усмехнулся, хотя веселого в ситуации было мало. И поймал себя на том, что испытывает к этой девчужке как минимум уважение, а то и восхищение. Вот характерец, а?

- Увы, сказать такого не могу, - он, помимо воли, не может удержать улыбку, глядя в сердитые глаза своей собеседницы. Нда, в жизни его не принимали за извращенца, любителя молоденьких девочек. - Я давно и счастливо женат. И вообще, - он посерьезнел, - речь пойдет не обо мне и моих чувствах. Дело вот в чем... Вас зовут как?

- Маша, - она слегка растеряна.

Маша. Какое красивое имя...

- Вся моя жизнь, Маша, научила меня верить своему внутреннему голосу. А он сейчас говорит мне, что не случайно наши кресла оказались рядом в самолете. Я знаю, что моя жена была против вашего общения с Василием. Но я почему-то уверен в обратном. Мне кажется, что вы сможете что-то сделать, чтобы он снова захотел... жить, быть сильным и уверенным в себе, каким был всегда. Я дам распоряжение в клинике, чтобы вас пропускали к моему сыну беспрепятственно. Надеюсь, что вы... оправдаете мои надежды.

Она смотрит на него долго и молча. И с таким выражением, словно он у нее на глазах превратился из человека... ну, в Деда Мороза, например. Неверяще, на выдохе:

- Вы - Васькин отец?

- Так точно. Литвинский Артем Борисович.

Литвинского Артема Борисовича в данных обстоятельствах могло оправдать только одно - ни разу в жизни он не попадал в такие ситуации. И поэтому, именно и только поэтому он позволил случиться дальнейшему.

Тихонько всхлипнув, Маша вдруг быстро схватила его руку и, не успев он и слова сказать - прижалась губами к тыльной ее стороне. Попытки отобрать у Маши собственную конечность успехом не увенчались - она лишь развернула его руку ладонью к себе, и именно в ладонь и плакала, уткнувшись мокрыми от слез губами.

Артему было страшно неловко. В жизни ему руки женщины не целовали. Да и вообще никто. Разве что мать в его, Артема, глубоком младенчестве, когда дитю целуют все - и пяточки, и попу, и плечико. Но это вряд ли можно принимать во внимание. А теперь вот - он

сидит в парке на скамеечке, рядом с ним - молодая симпатичная девушка, которая уливается слезами и целует ему руку. И прекратить этот процесс нет никакой возможности.

Потом он все же как-то смог сменить диспозицию, мягко освободил руку, вместо этого пришлось приобнять Машу, и она еще чуть-чуть поплакала у него на плече. А Артема вдруг посетило странное сюрреалистическое чувство - зря все же они с Арлетт не родили второго ребенка. У него могла бы быть сейчас вот такая вот дочь.

- Вы меня простите, Артем Борисович, - Маша финально шмыгнула носом. - Я понимаю, у вас своих хлопот и забот куча, а тут я еще... Просто это все так неожиданно случилось... Я уже не думала...

- Маша, все в порядке, - Артем крепко сжимает Машины плечи. - Все, не плачьте. Все будет хорошо. Давайте в это верить. Я надеюсь, что вы сможете помочь Васе.

- Вы знаете, - Маша вдруг становится еще грустнее, если это вообще возможно, - а он ведь не хочет меня видеть. Совсем. Так что я не знаю...

- Это вам моя супруга сказала?

- Ну да.

- Это не так, - Артем морщится. - Она сказала это, чтобы вас... отпугнуть. Чтобы...

- Значит, Бас этого не говорил?

- Нет.

У нее такие глаза, что он снова чувствует себя Дедом Морозом.

Глава 8. Живу, чтобы любить до слепоты.

- Басик, привет.

Он ее, разумеется, не ждал. Более того, даже убедил себя, что забыл о ней, совсем, окончательно. Но сейчас, еще до того, как он успел понять, осознать разумом то удивительное и невозможное - Маша здесь, снова, стоит в дверях его палаты - сердце дрогнуло, предательски дрогнуло, сжалось - болезненно, необъяснимо и неожиданно. И единственное, что он мог сказать внятного:

- Почему Басик?

- А почему нет?

- Ты еще скажи - Барсик! - диалог у них начинается как минимум странно, но он все еще не может прийти в себя от неожиданности ее появления здесь. Маша же ведет себя как ни в чем не бывало - естественна и даже весела, причем веселость ее не напускная, а вполне себе натуральная, умеренная. И сама Маша такая...

замечательная. Он совершенно не отдает себе отчета в том, что не сводит с нее глаз.

- Барсик? - Маша подходит к кровати, спускает с плеча на пол сумку с ноутбуком. - Ну, можно и Барсик. Такой рыжий боевой дворовый кот. Отощавшая версия Гарфилда, который полгода не видел лазанью.

- Гарфилд?! - Бас фыркает. - Скажешь тоже! И потом - терпеть не могу лазанью.

- По тебе и видно, - она улыбается, так мягко и...

Тут до него доходит, что не так. Нет в ее глазах тех так разозливших его в прошлый раз жалости и страха - всего этого нет и следа. Это другая Маша, та Маша, которую он так самозабвенно целовал... сто миллионов лет назад, кажется. И он ни черта не понимает, зачем она здесь снова, после того, как он ее... да выгнал, практически, если называть вещи своими именами.

Выяснять это не хочется, хочется просто смотреть на нее, в ее глаза, как она улыбается. Но он не может позволить себе слабости. Не в этот раз и не с ней.

- Маш, зачем ты вернулась?

- К тебе приехала, - Маша отвечает слегка удивленно, смотрит на него, наклонив голову.

- Зачем?

- Захотелось, - пожимает плечами.

- Почему?!

- Ты не поймешь, - отвечает она спокойно. - И, предваряя твои дальнейшие расспросы - у меня есть высочайшее соизволение на посещение твой августейшей особы. Поэтому выгонять меня бесполезно - все равно буду приходить. Лучше сразу смирись.

- Что... какое... я не понял... ты о чем говоришь?!

- Просто пойми одну вещь - я буду приходить каждый день.

- Зачем?!

- Вот ты дятел! Заладил - зачем да зачем! Сейчас фотографии покажу, - Маша деловито подвигает к постели стул, поднимает сумку с ноутбуком. - Ты же последние свои фотографии не видел, которые я делала?

- Да нет, знаешь, как-то... возможности не представилось.

- Вот! - удовлетворенно кивает Маша. - Сейчас покажу.

- Слушай, Маш... я не думаю, что это хорошая идея... Не стоит тебе... - он далеко не так решителен, как в прошлый раз. Потому что

ему смертельно не хочется, чтобы она уходила, только вот себе он в этом не признается.

- Я там тебя подловила, как ты в носу ковыряешься, - Маша ставит ему ноутбук на грудь. - А с виду такой приличный мальчик...

- Все ты врешь!

- Смотри сам.

Спустя пару минут.

- Да это я просто нос чешу!

- Да? А со стороны кажется, что козявки выковыриваешь...

- Машка!!!

- Что?.. - большие, предельно невинные глаза. - А вот на этой фотографии ты что делаешь?

- Что-что... - вглядывается. - Папарацци хренова... Ремень на штанах поправляю, кажется.

- А я думала, ты снова что-то чешешь...

- Маша!!! - возмущенный возглас дополняет толчок в бок локтем.

- О, пациент уже дерется. Вижу, пошел на поправку, - она улыбается так, что он не может не улыбнуться ей в ответ.

И все-таки... когда она собралась уходить, Бас предпринял еще одну попытку. Последнюю, для очистки совести.

- Маш, я серьезно... Не стоит тебе тратить на меня свое время, правда. Я не думаю...

- Послушай меня, Литвинский, - больше всего его удивляет в ней это олимпийское спокойствие и решительность. - Мне двадцать три года. Даже мой отец перестал указывать мне, что делать. Тебя я тем более слушать не буду - мал еще, чтобы меня поучать.

- Ну... дело твое... - он демонстративно хмурит брови.

- Вот именно! Мое, только мое дело! Умница, что понял. Все, до завтра.

А назавтра ему стало страшно по-настоящему. Что он что-то не так понял. И что она не придет. Стало так тошно, что хоть волком вой. Промучился все утро, ждать было просто нестерпимо. Врубил какую-то кровомесительную игрушку, взял в руки игровой пульт. Отвлечься хоть на что-то...

- Какой ты кровожадный, оказывается...

Пульт он, естественно, тут же выронил. Обернулся резко. В дверях палаты - нет, не Маша. Огромный рыжий Гарфилд, в половину Машиного роста. А сама она выглядывает из-за рыжего плюшевого уха.

- Привет.

- Что это?!

- Это твой новый друг, - Маша с котом, а точнее - рыжий монстр и Маша протискиваются в палату, - чтобы тебе не скучно было. Его зовут Гарфилд. Можно просто - Гарик.

Сначала Бас может только удивленно хмыкнуть. И лишь потом, увидев в другой руке Маши бумажный пакет:

- А это - лазанья Гарику?

- Нет, что ты! - усмехается Мария. - Ты же не любишь лазанью. Это пончики с повидлом. Тебе.

- Пончики?!

- Ой, как глаза загорелись! - Маша уже откровенно смеется. - Да, пончики. Твой отец сказал, что ты их любишь.

- Отец?! - тут он понимает. Смесь смущения, разочарования и еще чего-то... И все это, видимо, так отражается в его глазах...

- Да-да, Литвинский! Это вселенский заговор, ты правильно понял.

- Тебя мой отец вызвал? - у него снова тот самый тон - холодный и отчужденный.

- Вот еще! - фыркает Маша. - Нет, никто меня не вызывал. И не спрашивай больше ничего, никаких подробностей вселенского заговора против Василия Литвинского я тебе не расскажу! - с пафосом: - Это страшная тайна!

- Маша! - предупреждая.

- Лопай пончики, пока они теплые. А еще я принесла тебе кофе. Настоящий и вкусный, - она ставит пакет на тумбочку рядом, оглядывает палату. Задумчиво: - Так, куда бы Гарика пристроить...

Нет у него никаких сил с ней спорить. Да и какая разница, собственно, почему она здесь? Сейчас гораздо важнее, что она здесь. А еще вдруг смертельно захотелось именно этих теплых пончиков с повидлом. И настоящего и вкусного кофе. В конце концов, он сегодня так и не смог заставить себя позавтракать.

Правда, кофе и пончиками пришлось поделиться с Машей. Она так забавно выпрашивала у него, и он понимал, что она делает это нарочно, но так приятно было - пить с ней кофе из одного стаканчика. И откусывать один на двоих пончик. Как-то неправильно, но безумно приятно. И он ни разу не вспомнил за все это время, что рабочая у него только верхняя половина тела. Забыл, совершенно забыл об этом, пока она была рядом.

- Ну, что, готов к просмотру фотографий?

- Опять?

- Ну, не в игрушку же твою дурацкую пялиться?! У меня фотографий, знаешь, сколько на ноутбуке? Мог бы и оценить - показываю тебе бесплатно шедевры!

- Шедевры - это там, где я в носу ковыряюсь?

- Ага! Признался?!

Бас демонстративно вздыхает.

- Давай, показывай, что там у тебя есть.

Спустя минут пять.

- Ух ты! Это кто такая куколка-блондинка?

- Это моя сестра, Катя.

- Прелесть какая хорошенькая!

- Значит, Катя хорошенькая? - преувеличенно ровным голосом. - А я - нет?!

- Нет. Катя хорошенькая. А ты - красивая. Улавливаешь разницу?

- Смутно.

- Неважно. А Катенька дивно хороша. Познакомишь?

- Она терпеть не может рыжих и конопатых, Бас.

- Да? Пичалька. Как жить, как жить? - Бас так откровенно веселится, что Маше приходится ему подыгрывать, хотя ревность, да и к кому - к родной сестре - это было совершенно неожиданно. Нет, Катя и правда хорошенькая, но...

- Если хочешь, познакомлю.

- Хочу, конечно.

- У нее есть парень, предупреждаю.

- Я уж как-нибудь это переживу, - он ее совершенно неприкрыто дразнит, и в этом так много его прежнего, что ей и сердиться не с руки. Так здорово видеть, как он смеется.

- Как настроение, Басик?

- Отсутствует.

- Боишься?

- Волнуюсь, - сознался, потому что притворяться уже сил нет. Завтра он очнется после наркоза и ему скажут...

- Все будет хорошо.

- Откуда такая уверенность, Маш?

- Отсюда, - она прижимает руку к левой стороне груди. - Я точно знаю. Все. Будет. Хорошо.

- Обещаешь?

- Обещаю.

Это глупо и смешно, но ему хочется ей верить. Да что там - он ей верит. Почему-то верит. Даже больше чем себе.

- Ладно... Вась... я пойду. Тебе отдохнуть нужно, завтра важный день.

- Ну да, я же работать буду. Лежать под наркозом на операционном столе - тяжелый труд.

- Не переживай. Все получится.

Она наклоняется и легко касается губами его лба.

- До завтра. Завтра все будет в порядке. Верь мне.

А он неожиданно перехватывает ее готовое отстраниться плечо. Притягивает ее к себе так медленно, чтобы она могла остановить его, если решит. Но она позволяет ему. И он целует ее в губы.

В этом поцелуе нет ничего эротичного. Это просто соприкосновение губ, крепкое, долгое, так, что дыхание смешивается.

- Верь мне, - ее выдох ему.

- Хорошо, - его выдох ей.

Нет, плакать она не будет. Она теперь сильная. Она чувствовала в себе совершенно непоколебимую уверенность или упертость. Не позволить ему больше валять дурака. Встреча с Артемом Борисовичем словно была последней точкой в этой уверенности. Что она делает все правильно. Именно так - правильно.

И в этот раз все иначе. Васька выглядит намного лучше. Ему сняли гипс с руки, почти сошли на "нет" страшные синяки и кровоподтеки. И вообще - он сверху, до пояса выглядит почти нормально. Если не принимать во внимание его совершенно дикие патлы. А стричься Бас отказывался категорически по какой-то одному ему ведомой причине. Маша, в попытке пристыдить его и убедить принять благопристойный вид, подарила ему пару заколок в виде розовых Китти, со стразами, разумеется. И Бас демонстративно к ее приходу закалывал свою обросшую челку ото лба именно ими. Ну и кто кого поддел, спрашивается?

Но сегодня места для шуток нет. Завтра... Нет, завтра все будет в порядке, по-другому быть не может. Возможно, это было трусостью с ее стороны, возможно. Но она сознательно не позволяла себе думать о том, что произойдет, если исход операции будет неудачным. Не думала о том, что ей самой делать, если так случится. Нет, этого не

может быть. Французские врачи должны справиться, Васька заслужил. Иначе... иначе это будет дико несправедливо!

Она до позднего вечера гуляла по близлежащим к пансиону кварталам. Думала поснимать, но сил поднять камеру не было. Не в руках сил, а где-то глубже, внутри. Часам ближе к одиннадцати, сообразив, что в результате своего беспорядочного променада стала объектом пристального внимания со стороны группы громкоголосых чернокожих подростков, Маша в ближайшем магазинчике купила бутылку красного вина и торопливо вернулась в свое временное пристанище. Именно благодаря бутылке вина она и смогла уснуть в ту ночь.

А утром она сделала то, что дала себе слово сделать в день операции давно. Небольшой православный храм, находящийся не так уж далеко от клиники, она присмотрела почти сразу по приезду. И теперь она направилась туда.

Машу трудно было назвать глубоко религиозным человеком. Не то поколение, не то воспитание. Но желание, нет, даже потребность сделать именно так, возникла сама собой, и Мария была необъяснимо уверена, что она должна это сделать. Пусть кто угодно из сверстников над ней смеется. Ей это все равно. Когда в твою жизнь приходят такие испытания, на мнение чужих внимания не обращают. Она будет делать то, что ей кажется важным и нужным Басу - пойдет и поставит свечку в церкви. За здоровье. Так, кажется, правильно говорить? Кто бы ей еще объяснил, как это делать?..

Словоохотливая старушка, вроде бы из второго поколения русской эмиграции, если Маша правильно поняла, с видимым удовольствием помогла Марии. И в полутемном храме ей было комфортно, и глядеть на мерцающее пламя тонких свечей - умиротворяло. Но внутри что-то гнало ее отсюда. Не здесь ей следует быть. Ее храм сейчас - сквер французской клиники и третья слева по центральной аллее скамейка.

На этой самой скамейке ее и застали родители Баса.

- Маша! Ты что здесь желаешь? Почему не внутри?

- Здравствуйте, Артем Борисович... мадам, - она неловко кивнула матери Баса. Если Васькиного отца Маша чуть ли не боготворила за то, что он для нее сделал, то матери его... откровенно говоря, побаивалась. Необъяснимо. - Я лучше... тут. Привычнее. Еще ведь ждать... долго.

- Нет, Маша, так не годится, - Литвинский-старший берет ее под руку. - У нас с супругой есть специальный столик в кафе, в больнице.

Мы там... все операции, все Васькины наркозы и реанимации переживали. Поверь мне, Маша, это счастливый столик. Мы должны сидеть за ним все время, пока...

Долго уговаривать ему Машу не пришлось.

А потом, когда Артем Борисович ушел за кофе и они остались с матерью Баса наедине... Маше страшно неловко, она не знает, что сказать, куда руки деть в обществе такого непонятного для нее человека.

- Мария, - та сама, первая, неожиданно нарушает повисшее за столиком молчание. - Наверное, я должна перед вами извиниться.

- Нет! - только этого еще не хватало! Маша совершенно искренне не хочет, чтобы эта женщина с пронзительными зелеными глазами и тонкими губами унижалась перед ней извинениями. Ничего хорошего из этого не получится. - Нет, ну что вы! Вы совершенно не должны этого делать!

- Именно поэтому, - ее собеседница серьезно кивает, - я прошу у вас прощения. У меня были причины так поступить, но это не оправдание. Прошу меня извинить.

- Конечно! - торопливо соглашается Мария. - Я все понимаю. Вы имели право и... Я правда все понимаю. И...

У Маши действительно нет слов, чтобы правильно сказать, что она чувствует. А мать Баса вдруг легонько гладит ее по плечу.

- Наверное, теперь я могу обращаться к тебе на "ты"?

- Да! Конечно, мадам!

- Арлетт, - старшая из женщин слегка улыбается. - Меня зовут Арлетт.

Последующие часы за "счастливым столиком" были посвящены, в основном, рассказу Маши. Именно потому, что ее расспрашивали обо всем - о семье, об образовании, о работе... Где живет, кто папа, кто мама, где бывала, что видела. Словом, выложить пришлось почти все о себе, и именно поэтому время мучительного ожидания... это плетущееся черепашьям шагом время вдруг как-то незаметно кончилось.

Она не понимает ни слова из того, что говорит серьезный, невысокий и горбоносый врач - может только вглядываться в мимику и жесты всех троих - его, Артема Борисовича и Арлетт. И именно улыбка Васькиной матери дает ей первую надежду. А потом - слова Литвинского-старшего:

- Ну что, Маша? Будем праздновать?
- Есть что? - еще не давая надежде вырасти в полноценную радость.
- Доктор Рошетт убежден, что есть. Все получилось, как врачи планировали. И даже сверх того. Не исключено, что и вторая операция не понадобится.

Если бы она была одна, наверное, она отреагировала бы иначе. Но сейчас... с людьми, с которыми она пережила эти очень непростые часы, одни их самых сложных за последние месяцы, хотя это вообще было трудное время, но все-таки... Словом, дрогнула Маша. И плакала она на плече Артема Борисовича, и, кажется, Арлетт гладила ее по голове, и негромкий голос Васькиного отца:

- Ну, все, все, Маша. Будет. Все хорошо.

Впрочем, потом Маша понимает, что плакала не одна она.

Ей позволили пройти в реанимацию, хотя Васька еще без сознания. Более того, ее великодушно оставили с ним наедине.

Она смотрит на него, на бледное лицо с побледневшими же веснушками. Глаза закрыты, тени под ними не только от ресниц. Все-таки как же трудно ему пришлось за последнее время, просто невообразимо. Светло-рыжие волосы разметались по подушке почти по-девичьи. Нет, парня надо срочно стричь. Маша слегка улыбается. И может себе наконец-то твердо сказать: "Все хорошо. Все в порядке. Он выдержал. Он смог".

А потом ее ждет неожиданный подарок. Она видит, как дрогнули его ресницы. Взгляд - поначалу совершенно мутный, дезориентированный, непонимающий. Моргнул раз, второй. Прорезалось фирменное Басово выражение лица: "Мне все трын-трава". Маша не дает ему повода первому сказать глупость.

- Привет.

- Привет. Ну что, доктор, - он слегка морщится, - я смогу теперь, после операции, танцевать танго?

Неисправим.

- А до операции мог?

- Неа.

- Ну, значит, и после не сможешь. А вот ходить - запросто. Доктор Рошетт в этом совершенно уверен.

- Правда?

- Да.

- Черт. Блин, - он говорит это тихо и почти безэмоционально.
Закрывает глаза и шепчет, с прикрытыми веками: - Неужели, правда?
- Клянусь своим "Никоном".

Он открывает глаза и столько в них... что кажется, будто включили мощную лампу.

- "Никоном"? Это святое. Верю.
- Рад? - она спрашивает об очевидном, но очень хочется с ним поговорить.

Бас медленно кивает, а Маша спохватывается.
- Ой, надо же позвать... доктора там, или медсестру. Ты как себя чувствуешь вообще?
- Выпить хочется просто смертельно.
- Вряд ли тебе сейчас можно, - улыбается Маша.
- Мне категорически нельзя. Но хочется от этого не меньше.

Над Парижем стоит образцово-показательная поздняя весна, выказывающая твердое намерение перейти в такое же образцово-показательное начало лета. Цветут каштаны, толстые парижские голуби степенно и вальяжно избегают внимания детворы, взлетая лишь по самой крайности. Пожилые парижане играют в "шары", с плавучих ресторанов на канале Урк слышно живую музыку.

Все это Бас видит Машиними глазами. Каждый день Мария приносит ему улов. Маленькие фотозарисовки Парижа - красочного и грязного, шумного и задумчивого, загадочного и прямолинейного. Это Машин Париж.

Разглядывая фотографии, Бас понимает - как она талантлива. Она умеет видеть чудо в обыденности - качество, которое отличает волшебников с камерой в руках от всех прочих смертных. А, с другой стороны, совершенно очевидно - сколько на это потрачено времени. Огромное количество времени на то, чтобы развлечь его. Постепенно начинает приходить осознание - сколько она вообще сделала для него. И продолжает делать.

- Я с тобой никуда не поеду!
- Спокойно, больной! Вам вредно нервничать, - Маша постукивает пальчиками по спинке кресла-каталки. - Что за недоверие? У меня права уже четыре года. Уж с твоим креслом как-нибудь управлюсь.
- Не хочу!
- Вот капризный! А за контрабанду?

- Что ты имеешь в виду? - и в самом деле озадачен.
 - Я сейчас везу тебя гулять. А завтра принесу тебе бутылку пива.
- Он не тратит ни секунды на размышление.

- Две!

- Я полагаю, торг здесь не уместен. Одна! Но! Твое любимое чешское темное.

Вздыхает.

- Ладно. Черт с тобой.
- Вот и отлично. Ну что, красивая, поехала кататься?
- Красивая?!
- Конечно, красивая! Просто Василиса Прекрасная! После того, как ты наконец-то соизволил косы состричь.

Чувство благодарности может быть тяжелым грузом. Особенно, если ты не понимаешь, за что тебе такое счастье. Особенно, если понимаешь, чего это стоило тому, кто тебе помогает. Особенно, если тебе самому нечем, совершенно нечем отблагодарить в ответ.

На его небрежный вопрос о том, где она живет, Маша ответила - в пансионе. Угу. Столько времени снимать комнату в пансионе. В Париже это в любом случае недешево. А ведь ей надо на что-то жить - кушать, ездить в метро. Покупать ему всякие смешные подарки-безделушки, черт подери!

Он решился и прямо спросил ее об источнике средств к существованию. Видно было, что тема разговора Маше не особо приятна, но ответила без колебаний. Так, значит у Машки состоятельный папаша. Который и оплачивает, по сути, всю эту благотворительность. Сложившаяся ситуация Басу не нравилось ужасно, но отказаться от Машиного общества он не мог. Пока не мог.

- Машка, дай мне костыли!

- Я удобнее, чем костыли. Мягче.

- Я тебя уроню к черту! И мы грохнемся оба!

- Не лсти себе, ты тощий и вряд ли уронишь меня.

- Маша!

- Давай руку и вставай.

У него почему-то совершенно не получается спорить с ней.

- Ну что, как успехи, капитан "Деревянная нога"?

- Я сам дошел до лестницы и обратно!

- Ого?! Время?
- Девять минут.
- Отличный результат! Держи, заработал.
- Ух ты, даже две!
- Вообще-то, вторая бутылка мне. Я думала, ты захочешь со мной отметить свой успех.
- Конечно, Маш.

Его выписывают. Наконец-то. Спустя все эти месяцы, за которые больница стала ему то ли вторым домом, то ли тюрьмой - непонятно, он может уйти отсюда. Причем именно - уйти. На своих ногах. Да, хромая, и больно, но до машины он дойдет. Это дело чести.

У него есть еще одно дело. Только вот язык не поворачивается назвать его делом чести. Да и делом это назвать нельзя. По сути - одно огромное и нереально противоречивое чувство под названием: "Что делать с Машей?".

Да, благодарность может стать тяжким грузом. Он действительно не понимал, чем заслужил такое. В те первые недели он принимал Машину помощь, общество, внимание, как само собой разумеющееся. Он нуждался в ней и брал, не раздумывая. А теперь, теперь, когда собственные насущные проблемы, страхи и неуверенность слегка отступили. Когда он смог посмотреть на ситуацию здраво. И со стороны Маши. Он просто забрал у нее несколько месяцев жизни! И чем он может это компенсировать? Как отблагодарить?

Да никак. Во-первых, то, что сделала для него Маша, трудно как-то соизмерить. Хотя с чем-то сопоставить. Непонятно, с чего и зачем, но переоценить ее помощь невозможно. А во-вторых, что может он? Едва ходит, и сам еще во многом нуждается в помощи. Но не может же он бесконечно использовать ее! Ничего не давая взамен. Сейчас это казалось адски важным - такое явное неравноправие в их отношениях, их такой несоизмеримый вклад в них. И он не должен, не имеет права....

Ко всем прочим его метафизическим и философским метаниям добавлялось житейское и банальное, но с какого-то момента времени это начало его реально беспокоить. В области половой сферы был полнейший покой. Привычные до падения со скалы утренние стояки не посещали. Да и в любое другое время суток активности в этой области тела не наблюдалось. Не помогла даже скачанная из

Интернета первая подвернувшаяся под руку порнушка. Возможно, конечно, что порнушка была так себе, но он вырубил ее спустя десять минут в наимрачнейшем расположении духа. Ни-че-го! Никакой реакции.

Когда Бас решился задать своему лечащему доктору мучивший его вопрос, тот усмехнулся, не удержавшись.

- Эх, молодежь, молодежь... Как вы нетерпеливы. Вам просто нужно время, Базиль. Поверьте мне, с точки зрения физиологии у вас там полный порядок. А вот здесь... - он постучал указательным пальцем себе по виску, - вот здесь что-то еще не включилось. Скорее всего, вы просто еще к этому не готовы. Ваш организм мудрее вас, Базиль. Не торопите его.

Ну да, все такие мудрые, включая его член, один он такой дурак!

Благодарность, как это ни странно, может перерасти в нечто иное, особенно если направлена на того, кто был к тебе щедр душой и ангельски терпелив. Случаются такие люди и обстоятельства, с которыми именно так и происходит, увы.

- Маш, меня же выписывают завтра.

Улыбается.

- Я помню.

- Ты когда назад?

- В смысле?

- Ты не планируешь возвращаться домой?

- Вообще-то, пока нет, - настороженно.

- А пора бы. Сколько можно на меня время тратить.

- Бас, послушай меня...

- Нет, это ты меня послушай! Неужели ты не понимаешь, что... - с таким трудом собираемая решимость стремительно тает, но он не может оставить все как есть! - так больше нельзя.

- Почему?

Почему она не может просто.... просто... Он не понимает, что должен сказать, и должен ли вообще. Все, везде, куда не кинь - все неправильно!

Он смотрит ей в глаза - пока еще непонимающие и недоуменные. И у него вдруг появляется отчетливое ощущение, что он стоит на краю пропасти. И собирается сделать шаг вперед. Остановиться, замолчать

сейчас, может, потом... О, нет, "потом" - это не его слово. И он говорит, говорит с четким ощущением шага в бездну:

- Маш, я устал. Устал, понимаешь? От тебя... устал. Мне нужно побыть одному. Хватит меня опекать. Спасибо тебе за все огромное, но сейчас...

Он не может дальше говорить. Он летит вниз, на дно бездны. Он самоубийца, видимо.

- Ты это серьезно? - она ему явно не верит. Черт, этот разговор агонически-мучителен!

- Уезжай, Маш. Хватит.

- Нет, - качает головой. - Не может быть, чтобы ты говорил серьезно. После всего...

Он летит, падает со скалы, бездна под ногами, и он совершает самый ужасный и опрометчивый поступок в своей жизни. После которого все уже никогда не будет прежним. Но он не может остановиться. И продолжает говорить. Нет, он не говорит. Он летит в бездну, в пропасть. И падение будет смертельным. Но...

- Я серьезно! Неужели так трудно это понять! Ты мне больше не нужна!

- Что?.. - тихим выдохом.

- Неужели непонятно?! Ты! Мне! Не нужна! - он повышает голос, но не может уже себя контролировать толком.

- Нет. Нет. Ты это просто говоришь, потому что переживаешь из-за того, что я так много времени тут провела и... что это мне сложно. Но это не так, поверь. Мне не трудно, я для тебя...

Он не хочет слышать это снисходительное вранье!

- Слушай, ну как тебе еще сказать, чтобы ты поняла?!

- Я понимаю, - она чертовски упряма. - Я останусь с тобой, пока нужна тебе.

- Ты мне не нужна!

- Неправда!

Он все-таки срывается. И орет:

- Правда! Убирайся! Исчезни! Оставь меня в покое, наконец-то!

Он возненавидел себя за эти слова тут же, как выкрикнул их. Но сказать после ничего не мог, не исправить уже. Саморазрушительно он бросил ей вызов. Сколько она будет его терпеть, все прощать? Маша, скажи мне что-нибудь... Пожалуйста...

Более всего сейчас ему хочется услышать ее голос. Хоть что-нибудь, хоть слово, пусть обругает его, обзовет - как угодно. Но нет... Не заслужил.

Она кивает, медленно, очень медленно. Губы, ее красивые и улыбчивые губы, сжались так плотно, что одна линия осталась от розовых лепестков. Лишь бы не сказать ему ничего. Не уронить своего достоинства.

И поворачивается она медленно, и к двери идет так же медленно, словно каждый шаг дается ей столь же трудно, как и ему в первые дни, когда он начал ходить. Но спина - прямая.

И с каждым ее шагом он чувствует, как... уходит свет, тепло, оставляя в груди ледящую пустоту. У бездны есть дно, и он его достиг.

Согласно единственному закону, который работает всегда и без сбоев - закону подлости, "утренняя фея" посетила его спустя два дня после того разговора. Как будто сейчас это имело какое-то значение...

Что им двигало тогда? Что заставило сказать те ужасные слова? Не понимал, категорически не понимал теперь. Какой-то бес саморазрушения владел им, не иначе. Или... хм... скопившаяся сперма на мозг надавила... Ну да, очень удобно - сваливать все на физиологию, что у него там проблемы, здесь не все в порядке. А на самом деле - просто дурак, слепой дурак, который к тому же не знает значения слов "порядочность" и "благодарность".

Совсем погано стало, когда он понял, что его поступок и в самом деле - необратим. Маша не брала трубку телефона. Учитывая маниакальное упорство, с которым он дозванивался до нее - скорее всего, просто занесла его номер в "черный список". Не реагировала на sms-ки, раз от разу становившиеся все отчаяннее тоном и смыслом. И на письма на e-мейл тоже не отвечала. "Извини", "прости", "я дурак", "не знаю, что на меня нашло" - он бесконечно комбинировал эти слова, все без толку.

Все вокруг напоминает о ней. И поселивший на прикроватной тумбочке в их небольшой, "перевалочной" парижской квартире Гарик. На ухе которого красуются две розовые заколки со стразами.

Ему положено гулять. Он гуляет, понемногу, с тростью. И везде видит Машин Париж. Эти проклятые наглые голуби! И запахи с плавучих ресторанов на канале Урк - пахнет именно так, как он и представлял, глядя на ее фото. И кофе в уличном кафе на Рю Лепик -

именно того вкуса. Отсюда оно, здесь куплено? Он не узнает, наверное, уже никогда.

Даже телефон его предает. И не только тем, что с его помощью он не может связаться с Машей. Позвонила Романович. У него такое чувство, что он говорит с абсолютно незнакомым человеком. Неужели у него было с ней что-то? Наверное, было, чисто умозрительно - даже неплохо было, скорее всего. Но ничего не всколыхнулось в душе, не екнуло в сердце, даже воспоминания - какие-то совсем невидимые, ускользающие. А вот то, что было с Машей - ярко, будто только что, и простыни еще пахнут ею. Мучительно ярко. Забыть, надо забыть, он сам все перечеркнул, несколько слов - и ты летишь в бездну. Шагнул туда сам.

На дне пропасти очень холодно и одиноко. И единственное чувство, которое согревает - это жгучий стыд. В нем разыгрались какие-то идиотские неизжитые комплексы, и он смертельно обидел того человека, который едва ли не за шкурку вытащил его из бездны собственного отчаяния. Кто кусает руку, которая тебя кормит? Он точно знает одного такого болвана неблагодарного.

Прошла неделя, полная бесплодных попыток как-то добраться до Маши. Неделя в мире, где о ней напоминало все, не давало забыть. И он понял. Надо ехать к ней. Оставить это просто так он не сможет - стыд и чувство совершенной несправедливости сожрут его.

- Сын, мне это не нравится.

- Мне нужно, мам.

- Тебе еще нельзя давать такую нагрузку на ноги.

- Я же не пешком пойду.

- Ты понимаешь, о чем я. Нагрузка должна быть дозирована, а в дороге тебе все равно придется много быть на ногах.

- Справлюсь.

Арлетт вздыхает. Гордый и упрямый, как отец.

- Я позвоню бабушке. Она будет очень рада тебя видеть. Она едва пережила это, не волнуй ее.

- Хорошо, - не может быть и речи о том, чтобы отвертеться от перспективы жить в бабулиной квартире. Зато, если он потерпит полнейшее фиаско, хоть пирогов с капустой поест. Слабое утешение, конечно.

Глава 9. Покинь меня.

Разумеется, мать была права. Бас предполагал, что будет непросто, но этот перелет доконал его окончательно. И если в Руасси он отказался от предложенного ему сотрудником аэропорта кресла-каталки добровольно, понуждаемый гордыней, то по прилету в Домодедово он бы и рад уже был, и на гордыню плевать, так ноги болели, да не предложил никто. Добро пожаловать в Россию, называется. А искать самому было совсем не вмоготу, проще на остатках сил дохромать до такси.

Бабуля так охала и хваталась за сердце, что Бас уже всерьез начал опасаться за ее здоровье, памятуя матушкины слова. Но обошлось, бабуля поплакала-поплакала, а потом повела внука любимого на кухню чаем с пирогами угощать. Себе он оказался предоставленным только спустя часа четыре.

- Гринч, привет.
- Баааас! Привет, брат! Как ты?
- Нормально, вернулся вот... в родные пенаты.
- Ты в Москве?
- Ага.
- Здорово! Как можно твою тушку потискать?
- Я у бабки живу. Адрес помнишь?
- Вроде бы. А может, в баре посидим, а?
- Гриш, я... вряд ли дойду сейчас куда-то. Чуть не сдох, пока долетел.
- Понял. Напомни адрес, приеду. Ну и это... Мы ж не на сухую сидеть будем?
- Обижаешь. Но ты сам купи, ага? А то у бабули тут только наливка смородиновая.
- О, я помню. Вкусная вещь!
- Угу. Только не в коня корм. Да и мало ее, - смеется Бас. Соскучился он по друзьям, оказывается, ужасно соскучился. Как же хорошо возвращаться к жизни после всего!

Посидели они с Гришей крепко, "Крушовица" и бабусины пироги с капустой были будто созданы друг для друга, по крайней мере, на их непритязательный вкус.

И, после всего много рассказанного и обсужденного... У него ведь дело к Озу.

- Гриш, у тебя есть Машин адрес?

Оз не уточняет, о какой Маше идет речь. Хмурится.

- Бас, ты же знаешь, я в чужие дела не лезу... Но не хватит ли ей уже?

- О чем ты?

- Я видел Машку неделю назад. У нее вид такой, что она готова прибить любого, кто заговорит с ней о тебе. Я вот ее спросил, как ты там... Лучше тебе не знать, что она мне ответила. И каким тоном. Так что... мне кажется, не стоит тебе...

- Оз, ты в чужие дела не лезешь - вот и не лезь! Адрес знаешь?

- Знаю, - с неохотой и после паузы.

- Говори.

К разговору с Машей он готовился два дня. Точнее, просто выжидал, пока сможет более-менее нормально ходить, не морщась на каждом шаге от боли.

Трость он с собой не взял, обуреваемый все той же гордыней, но в вестибюль Машиного дома вошел, почти не хромя. Консьержа его ответ "Я к Тихомировым в пятьдесят восьмую" удовлетворил - видимо, старания Баса выглядеть прилично не пропали даром. Еще бы и дальше повезло, и Маша оказалось дома. Вероятность этого была невелика, но проверить он мог, только постучав в дверь. С другой стороны, даже если ее нет дома... он всегда может подождать, там у подъезда есть чудная скамейка.

Однако, чуть позже выяснилось, что на консьерже везение Баса кончилось. Дверь ему открыл... о, он сразу понял, кто это. Это Машкин отец, и она на него очень похожа. Те же темные глаза, черты лица так схожи... Очень странно видеть взрослого мужика, так похожего на... крайне симпатичную тебе девушку.

- Здравствуйте. Я к Маше. Она дома? - вежливость и хорошие манеры в Баса не без труда, но вбили. Еще в детстве.

- Так-так-так... Это кто же к нам в гости пожаловал?..

- Извините?..

- Не извиню. Но, заходи, коли пришел, - перед Басом шире распахнули дверь. Только ему заходить не хотелось, ну вот совершенно. Но заставил себя, шагнул через порог.

- Прошу в мой кабинет, - кивком головы обозначил направление его неожиданный собеседник.

- Вообще-то, я к Маше...

- А я так мечтал с тобой поговорить по душам... Бас, - темная бровь, точная копия Машиной, артистически, виртуозно выгибается

Дураком Бас никогда не был. И ситуация ему не нравилась. Не нравился холодный голос, с легкой, так тонко подпущенной издевкой, что достигается только многолетними тренировками. Не нравился мрачный, тяжелый взгляд. И сардоническая улыбка тоже не нравилось. Ох, не к добру все это...

- Вы знаете, я, наверное, лучше Машу на улице подожду.

- В кабинет, живо!

- Нет, право, не стоит. Я лучше... - он сделал один шаг назад, больше просто не успел.

- В кабинет, я кому сказал!!! - Тихомиров не просто рывкнул эти слова. Он еще и прихватил Василия за рукав куртки и дернул все в том же, указанном ранее кивком головы направлении.

Бас покачнулся от неожиданности такого рывка, на ногах он и так стоял с трудом, а тут еще это... Не сдержался, охнул и поморщился от боли. На какой-то миг даже вынужден был схватиться за плечо Машкиного отца, чтобы не грохнуться на пол. Но затем сразу же отпустил.

А тот смотрит на него со смесью изумления и... отвращения. Резко выпускает рукав его куртки и сам отступает на шаг от Баса, словно от прокаженного. Презрительная гримаса искажает его лицо.

- Что ж ты такой убогий-то, прости, Господи? Пальцем не дотронься...

- Извините, - прохрипел Бас, ему дико неловко.

- Хоть раз поступи как мужчина! Что, даже поговорить не можешь прямо? Стыдно?

Бас выдыхает резко. После всего... похоже, у него нет выбора. И он проходит, наконец, куда ему указывают.

Кабинет внушительный, место для уединения и работы солидного человека. Ну да, Машкин папа - денежный мешок. Но Басу сейчас не до деталей. Без приглашения даже не опускается - падает в гостеприимные объятия кожаного кресла, хотя ему сейчас все равно куда - лишь бы не стоять.

Машин отец молча наблюдает за его действиями, но изогнутая бровь и презрительно вздернутый угол рта красноречивее любых слов.

- Итак, расклад такой, - Тихомиров начинает негромко, размеренно. Пальцы сцеплены в замок, сам он показно расслабленно откинулся на спинку кресла, но у Баса отчетливое ощущение, что он видит перед собой человеческое воплощение кобры перед броском. - Я говорю, ты слушаешь. Ясно?

Василий кивает. Машкин отец что-то хочет ему сказать, и, похоже, останавливать его абсолютно бесполезно.

- Вот что я тебе скажу... Бас. Я терпел и молчал, когда моя дочь месяц умирала вместе с тобой. Я согласился отпустить ее к тебе, потому что она говорила, что ей это нужно. Я молчал и тогда, когда она вернулась сама не своя, будто на нее вылили ведро холодной воды. Я все еще терпел и смотрел, как она неделями пропадала на кладбищах с фотоаппаратом. Я стерпел, когда она решила снова ехать к тебе. Я терпел все то время, пока она жила в Париже, вдали от семьи. И все из-за тебя! Но теперь, когда она вернулась второй раз... Такая... такая... - Тихомиров шумно выдохнул, улыбнулся абсолютно шакальской улыбкой и продолжил: - Вот тут мое ангельское терпение закончилось.

Дверь кабинета милосердно распахивается, Бас поворачивает голову. Женщина, эффектная, светловолосая, с пронзительными синегрентеновскими глазами. Судя по возрасту, скорее всего, Машина мать, хотя и непохожи. Ну да, Машка же на отца похожа, на этого кошмарного ядовитого типа.

- Тихомиров, что здесь происходит?

- Ничего, - тот снова улыбается, но на этот раз нормально, по-человечьи, все потому, что улыбка адресована не Басу. - Мы просто беседуем.

- Дмитрий Иванович, я тебя умоляю. Без членовредительства!

- Какой разговор! Конечно! Ручки-то, - демонстрирует свои весьма приличные габаритами ладони ("В виде кулаков, - отстраненно отмечает вдруг Бас, - наверное, еще внушительнее выглядят"), - вот они!

- Дмитрий!

- Даша, дай мне с молодым человеком закончить. А потом я целиком в твоём распоряжении.

И слово "закончить" в исполнении Машкиного отца звучит крайне... несимпатично.

Когда их оставляют наедине, Бас имеет сомнительное удовольствие снова наблюдать улыбку... как его назвали, Дмитрия Ивановича? Улыбка у Дмитрия Ивановича Тихомирова что-то совсем нехорошая.

- Ну-с, буду краток. Если я увижу тебя рядом с моей дочерью... если ты только посмеешь подойти к ней... снова начать портить ей жизнь... Заруби себе на носу - я лично, вот этими руками сломаю тебе то, что тебе с таким трудом починили. И еще оторву что-нибудь... для усугубления эффекта! И я тебя уверяю, это не фигура речи, а понимать следует бук-валь-но! Не оставишь в покое мою дочь - я тебя пришибу! Понял меня?!

Бас отвечать не хочет и не может. Не та у него весовая категория и не то состояние, чтобы спорить сейчас с этим... А более всего противно, что, скорее всего, Машкин отец имеет право так говорить с ним. Медленно кивает, а потом еще словами:

- Понял.

- Тогда - вон отсюда! Немедленно!

Как он выходил, помнит смутно, в себя пришел уже на той самой, замеченной им еще до визита в Тихомировскую квартиру, скамеечке у подъезда. Ноги ныли ужасно, причем не в нагрузке дело было, наверное, а в чем-то ином. Режущая боль полосовала то по бедрам, то по икрам, пока он сидел, откинувшись на спинку скамьи и подняв лицо к небу. Лицо приятно согревали лучи солнца, идиллия просто какая-то... А на самом деле... На сердце погано так, что и дышать-то трудно.

Смертельно обидеться на злобного тролля, который по какому-то недоразумению считался Машиным отцом, не позволяло одно: Баса не покидало ощущение, что он постоял перед непредвзятым зеркалом, в котором отразились все его поступки по отношению к Маше. И вся "красота" этих поступков. А он все о себе думал, как ему, бедненькому, плохо. А оказывается... оказывается... что он сам делал плохо другому человеку. Эх, если бы можно было повернуть время вспять, изменить. Хотя бы не сказать ТЕ слова. Всего пара секунд, и все рушится.

Бас вздохнул и открыл глаза. Чтобы увидеть... ее. Наяву, тут, в паре шагов от скамейки и него.

Маша была не одна. Если бы он не имел уже сегодня "чести" познакомиться с Машиным отцом, мог бы предположить, что этот мужик - ее отец. Не очень-то похожи, конечно, разве что возраст у Машиного спутника был подходящий да волосы схожего оттенка, но

более всего сближало их то, как они одинаково увлеченно о чем-то спорили друг с другом. До того, как Маша встретила взглядом с ним.

У Баса ощущение, что он не просто какой-то Василий, а целый василиск. И под его взглядом Маша цепенеет. Только что эти красивые губы улыбались - и вот они сжались в тонкую линию. Только что в этих глазах был живой интерес к беседе и собеседнику - и вот они холодны и будто безжизненны. И останавливается она резко, словно налетев на невидимую стену. Так что ее спутник успевает сделать еще пару шагов, прежде чем понимает, что идет он далее один. Останавливается, недоуменно переводит взгляд с Маши на него, Баса.

- Мария?.. - вопросительно.

- Идите, Стас Саныч, я вас догоню.

- Точно? - этот "Стас Саныч" смотрит на Баса внимательно-изучающе. Черт, Машку стерегут как наследницу трона!

- Абсолютно, - кивает Маша, демонстрируя самый настоящий poker face.

И вот они остаются наедине. Бас встает, собрав всю волю в кулак, чтобы не поморщиться. От Маши веет холодом, словно от ледника. Где тот веселый жизнерадостный человечек, которого он знал? Где та красивая улыбчивая девушка? Что он должен сказать, чтобы вернуть ее?

- Маша, я не знал, как еще до тебя... хм... достучаться. Поэтому приехал вот... лично. Чтобы извиниться.

Она смотрит на него все с тем же poker face. И молчит. Никто ему задачу упрощать не собирается.

- Маша, я прошу тебя... Я поступил ужасно, я знаю. У меня было какое-то... помрачение рассудка, что ли! Сам не знаю, кто меня за язык дернул. Я так не думал, Маш, правда. Извини меня, пожалуйста.

Он думает, что бы еще сказать, но Маша вдруг нарушает молчание.

- Знаешь, для такого разговорчивого мудака, каким ты был в прошлый раз, сегодня ты крайне немногословен.

- Что?!

- Ты меня прекрасно понял, - отвечает Маша спокойно. - Ни видеть, ни слышать тебя я больше не желаю. Сделай одолжение - исчезни из моей жизни.

- Маша, пожалуйста... - он еще не верит, что все потеряно.

- Просто. Исчезни. Немедленно.

Сказано негромко, ровно, спокойно. И именно поэтому он верит. Колени банально подкашиваются, но он должен уйти, действительно должен. Он не может видеть ТАКИХ ее глаз, слишком больно. А ведь он помнит другое в ее глазах, и долго еще помнить... будет.

Отвернулся, пошел. Медленно и хромая, но сил притворяться сильным и прежним уже нет. И ее голос в спину, неожиданно:

- Литвинский, не надо тут мне хромать и на жалость давить. Неубедительно. Не верю.

Он вздрогнул, словно от пощечины. Больно, очень больно. И несправедливо. Но, наверное, он это заслужил. Губу прикусил до соленого привкуса во рту, но пошел ровно, лишь лицо искажала гримаса боли под каждый шаг. Но лица она не видит. А спина у него прямая.

Свернув за угол дома, в два последних шага привалился к стене, а потом по стенке этого же дома и сполз вниз. Сел прямо на асфальт, головой в согнутые колени, руки на затылок. Так и сидел, долго-долго. Кто-то над ним периодически что-то говорил, про совсем распустившуюся молодежь, про то, что его надо в вытрезитель сдать... Ему было совсем, совершенно все равно. Все ерунда по сравнению с тем, как больно. Ногам. Но больше - сердцу.

- Тихомиров, ты что с парнем сделал?

- С каким? - Дмитрий невозмутимо разливает коньяк по бокалам.

- С каким-каким... С Машкиным!

- А ты... ты где его видел?

- Да сидел на скамеечке - ни живой, ни мертвый. Не стыдно детей обижать?

- Детей?! Стасян, таких детей я сам в детстве убивал. Из рогатки. Так, стоп, - спохватывается Тихомиров. - Так что, Маша с ним осталась? Ты их оставил вдвоем?!

- Дал возможность Маше добить то, что не добил папа, - не остается в долгу Соловьев.

Ответить Тихомиров не успевает - трель звонка мешает. Торопливо выходит в коридор.

- Машенька, как ты?

- Я в порядке, па, - Маша действительно невозмутима. - А ты мне опять сэнсея спаиваешь? Я Стаса Александровича по делу пригласила, а вы опять... сразу за коньяк!

- Машуль, - из-за спины Тихомирова в прихожую протискивается Соловьев. - Нам с твоим отцом это как слону дробина. Ну, что ты там показать хотела?

- Пойдемте ко мне, - деловито кивает Маша. - Я вот хотела спросить, как такого эффекта добиться? Подозреваю, что на длинной выдержке, но что-то там еще... А у меня не получается, никак.

Тихомиров озадаченно хмурится, глядя в спину дочери, уводящей к ноутбуку своего учителя. Неужели действительно одумалась? А затем перехватывает взгляд жены. Даша качает головой.

- Я ей не верю.

Сам Дмитрий не знает, что и думать.

- Ну что, сын, пирогов бабушкиных наелся?

Артем Борисович был слегка озадачен таким скоропалительным приездом Василия в Россию. Сам Артем уехал спустя неделю после операции сына. Его хлопотное хозяйство никак не желало функционировать как надо без бдительного ока господина начальника, да и сам Артем уверен был, что лучше Маши за Василием не присмотрит никто, а они с Арлетт больше мешают, чем помогают. По крайней мере, он точно. Ну, а теперь... может, и к лучшему, что Васька приехал.

- Типа того, - Бас отвечает совсем невесело, несмотря на бодрый голос отца в телефонной трубке.

- Ну, тогда давай ко мне. Семен Аркадьевич ждет.

- Какой еще Аркадьевич? - на самом деле, ему абсолютно все равно.

- Какой надо Аркадьевич! Давай, бери билет и прилетай. Ждем тебя!

- Пап, пожалей мой травмированный мозг и перестань говорить загадками. Кто этот Семен Аркадьевич и зачем он меня ждет?

- Семен Аркадьевич - лучший специалист по восстановительной медицине в этой стране! Ну, или один из лучших. Эксперт в области спортивной травмы. Сколько он людей заново на ноги поставил - ты таких цифр не знаешь! Я с ним договорился, он с тобой позанимается индивидуально. Надо ж тебе в нормальную жизнь возвращаться.

- Да? Ну ладно, - никакого энтузиазма у него слова отца не вызывают, но заняться чем-то действительно надо. - Послезавтра, наверное, буду у тебя.

- До встречи, сынок. Жду.

Семен Аркадьевич, что называется, и не таких обламывал. И на Басову хандру никак не реагировал, методично нагружая своего подопечного согласно составленной программы. Василию не оставалось ничего другого, как своего нового врача слушаться. Да и попробуй такого не послушайся. Бывший военный доктор, побывавший на настоящей войне, и не на одной, потом долгое время занимавший пост врача сборной страны по горным лыжам, он одним только взглядом заставлял Баса проглотить все свои возражения и молча делать то, что ему говорят. Но хорошего настроения это ему не прибавляло.

Все вокруг напоминает о том, чего он лишился. Горы, среди которых он вырос, и которые он уже не сможет ТАК покорять, как ДО... Пусть сейчас лето, и курорт не так многолюден, как зимой, но ледники на больших высотах по-прежнему слепят глаза своей белизной. И многочисленные знакомые - инструкторы, тренеры, канатчики, спасатели, многие помнят его даже не то что здоровым и лихим, а просто - безбашенным пацаном, таким же, как ребятня из горнолыжной секции, у которой сейчас летние сборы на одном из ледников. И он со всеми здороваётся, улыбается, отвечает на вопросы. Усиленно делает вид, что у него все в порядке. В конце концов - больно, тяжело, но к этой мысли надо привыкать... Что он больше не одна из самых значимых величин этого мира белых гор. А кто он теперь?.. Если бы он знал...

- Как идут занятия? - они с отцом на кухне, у них поздний ужин, состоящий из магазинных пельменей и наспех поструганного салата из огурцов и помидоров. Ну а какой спрос с двух мужиков на хозяйстве?

- Нормально, - пожимает плечами сын, вяло гоняя зеленый круг огурца по тарелке.

- Семен Аркадьевич на тебя жалуется. Говорит, не видит большого рвения с твоей стороны.

- А куда мне торопиться?

- Василий, что за настроение?

- Пап, ну правда... Все равно... ни прыгать, ни гонять по-настоящему мне уже не светит. А остальное... само собой как-нибудь...

- Так... - Литвинский-старший откладывает в сторону вилку. - Ты мне не нравишься.

- Привыкай, - Бас еще раз пожимает плечами, - что твой сын больше не крутой про-райдер, а так... никто. Я понимаю, с этим трудно смириться, но так уж получилось...

- Знаешь, - Артем Борисович говорит ровно, внимательно глядя на сына. - Я не понимаю, почему именно я должен с этим смириться. Это, прежде всего, твоя жизнь и...

- Ну как же! Я же сын самого Литвина! Я должен соответствовать!

- Вася, ты что такое говоришь?! Ты же этого хотел сам!

- Будто у меня был выбор! Я же должен был не посрамить славную фамилию, раз мой отец сам Артем Литвинский! Должен был стать таким же крутым, как мой отец!

Артем откидывается на стуле, скрестив руки на груди. Качает головой, изумленно и неверяще.

- Слушай, вот я вроде бы человек неглупый... Мать твоя вообще - ученый с мировым именем. Ты-то в кого такой дурак уродился?!

- Чего?! - Бас вытаращился на отца.

- Того! Откуда эти бредовые фантазии взялись в твоей голове?!

- А что, я не прав? Это не так?

- Конечно, нет! Никто тебя не заставлял. Ты рос в горах, и поэтому, и только поэтому я научил тебя кататься на лыжах. Но это отнюдь не значило, что ты должен был становиться профессиональным лыжником!

- Да?! Но ты же радовался! Гордился! Тем, что я стал "про", моими успехами!

Артем хватается за лоб. Что за бардак у парня в голове?!

- Я сыном гордился! И горжусь! СЫНОМ! В первую очередь - тобой, дурень, а уж во вторую - тем, что ты делаешь.

- То есть... - Василий изумленно смотрит на отца, - сын ТОГО САМОГО Артема Литвинского мог бы стать... - он морщится, подбирая слово, - каким-нибудь... бухгалтером? И ты бы не был... разочарован?

- Хоть бухгалтером, хоть стриптизером! - рявкает, не сдержавшись, отец. - Или, как ты там говорил в интервью, порно-актером. Это твоя жизнь, и ты волен распоряжаться ею, как хочешь, по своему собственному желанию. Хочешь быть порно-актером - дело твое!

- Бать, ты палку-то не перегибай, - растерянно отвечает Бас. - Это ж прикол был... про порно-актера.

- Я понимаю, - усмехается Артем. - Просто я уже не знаю, как тебе объяснить. Что ты МНЕ ничего не должен. Это твоя жизнь, распоряжайся ею, как хочешь.

- Я понял, пап.

- Ну, вот и славно. А теперь марш мыть посуду.

- Почему снова я?!

- Ну не я же? Я же, - отец усмехается, - САМ Артем Литвинский.

- Я смотрю, ты бегать начал?

- Ага. Получаться стало. А то какой-то ступор, представляешь, пап? Ходить могу, а бегать - ну вот никак, в голове что-то перемикает! Но мне Семен Аркадьевич пару упражнений показал, вроде... разомкнуло.

- Хорошо, я рад. Но ты смотри, без фанатизма. Не переусердствуй.

- Да я хоть после того, как пробежусь, заснуть могу нормально.

- Что, по-прежнему плохо спишь?

- Да так... - морщится сын. - Через раз. То нормально, то... заснуть не могу долго, да и потом...

- Угу, - задумчиво отвечает Артем. - Слышу я, что потом.

- Ты о чем? - вскидывается Бас.

- Разговариваешь во сне, мне через стенку слышно. Иногда стонешь. Иногда кричишь, но... редко.

- Ну... извини. Я не могу это контролировать. Это последствия падения... Пройдет, наверное.

- Сомневаюсь, что это связано с падением, - хмурится Литвинский-старший.

- Почему?!

- По кочану! У меня глаза есть. И вижу, когда человек... ну, хорошо, не человек... а бестолочь, которая именуется моим сыном, не знает, что делать со своей личной жизнью.

- Нет у меня никакого личной жизни! И вообще... много ты понимаешь...

- Да где уж мне! Не понимаю. Но опыт жизненный имею. Послушай меня, сын, - Артем садится рядом с Василием на диван, плечом к плечу. - Тут два варианта. Или ты выбрасываешь ее из своей головы, забываешь, вычеркиваешь. Все, нет ее, она ничего для тебя не значит и точка!

- Если бы я мог, - Бас запускает пальцы в волосы, качает головой. - Нет, не могу.

- Тогда остается второй вариант. Добивайся прощения. Как угодно. В ноги падай, колени целуй. Держи, не отпускай, пока не простит.

- Да с чего ты вообще взял... что мне есть за что просить прощения?!

- А что - нет?

Сын вздыхает.

- Есть. Есть за что, к сожалению, - Бас вдруг прячет лицо в ладонях. И стонет оттуда: - Я такой дураааак... Знал бы ты...

- Да уж могу себе вообразить, - отец обнимает сына за плечи. - Ты тут уже блистал передо мной... гранями своего интеллекта. Представляю, что ты мог наворотить.

- Ты вообще можешь понять, как это трудно?! - Васька даже повышает голос на отца. - Я пробовал, она меня слушать не хочет!

- Я не только понимаю. Я ТОЧНО знаю, как это трудно. Но другого выхода у тебя нет.

- Что значит - "точно знаю"? - Бас удивленно смотрит на родителя. - Ты что... тоже? Вот так вот?.. А потом... прощения просил? Ты?!

- Если бы я этого не сделал, - невесело усмехается Артем, - тебя бы сейчас на свете не было.

- Так это ты... с мамой? Что ты такого натворил?

- Не рассчитывай, что я тебе про это расскажу, - строго хмурит брови отец. - Но одно могу сказать точно - так дальше ты долго не сможешь. Или она тебе не нужна - и ты должен ее забыть. Или она тебе нужна - и ты ее должен добиться.

- Тебе легко говорить...

- Я это один раз сделал. Столько сил положено было... а в результате сын получился... с придурью...

- Но-но, полегче!

- Что это ты расхрабрился?

- Я еще узнаю у мамы, чем ты так накосячил еще до моего рождения, - грозит Бас отцу.

- Она тебе не расскажет, - усмехается Литвинский-старший.

- Спорим?!

- Да иди ты, - беззлобно отмахивается от сына Артем. - Не лезь в дела старших, со своими лучше разберись.

Он лежит в темноте комнаты, повернувшись лицом к стене, уткнувшись в нее лбом. Кровать еще та, на которой он спал в детстве, немного коротковата, впрытык. Но причина того, что он спит плохо - не в кровати, конечно. В нем самом, внутри.

Правильный вопрос задал ему отец, тот самый, который он сам боялся задать себе. Нужна ли ему Маша? И он позволяет себе вспомнить.

Отчетливо помнит свою первую мысль, когда увидел ее. Она показалась ему нереально красивой, наполненной какой-то... жизненной силой, светом, энергией. Потрясающие глаза, улыбка и... ну да, он же и так уже сознался... грудь. Умная, красивая и самодостаточная. Редкое сочетание, он до этого всегда имел дело с девушками... попроще. И у него тогда ясно оформилась мысль: "У меня такой никогда не будет. Слишком хороша для меня"

Именно об этом он ей и сказал, кстати, вот прямо тогда, в первую их встречу. И про глаза сказал, и про улыбку красивую. И про грудь... про грудь особенно. И про то, что, к его огромному сожалению, вряд ли у них что-то получится. Единственно, что такой смелый спич был произнес по-французски, с целью доказать свое "благородное" происхождение. На Машу его выступление произвело впечатление, он это заметил.

И как их, несмотря ни на что, сразу потянуло друг к другу. По крайней мере, ему так казалось поначалу. Что он ей нравится. Это безумно льстило, но... Куда было девать Аньку? Не мог он ее вот тут же послать к черту и начать ухаживать за Машей?! Не так его воспитали, к сожалению. Да и Маша потом... словно охладела к нему, ее усиленно развлекал Оз. А вот Баса к ней тянуло по-прежнему, Романович это будто чувствовала, они бесконечно с ней ссорились, с каждым разом все сильнее. В конце концов, он решил, что им стоит расстаться.

А потом они встретились снова. У него было такое чувство, будто крылья за спиной выросли. Такое ощущение иногда дарил спуск, и то - далеко не каждый. А сейчас - он свободен от каких бы то ни было обязательств и Маша рядом! Он тогда же решил, что добьется ее любой ценой. И захотел ее вдруг просто смертельно.

Маша ошалела от его натиска, он это видел, именно на это и рассчитывал. На это и на то, что ему тогда, в Канаде, не показалось. Машка посопротивлялась, конечно, но...

Ее капитуляция была безумно сладкой. Он до сих пор, спустя все эти месяцы, помнил, как с ней было охренительно. Вроде бы ничего особенного, никакой экзотики, но...

Очень кстати. Посреди ночи, когда ты пытаешься понять, как тебе нужно правильно поступить, эрекция - это очень кстати. Где она

была, эта эрекция чертова, когда он тогда, в Париже, валял самого настоящего дурака?! Но сейчас, стоило вспомнить, как у них было... само собой возникло ощущение изгиба ее талии под его пальцами... и как она пахнет - чем-то теплым, будто свежее испеченные булочки... и, одновременно, свежо и сладко, как клубника. И ее вкус... он ведь даже это помнил! Бас со стоном прижался пылающим лбом к холодной стене.

Он не мог ее забыть, даже когда они расстались. И звонил ей так часто, как мог, чтобы не показаться слишком уж навязчивым. Получал нереальный кайф от ее голоса из своего телефона. И строил планы, как он прилетит к ней, и они будут снова...

Все разбилось в пару секунд. Вместе с ним разбились к чертям все его планы на жизнь.

Первые недели он о ней не вспоминал, это правда. Он тогда вообще... был сосредоточен на простейших вопросах выживания. На самых примитивных потребностях своего тела. На том, чтобы заново научиться хоть как-то существовать. Его мир был ограничен родителями и медперсоналом.

А потом... когда она приехала в первый раз... Он же ей обрадовался, как идиот! И поймал себя на мысли, что она первый человек, кроме родителей, которого он бы хотел увидеть. Но вот только выражение ее глаз очень быстро убило эту радость. Маша ехала к парню, с которым у нее начался бурный роман, а приехала... к жалкому калеке. Уж что-что, а жалость он научился различать в глазах сразу за это время! И выносить ее мог только от матери. И он прогнал ее тогда. В первый раз.

А она вернулась...

Бас чувствует, что его начинает потряхивать, и плотнее кутается в одеяло.

Ему тогда было очень херово. Силы кончились, и уверен был - ничего путного уже не выйдет, ни из него, ни из операции. Сейчас это отчаяние казалось необъяснимым, странным, но тогда оно было, он помнит, как по утрам не хотелось даже глаза открывать.

Она вернулась. К нему. Взяла за руку и повела за собой. Не тащила насильно, но и не отпускала. И вытащила его. Вытащила из пропасти безысходности, вытащила своими рассказами, фотографиями, контрабандными пончиками и Гариком. Прикосновениями рук, нежных, но крепких. И тем единственным поцелуем перед

операцией. Просто тем, что была рядом все то время, что он нуждался в ней.

И чем он ей за это заплатил? Ох, лучше не думать об этом! Лучше подумай о том, зачем она это делала? Зачем столько времени провела с ним, учитывая, что ее отец был против, Бас в этом сам достаточно болезненно убедился. Почему тратила время, свои душевные силы, энергию на него? Чтобы помочь ему?

Он упорно игнорировал ответ, но сейчас... перед его глазами меняется калейдоскоп картинок.

... Ее острый косой взгляд и неосторожная фраза "А, может, если ты позовешь, то соглашусь!". Сердце у него тогда чуть из груди не выпрыгнуло....

... Она лежит в пушистом снегу и улыбается. А потом улыбаться перестает, когда он начинает наклоняться к ней...

... Она под ним, голая и влажная, ее ногти впиваются ему в плечи, прикусывает губу, пытаясь удержать стон. Не получается. А у него внутри что-то резонирует на ее тихие стоны, и в голове взрывается...

... Маша в обнимку с Гариком на пороге его палаты. Он ее так ждал в то утро. Так сильно ждал...

... Он держит ее за плечо и притягивает к себе. И нереально страшно, что сейчас она отстранится. А вместо этого... И так трудно было потом отстраниться самому...

... Ее фотографии, ее рассказы. Каждый день, вне зависимости от погоды за окном и ее собственного настроения. Она всегда находила, чем его развлечь...

... Она катает его по скверу рядом с больницей. Ему поначалу страшно неловко, а Машка начинает рассказывать анекдоты, один похабнее другого. И ему не остается ничего другого, как поддержать это начинание. Нахохотались они в тот день до колик...

Его дни, наполненные ею.

Ее дни, наполненные им.

Ответ очевиден. Ответ был очевиден с самого начала, но он боялся его увидеть. Он не знал, что это за штука такая - любовь. Но был уверен, что ничем иным это быть не могло. Она его любит. Или... любила.

В стену лбом он уже не просто уперся. Он в нее с размаху стукнулся, так, что в голове загудело, и искры из глаз. Больно, но неэффективно.

Человека, который его любит, он собственноручно оскорбил и прогнал. Кто он после этого? Слов даже нет таких, чтобы назвать! Отец сказал - в ноги падать, колени целовать. Он бы и упал, и поцеловал, да все что угодно, а не те жалкие слова извинений, что он бляял в последнюю их встречу... Да только как до Маши добраться теперь? Ее чертов папаша и нежелание говорить с ним!

Идея в голове оформилась внезапно. Странно, что он не додумался до этого раньше. Стараясь не шуметь, прошел в соседнюю комнату. Тихо, отец спит. Так, телефон на тумбочке. Вернулся к двери, по закону подлости зацепил что-то, судя по звуку - горнолыжные ботинки.

- Василий, это ты там буянишь? - хрипло спрашивает отец.

- Я, кто же еще. Извини. Телефон твой взял, позвонить надо. Можно? - запоздало.

- Можно, - вздыхает отец. - Не шуми больше.

Спонтанно, необдуманно, совершенно не вспомнив, что сейчас глубокая ночь, набирает по памяти ее номер. Слушает гудки и одними губами шепчет: "Пожалуйста, пожалуйста... ответь мне"

- Да?.. - голос у Маши спросонья, негромкий и с хрипотцой.

Именно в этом все и было дело, он это потом понял. Что он ей позвонил посреди ночи, и Маша взяла трубку, не взглянув на номер абонента. Да и не ждала уже его звонка. И напрасно...

- Маша, это Бас. Я прошу тебя, не бросай трубку, пожалуйста. Это очень важно.

Томительно долгая пауза. А потом:

- Говори.

- Маш, мне нужно с тобой поговорить. Лично. Не по телефону. Это очень важно. Жизненно важно. Я прошу тебя.

Она молчит. Между ними тысячи километров, но ему кажется, что он слышит ее дыхание в трубке. Что ж он такой косноязычный-то, а?! Что же сказать еще?!

- Маш, я тебя прошу всего об одной встрече. Я потом больше... не побеспокою тебя. Но мне очень нужно поговорить с тобой. Мне очень нужно кое-что сказать тебе. И спросить тебя... кое о чем. Это **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** важно.

Еще одна томительная пауза.

- Хорошо.

Он не поверил своим ушам, но переспрашивать побоялся.

- Спасибо, Маш. Я завтра же буду в Москве. Где тебе удобно? И когда?

- Я не в Москве.

Черт побери!

- А где? - а в голове вдруг идиотская, нелепая, но ужасно пугающая его мысль. Что сейчас она ответит "В свадебном путешествии". Откуда такой бред в голову лезет?!

- Во Франции.

И что она там делает, интересно? Ну фиг она ему будет отчитываться.

- В Париже?

- В Сен-Дени, - и после паузы она неожиданно снисходит до пояснений: - Гощу у подруги, она тут в Университете учится.

Он прикидывает расписание рейсов.

- Я буду там... послезавтра. Ты... еще будешь там?

- Да.

Ему показалось, или в ее голосе прорезались хоть какие-то эмоции?

- Маша, скажи, пожалуйста, где и как тебя там найти?

Потом, положив телефон на стол, он смотрел на лист бумаги с адресом и не верил в свое счастье. Он ее увидит. И там не будет этого кошмарного огнедышащего дракона. Это его шанс. Единственный шанс, который никак нельзя прохлопать.

- Что за полночные бдения? - на кухню, хмурясь на свет, заходит отец.

- Спасибо за телефон, - Бас протягивает отцу аппарат. - И за совет. Я завтра улетаю.

- А что я скажу Семену Аркадьевичу?

- Ну, ты же неглупый человек. Придумай что-нибудь.

Она не могла даже находиться с ним в одной стране, как выяснилось. И после их последней встречи ей так и чесалось уехать куда-то... И раз он здесь, она уедет... обратно, во Францию! Слава Богу, отец не стал спорить, а Сонька вопросов лишних не задала. Удивительно, но, несмотря на полную внешнюю идентичность Соловьевых, характер у них был совершенно разный. И Сонька ее понимала лучше всех, а вот импульсивная Надин выносила Маше мозг мелкими порциями, похлеще отца, пытаясь заставить "забыть уроды".

Эх, слышала бы Надя этот разговор... Зачем она согласилась на еще одну встречу? Что он ей может сказать нового? Успокаивать его внезапно проснувшуюся совесть Маша точно не собирается. Ей от него нужно совсем другое! До сих пор ведь нужно, несмотря на все это... Какая же она слабовольная идиотка...

Глава 10. Когда ты говоришь мне.

В Руасси всегда шумно и суматошно, а по утрам - как-то особенно. Но от аэропорта до Сен-Дени он добрался на удивление быстро. Позвонить, предупредить? К черту! Еще передумает. У него есть пароли и явки, в конце концов, сама сообщила...

По указанному адресу дверь ему открыли быстро, несмотря на утренний час. Открыла... кукла. Именно такова была его первая мысль. Невысокая, аккуратная... такая ладная фигурка, затянутая в короткие шортики и футболку. Фарфоровая кожа, огромные синие глаза и совершенно кукольные темные локоны. Кто это?

Ему задают тот же вопрос. По-французски.

- Ты кто? Что тебе нужно?

Машина подруга? Французенка? Отвечает ей на том же языке.

- Я к Маше. Мы договаривались... о встрече.

- Да не может быть... - его собеседница внезапно переходит на русский. - Бас собственной персоной, не так ли?

- Он самый,- Бас церемонно склоняет голову.

Девушка по ту сторону дверного проема разглядывает его - длительно и не таясь. Ему даже становится неловко. Должно бы льстить такое внимание к своей особе, но не по себе... отчего-то. Наконец, синеглазая красавица выносит вердикт:

- Рыжее, тощее и конопатое чучело. Что она в тебе нашла?

Похоже, он не нравится никому из Машиного окружения. И это уже начинает всерьез раздражать.

- Тонкую душевную организацию, - сердито буркнул Бас.

- А так и не скажешь, - малышка привалилась к косяку, сложив руки на груди. - С виду - бревно бревном.

Он начинает злиться. Его пустят к Машке или нет, в конце-то концов?!

- А это не тебе решать! А Маше!

- Еще и дурно воспитанный хам, - констатирует барышня.

Бас демонстративно вздыхает.

- Мне. Нужна. Маша.

- Вон как мы заговорили... - насмешливо тянет девушка. - А вот нужен ли ты Маше?..

- Давай мы сами разберемся, а?!

Он хотел рывкнуть, а получилось почти умоляюще. Почему вокруг Маши всегда чертова прорва народу?!

Симпатичная "дракониха" постукивает наманикюренными пальчиками по косяку, размышляя. А у Баса почти неконтролируемое желание просто отодвинуть ее в сторону. Возможно даже - грубо отодвинуть.

- Ладно, - подводит дева итог своим размышлениям. - Я сейчас на пробежку. Потом у меня йога. Потом еще в кислородный бар заскочу. Значит, у тебя, - взгляд на миниатюрные часики на запястье, - есть два часа, плюс-минус десять минут. А потом я вернусь. И, если мне не понравится Машино настроение, я тебя... - она почесала кончик носа... - кастрирую. Овощерезкой. Без наркоза.

Пока Бас подбирает слова для не хамского и не унижающего его достоинство ответа, миниатюрная воительница проходит мимо него, оставив дверь открытой. И успевает даже сделать несколько шагов танцующей походкой по коридору второго этажа.

- Эй... стой! А где Маша?

Девушка останавливается. Оборачивается. И улыбается вдруг, да так, что Бас некстати думает о том, что если б он был несвободен... не случись в его жизни Маши... то был бы он сейчас у ног этой куклы, не устоял бы, стопудово. Но вот то, что она говорит, разом вышибает все эти мысли из головы.

- А Маша в душе. И советую тебе этим... хм... воспользоваться. Ну, завтрак ей там пока приготовь, кофе свари. В общем... прояви себя.

Кофе? Завтрак? Проявить себя? Кукла издевается или серьезно? Как-то с головой он резко становится недружен. Пытается понять, что нужно сделать, как правильно. Действительно кофе сварить? Так он не умеет толком. Пройти в комнату, подождать? В которую, тут две двери? И вместо этого... он открыл третью, откуда слышался звук льющейся воды.

Санузел совсем небольшой, но душевую кабину уместил. И именно там... за запотевшими стеклами... обнаженная женская фигура. Как бы вдохнуть еще раз? Что он делает, идиот?! Но словно прирос к месту, стоял и смотрел.

Она оборачивается. Почувствовала его взгляд или просто так... И отодвигает в сторону стеклянную дверь кабины.

- ТЫ?!?

Она прекрасна. Обнажена и ослепительно прекрасна. Волосы темными потоками стекают по плечам. Огромные потрясенные глаза. Все тело, умопомрачительное по своей красоте тело, по которому струится вода - пышная грудь, плоский животик, крутые бедра. Но взгляд его неудержимо возвращаются туда, к ее лицу, к глазам за пеленой льющейся сверху воды. Только вот дара речи он совершенно лишился. В отличие от Маши. Она кричит на него:

- Что ты здесь делаешь?! Выйди немедленно!!!

Может только головой качнуть, причем даже не понимая, что хочет этим сказать.

- Литвинский! Ты чертов извращенец! Выйди отсюда немедленно! Пошел вон!

И он пошел. Шагнул к ней прямо туда, под душ, как был, одетый. Сгрел, прижал к себе плотно, пользуясь своим преимуществом в росте и силе. Промок мгновенно, прижался губами к мокрому уху и...

- Маша... Машенька... Девочка моя... Ты прости меня, пожалуйста. Я же не могу без тебя. Я умираю, я не знаю, как жить без тебя. Маша, солнышко... пожалуйста...

Он прижимает ее к себе, теплую, обнаженную и мокрую, держит крепко, не отпускает. И наговаривает что-то ей на ухо, все так же бессвязно, в очередной попытке объяснить, что с ним творится.

А она молчит. Ему становится страшно, что он снова не сможет, что она не понимает, а он не знает, как сказать...

- Машенька, пожалуйста... Не оставляй меня. Не прогоняй. Я не смогу. Я не знаю, как дальше... Что делать без тебя. Я... - его начинает бить дрожь, несмотря на теплую воду, льющуюся сверху. Он захлебывается, кашляет. Нет, не слезами, конечно, просто тут очень много воды.

Она слегка отстраняется и, наконец, произносит:

- Эй, Бас, ты чего?

- Ничего, - еще крепче прижимая ее к себе. Все равно не отпустит! - Не отпущу тебя! Я не могу без тебя! Не прогоняй меня. Скажи, что не прогонишь меня, пожалуйста, Машенька!

Она вздыхает, грустно, даже как-то обреченно.

- Дурак ты, Литвинский. Я люблю тебя. А ты...

Закончить фразу он ей не дал. Ему просто необходимо было после этих слов ее поцеловать. Жизненно необходимо. Чтобы слова эти... на вкус... А потом он сцеловывал капли воды с ее лица, а они все падали и падали сверху, и он шептал в промежутках ее имя... А она позволяла ему все это делать.

- Васька, а ты ничего не хочешь мне сказать?

- Что? - счастливым шепотом, едва различимым за шумом воды.

- Ну, например, что ты любишь меня.

- Я люблю тебя, - покорно соглашается Бас и, неожиданно спохватившись: - Маш, я ведь... никому еще... не говорил такого. Даже себе боялся признаться. Почему-то очень трудно сказать первый раз эти слова.

- У тебя хорошо получилось, - улыбается Маша.

Бас тихонько смеется:

- Это потому что я тренировался. Я в последнее время постоянно твержу эти слова. Я. Люблю. Ее. Машу. Машеньку. Люблю.

Маша судорожно вздыхает.

- Я шел сюда... и думал. Вот не получится у меня... убедить тебя. И ты меня выставишь за дверь. И я понял - я не буду знать, куда идти после этого. Некуда идти от тебя. Некуда, понимаешь?!

- Куда же я тебя прогоню... такого мокрого.

- Машка... - он улыбается ей. Улыбается ей той самой улыбкой, которая когда-то украдала ее сердце, - тебе тоже некуда идти. Потому что ты тоже мокрая.

И Маша понимает, что он прав. Во всех смыслах.

Он взял ее тут же, в душевой кабине, у стеночки. Его одежда мокрой кучей лежит в углу. Всегда считал, что секс стоя - это баловство и больше фитнес, чем удовольствие. Да и физическая форма у него не совсем идеальна для таких упражнений. Но так они нуждались друг в друге, сейчас, немедленно, сиюминутно, что мысль о том, чтобы разъединить тела, пойти куда-то, пусть и недалеко, даже не пришла им в голову.

Она обнимает его твердую плоть своею, тугой. Ее бедро закинута на его талию, прижимая к себе. Ее руки обхватывают его за шею, и ее жаркое дыхание ему в ухо. И тихие "да". Он устоит на ногах, обязательно. И ее он удержит, будет держать, крепко держать и не отпустит самое дорогое, что у него есть.

Оргазм он едва пережил. Было до умопомрачения хорошо, но ноги реально подгибались, хоть ты тресни. Маша тихонько соскользнула вниз, потянула за собой, шепнув: "Садись".

И они сидели, обнявшись и соприкасаясь лбами, на полу душевой кабины, под тропическим ливнем на двух квадратных метрах, насквозь мокрые и абсолютно счастливые.

Поскольку обретение жабр не входило в их ближайшие планы на жизнь, из душевой все же пришлось вылезти. Наспех вытерлись одним на двоих полотенцем и, держась за руки, быстро перебрались под одеяло. Кровать узкая, то, что называют "полуторка", но им совсем не тесно. Не тесно лежать, прижавшись телами, гладить пальцами лица друг друга, шептать какие-то глупости и нежности. Или вдруг начать в чем-то признаваться. Или так же вдруг - целоваться. Под шум воды у них началась новая жизнь. Одна на двоих.

- Я смотрю, тебе со мной хорошо...

- Не представляешь, как... - его пальцы наглаживают любимое и упругое, до которого так удобно дотягиваться.

- Что ж ты тогда на часы поминутно смотришь?

- Ой, - Бас смущен, - твоя подруга... она сказала, что у меня есть два часа. И час и сорок минут уже прошло...

- Тогда, наверное, нам действительно лучше встать и одеться, - усмехается Маша.

- Подожди. Послушай... я хотел спросить... тебя скоро ждут дома?

Она не отвечает так долго, что его только что обретенная сладкая безмятежность тает сама собой. Маша вздыхает.

- У меня билет на завтра...

- Черт, ну почему?! - не выдерживает, срывается. - Почему, как только у нас секс, так нам тут же нужно расстаться?!

- Вась, ну не преувеличивай...

- Ты можешь остаться? - настойчиво. - Пожалуйста.

Она еще раз вздыхает, гладит его по затылку.

- Васенька... У меня съемка. Запланированная, долгожданная. Важная. Меня мой учитель и наставник пригласил в свой проект, очень интересный и значимый профессионально. Это признание, Вась. Я не могу отказаться.

Ему эгоистически, по-детски хочется закричать: "Что, это важнее меня?! Важнее нас?!". Но вспоминает. Сколько она отдала ему своего

времени, душевного тепла. И теперь он просто не имеет права что-то требовать от нее. Даже несмотря на ее любовь к нему. Но отказаться от нее... Нет, не отпустит и не отдаст.

- А потом? Вернуться сможешь?

- Куда вернуться?

Он все решает мгновенно.

- Маш, послушай. Нам... надо побыть вместе, вдвоем. Какое-то время. Чтобы никто не мешал, чтобы мы могли поговорить и... Мне столько нужно сказать тебе! Я бы не хотел отпускать тебя сейчас!

- Вась...

- Я все понимаю. Про важные дела и прочее, - он морщится. Это у него теперь нет важных дел, а Маша успешный фотограф, у нее расписание, график. - У нас есть семейное шале, в Тине. От деда осталось. Я буду ждать тебя там. Приедешь? Только ты и я.

- Конечно, - она улыбается и прижимается к нему, обнимая крепко-крепко. - Неделя, максимум, две. И я вся твоя.

- Звучит многообещающе... - дальнейшее продолжение фразы тонет в трели звонка.

- Черт! - он.

- Сонька! - она. И, спустя секунду, озарением: - Бас, у тебя же вся одежда... мокрая!

Они хохочут, глядя друг на друга, между тем, звонок снова напоминает о том, что их уединение нарушено. Маша, наконец, встает с кровати, натягивает короткий халатик.

- Лежи тут, - командует Басу. - Я сначала сама с Соней объяснюсь. Вляпалась я, - дразнит его, - из-за тебя.

- Это я вляпался, - он смотрит на нее с кровати. - И я тебе умоляю. Скажи ей, что тебе хорошо. Иначе меня кастрируют. Овощерезкой.

- Мне замечательно, - она посылает ему воздушный поцелуй. Еще одна трель звонка, уже очень длинная. - Все, я побежала. Сонька в гневе страшна!

У него стойкое ощущение "дежа вю". Снова - близость с ней и разлука. В прошлый раз хоть секса было больше. А в этот раз... это было больше просто... отчаянное продолжение телами тех слов, что они сказали друг другу. И то - один раз всего. А потом эта вредная Сонька, которая подкалывала его все то время, которое он ждал, пока высохнет одежда. Из ее квартиры он с наслаждением сбежал, прихватив с собой трофей в виде Маши. И они гуляли допоздна, как

самые распоследние романтики. Заходили попить кофе в маленькие кафе, целовались на набережной и кормили голубей.

А на следующий день он проводил ее в аэропорт. И рванул в Тинь. Ждать.

Поначалу было неплохо, привел в порядок шале, в котором редко кто бывал теперь. Навестил некоторых из своих давнишних знакомых, тех, кто был на месте. Паранойя пришла, когда в один он звонков он слышал в трубке фоном знакомый до зубной боли голос. Машкин отец.

И вот тут он понял. И начал представлять в красках. Как этот змей подколотный каждый вечер ездит Машке по ушам на тему его, Баса, непригодности и неподходящести для Маши. И напоминает ей, какой он, Бас, урод и как он ее обидел. И что он ее недостоин. И... Бас был уверен, что красноречивый Машин папаша найдет массу приличествующих случаю слов.

И он всерьез засобирался ехать к ней обратно, в Москву. В панике, что теряет ее. Накрутил себя совершенно. Маша по телефону убеждала его, что скоро приедет, советовала: "Выдыхай, бобер" и утверждала, что любит. Прошла неделя, потом вторая. Машин значимый проект затягивался, его собственная агония - тоже. Уходил с каждым днем все выше в горы, но даже там ему не становилось легче, тоска и паника снедали его.

Он ждал ее долгих двадцать четыре дня. Когда она позвонила и сказала, что прилетает, он напился. В первый раз после падения.

Он даже не поцеловал ее при встрече в аэропорту. Придержал за плечи и в глаза смотрел - долго и пристально.

- Ты любишь меня?

- Вась, - она вздыхает преувеличенно размеренно, - как можно разлюбить человека за пару недель?

- Я задал тебе вопрос!

Она сама, первая, обнимает его, целует в губы - крепко, жадно.

- Люблю. Очень. Ты мой любимый параноик. Поехали уже. Кто мне обещал показать достопримечательности Тиня?

Осмотр достопримечательностей Тиня оказался крайне затруднен. Особенно в первые дни по приезду. Потому что там у них начался самый настоящий секс-марафон, как только за ними закрылась входная дверь.

Отличался ли он от того, как было в первый раз? Безусловно. Жарко было так же, как и тогда. А, возможно, и еще жарче и откровенней. Но дело было даже не в этом. Сама возможность шепнуть "Я люблю тебя" в любой момент, абсолютно в любой. И то, что они говорили друг другу. А говорили они много, да. Успевали между сексом, а иногда и в процессе.

Он рассказал ей о том, что было после падения. Что он чувствовал в первые месяцы, придя в себя. Как заново учился жить. И как ждал ее в эти три недели. Рассказал честно, откровенно, не боясь показаться слабым и жалким. Доверился, поверил ей. И она в ответ рассказала ему, как выживала у ноутбука в те страшные дни. И что чувствовала, когда он сказал, что она не нужна ему. В темноте, в теплом коконе под одеялом они исповедовались, плакали и жалели друг друга. И это исцеляло обоих и притягивало друг к другу еще сильнее.

А было и другое. Бас категорически настаивал, чтобы Маша ходила по дому голой. Утверждал, что, когда они наедине, наличие одежды на таком теле - преступление и святотатство. Маша смеялась и требовала ответного жеста от него. А вот тут ее ждало неожиданное открытие. Он сначала отнекивался, мотивируя тем, что для этого он недостаточно хорош. Но полную картину Маша оценила, лишь когда выказала намерение поласкать своего мужчину ртом.

- Не нужно... - хрипит и тянет ее за плечо вверх.

- Бас?! - она не верит тому, что он сам отказывается.

- Не нужно... меня, давай лучше я тебя...

Она уже достаточно хорошо его знает, чтобы понимать - это неспроста.

- Что случилось? - подтягиваясь наверх и требовательно заглядывая ему в глаза. - Что не так?

Он отводит взгляд, даже лицо отворачивает. Что он там себе еще напридумывал, идиот несчастный!?

- Маш, я... я теперь далеко не так привлекателен... как раньше. Я же веса потерял... почти двадцать килограмм. Да и исполосовали меня всего, шрамы везде - руки, ноги... живот. Не нужно. Тебе будет неприятно.

Но почему он такой безмозглый! Маша не собирается с ним церемониться.

- Я люблю тебя. Ты для меня самый красивый. Килограммы - дело наживное, А шрамы... - тут она рукой берет его за "живое", он резко

выдыхает, - только украшают настоящего мужчину. Так что заткнись, получай удовольствие и не мешай мне всякими глупостями.

Заткнуться совсем у него не получилось, а все остальное он дисциплинированно исполнил.

Он действительно похудел, это заметно. И Маше ужасно хочется его видеть прежним, крепким, сильным, с перекачивающимся под теплой кожей внушительным рельефом мышц. И он еще будет таким, она в этом твердо уверена. Но сейчас... Вдруг становится ужасно стыдно, что она такая белоручка, и не может его побаловать чем-то вкусеньким собственного приготовления. Но разными вариантами омлетов она его пичкала каждое утро, впрочем, Бас утверждал, что ему нравится. А днем или ближе к вечеру они выбирались покушать в кафе, и оттуда Маша непременно уносила огромный бумажный пакет с вкуснейшей местной выпечкой. Чтобы еще на ночь напоить его молоком с булочками, пончиками и прочими штруделями.

Он завел новую моду - любить ее медленно. Томить и сводить с ума прикосновениями - пальцев, губ, языка. Доводил ее до беспомощных и тихих "пожалуйста", до немой мольбой разведенных бедер, до рук ее, сметающих все с прикроватной тумбочки в попытках нащупать презервативы. И входил в нее мучительно медленно, не позволяя ей самой в одно движение отдаться ему. И потом, как результат... она улетаёт первая, он замирает на время, держит ее и гладит нежно, пока она не перестает дрожать. И начинает снова... Иногда она успевает два раза.

Утро. Она рассматривает его, спящего. Потихоньку стащила с него простынь, полностью. Больно, больно до сих пор за него. Больно видеть то, как все еще проступают кости под кожей, и вязь шрамов на обеих ногах, и багровые росчерки рубцов на животе. Но она любит его, любит таким, какой есть. Он еще станет сильным, как прежде. Маша потихоньку трет носом о его шею, Бас вздыхает, не открывая глаз, обнимает ее и тут она замечает...

На плече - багрово-красный кровоподтек, совсем как те, после падения, которыми он был покрыт весь.

- Вася, что это?!

Он лениво открывает глаза.

- Где?

- Вон, на плече!

Он скосил взгляд.

- Это ТЫ меня спрашиваешь, что это? Неужели не помнишь?

Она не понимает пару секунд. Потом понимает. Заливается краской, до сих пор с ней это случается регулярно в его присутствии, несмотря на все, что у них было.

- Это что, я?!

- Угу.

- Не может быть! Когда?..

- Сегодня ночью. Примерно, - он с наслаждением потягивается, зевает, - между девятой и двенадцатой фрикциями. Точнее не скажу, не помню.

- Ах ты, бесстыжий! - в его голову летит подушка.

- Ну и где справедливость? Кусаеться ты, а бесстыжий - я?

Утро. Он рассматривает ее спящую. Жидким растопленным шоколадом волосы по подушке. Роскошные темные ресницы оттеняют щеки. Губы... какие же у нее красивые губы. Розовые, нежные. Стягивает простынь. И там, ниже, тоже - розовые, нежные. Проводит ладонью по идеальным округлостям, потом еще ниже, по шелковому животу, там, дальше - тоже розовое и нежное...

- Василий, вы маньяк, - не открывая глаза, голос хриплый спросонья.

- Угу. Только вот вы, Мария, - мягко касается губами соска, - позновато осознали этот факт. Теперь деваться некуда...

Она прогибается навстречу прикосновениям его языка. Ее пальцы касаются его затылка.

- А я и не собираюсь...

Она у него хочет спросить, спросить о чем-то важном, для него и для нее важном. Но боится. А потом... если он действительно доверяет ей...

Они сидят в гостиной, Маша на диване, Бас пристроился на полу, возле ее ног, совершенно по-кошачьи подставляя ей голову на предмет погладить. Попытка посмотреть телевизор с треском провалилась, в переводе Баса то, что с виду казалось романтической комедией, звучало как трэш. Комментарии такие, что Гоблин бы позавидовал.

- Вась?..

- М? - устраивая поудобнее голову на Машиных коленках.

- А ты уже решил... чем будешь заниматься?

Он молчит. Молчит так долго, что она понимает: обидела его, рано спросила, надо было подождать.

- Решил.

- И что это? - осторожно.

- Знаешь, Маш, - голос его задумчив. - Я ведь думал об этом. Давно думал. И много. Понимаешь... - вздыхает, - я уже не смогу... быть кем-то иным. Без гор не могу. Я в офисе сдохну. Даже если пойду учиться, получу какое-то образование специальное - экономическое там... - тут его совершенно неосознанно передернуло, - или еще какое... Без толку это. Я только здесь, - неопределенный жест в сторону невидных сейчас из шале, но бывших вокруг повсюду гор, - смогу как-то существовать.

- Но ты же не сможешь... - как бы поаккуратнее сказать?! - как раньше...

- Нет, конечно, - он говорит спокойно, может, лишь легкая тень сожаления в голосе. - Это даже не обсуждается. С про-райдерской карьерой покончено.

- Что тогда? Будешь спасателем, как отец?

- О, нет! Как отец точно не буду. Он... таких, как он, больше нет. Лучше его быть невозможно, а хуже - не хочу. Он... он понимает горы, он их чувствует. Не знаю, как объяснить. А я так не могу. Для меня горы - это средство для получения фана, кайфа. Среда обитания, средство... но я не понимаю их так, как батя.

- Тогда кем?

- Ты будешь смеяться.

- Не буду.

- Я решил стать инструктором.

- Инструктором? - она удивлена. Вспоминает тех инструкторов, что встречались ей. - Что, будешь симпатичных беспомощных дамочек на лыжах учить кататься?

Теперь уже удивлен он. Поворачивает голову, смотрит ей в глаза.

- Маша, что за тон? Ты что... - неверяще: - ревнуешь?!

- Да! - пальцы неосознанно вцепились крепче в его волосы. -

Извини, забыла предупредить! Я ужасно ревнивая! Просто ужасно!

- Запоздало предупреждение, - весело хмыкает он. - Куда теперь деваться-то... Нет, Маш, я неправильно выразился. Я... тренером хочу стать. - Подумал и добавил: - Детским тренером.

- Детским тренером?!

- Я понимаю, - он невесело усмехается, - это звучит смешно. У самого еще... молоко на губах не обсохло, а туда же, в тренеры! Но... я когда у отца был, ребятню видел из секции. Свое детство вспомнил... А потом, позже, знаешь... Бывало, тренируешься в парке.. отрабатываешь там что-нибудь. Пацаны подходят, лет по десять-двенадцать, автограф попросят или показать что-нибудь из элементов фристайловых. И потом глаза у них просто... горят. И я когда подумал, что мог бы заниматься с такими... научить всему, что знаю и умею. А умею я действительно немало, я же давно катаюсь, выступаю... выступал... Да не важно! Мне есть чему научить. Ну, мне так кажется...

- И мне тоже так кажется, - Маша совершенно искренне соглашается. Во-первых, детский тренер - это довольно безопасно, а для нее, это, как ни крути, очень важно. А во-вторых... она действительно так считает. Что у него получится. - Ты очень хороший учитель. Я помню, - мягкая улыбка, - как ты мне стойку исправил.

- Значит, решено?

- Тебе что, требуется мое благословение?

После паузы:

- Знаешь... да.

Она даже не находит, что сказать. Наклоняется и крепко обнимает его за плечи. Ее самый дорогой и любимый человек.

Их секс-марафону положила конец физиология. На Маше самые простые, скромные трусики и Басова футболка. Они лежат на постели, он обнимает ее со спины, положив руку на живот.

- Бас, прекрати себя вести так, будто я при смерти. Это всего лишь месячные.

- Тебе было больно!

- Я выпила таблетку! И уже не болит. Почти.

- Я не хочу, чтобы тебе было больно, - ей в шею.

- Все в порядке, параноик.

А, кстати, о паранойе...

- Маш, тебе же рано или поздно придется возвращаться... домой.

- Наверное, да...

- Скажи мне, только честно. ОН настраивал тебя... против меня?

Маша отвечает после паузы:

- Вась, это совсем не важно.

- Важно! Значит, настраивал?

Маша поворачивается к нему лицом.

- Я люблю тебя. Это моя жизнь, и я сама решаю - кого мне любить.

Пусть ты не нравишься папе...

- Маш, он сильно на тебя наседает? По поводу того, какой я козел?

Она морщится, вздыхает.

- Какая разница? Это не важно...

- Сильно?!

- Ну... он недоволен, так скажем. Но я его не особо слушаю, ты не подумай...

Он вдруг стискивает ее так, что она охает от боли, а он лишь чуть ослабляет давление рук.

- Не хочу! Не хочу отпускать тебя к нему! Не хочу, чтобы он говорил тебе всякую дрянь обо мне! Маш... - он боится сказать прямо, что не исключает возможности, что Машкин отец может как-то... отдалить их друг от друга. А то и совсем развести. Он ее отец, она его любит и ценит его мнение, и во многом зависима от отца, как бы она сама не утверждала обратное. А сам Бас... у него никаких прав на Машу нет и в помине!

- Вась, да не думай ты о нем... Он изменит свое мнение, я уверена. Надо только подождать. Что мы еще сделать можем?

Что он может сделать? Да очевидно, что! Суровый противник вынуждает к суровым ответным мерам. Он резко "подрывается" с постели. Мечется по комнате в поисках одежды.

- Маша, вставай! Пошли!

- Какая муха тебя укусила? Что за спешка?

- Ты меня любишь? - он стоит перед кроватью, полуголый, в одних джинсах, а на нее вдруг накатывает - какой же он все-таки красивый, Да, она необъективна, но хорош необыкновенно именно такой - в не до конца застегнутых джинсах, с голой грудью, лохматый, с каким-то непонятным выражением в этих невозможных зеленых глазах.

- Да...

- Прекрасно! И не смотри так на меня! Тебе нельзя, а я не железный, и вообще - нервный в отношении тебя! Собирайся!

- Куда?

- Увидишь! Ты же меня любишь? Тогда доверься. Где ключи от машины, кстати?

- Внизу, на тумбочке у входной двери, - отвечает Маша растерянно.

- Давай, одевайся, жду внизу, - он на ходу натягивает рубашку и достает из кармана джинсов телефон. Кричит уже из коридора: - Паспорт не забудь!

- Я до сих пор не верю, что мы это сделали! Это невозможно!

- Документы утверждают обратное, - он аккуратно складывает свидетельство о заключение брака, убирает во внутренний карман ветровки. - Так что поздравляю вас, Мария Дмитриевна Литвинская, с бракосочетанием. Можете поцеловать супруга.

У него определенно вид триумфатора, а Маша до сих пор не может поверить, что это произошло на самом деле. Как это возможно? Так быстро? Нет, это какой-то розыгрыш...

- Я думала... что в Евросоюзе... заключение брака - небыстрая процедура.

- Так и есть. Наверное, - беспечно отвечает Бас. - Но сына супрефекта Альбервиля отец лично достал из трещины. Так что... Маша неверяще качает головой.

- Смиритесь, Марья Дмитриевна. Что отныне вы замужняя женщина. Пойдем, отметим, что ли? По чашке кофе?

- Кофе?! Слушай, ну ты вообще... А где мое кольцо, собственно? И хотя бы букет цветов невесте купил!

- Про кольцо я подумаю, - он берет ее за руку, рассматривает пальцы. - Надо же красивое выбрать. А цветы... Ты ж не невеста, жена уже. Кто женам цветы дарит?

- Ах ты!..

Он прекращает спор поцелуем. Потом, все ж оторвавшись от нее:

- Пошли кофе пить! И букет тебе купим... дорогая.

- Слушай, я не уверена... - Маша едва поспевает за его широким шагом, он крепко держит ее за руку, - что французское свидетельство имеет силу в России.

- Ну, если и это не заставит твоего папашу со мной смириться, тогда...

- Тогда что?

- Я сделаю тебе ребенка, - остановившись, шепотом на ухо.

- Что? Ребенка? Сейчас?!

- Ну, не прямо сию секунду, - он оглядывается, вокруг куда-то спешат люди, серое небо хмурится, собираясь пролиться небольшим дождиком. - Но в перспективе... Если иначе никак... *A la guerre comme a la guerre.* (фр. На войне как на войне)

- Ты... ты ненормальный!

- Я люблю тебя, Машенька. Не собираюсь никому отдавать. И не позволю никому встать между нами.

Она пытается сурово нахмуриться. В отличие от неба, у нее это не получается. Вздыхает, улыбается счастливо.

- Ну, пойдем хоть кофе попьем... дорогой. В честь свадьбы.

- Я передумал! К черту кофе. Я хочу шампанского!

- Согласна. И пончиков. Гулять - так гулять!

- Нет, это неслыханно! Да как она могла! - Даше кажется, что она почти видит, как мечущийся по спальне супруг разгневанно хлещет себя по бокам длинным хвостом. Он ей иногда напоминает огромного хищного кота. Сейчас - именно такой момент.

- Дим, тебе валерьяночки накапать?

- К черту валерьянку! - непоследовательно: - Коньяку лучше накапай. Нет, не накапай. Налей.

Даша уходит, возвращается с бутылкой и парой бокалов.

- Ну, за счастье старшей дочери!

- Издеваешься?!? Да как она вообще... - треть бокала тридцатипятилетнего Камю Джибули кощунственно выпивается залпом. - Не спросясь никого... ни слова не сказала... выскочила замуж... за этого!!!

- Дим, она его любит.

- А мы?!? Мы ей никто?! Не сказала, не предупредила... Родителей побоку... Да я...

- Скажи, что наследства ее лишишь, - услужливо подсказывает супруга. - И проклянешь на веки вечные.

- Тебе смешно, да? - Дмитрий устало опускается на кровать. - Вот скажи мне, разве так дела делают?

- Поторопились, согласна. Но, по-моему, они просто не видели возможности договориться с тобой.

- Еще бы! Как она вообще... После всего, что он с ней сделал! Да он мизинца ее недостоин, а туда же - муж! И вообще, - Тихомиров вдруг спохватывается, - надо еще проконсультироваться. Имеет ли законную силу такой брак. Я не эксперт в этих вопросах, сейчас, - вытаскивает телефон из кармана, - позвоню кое-кому...

- Успокойся, - Даша с трудом прячет улыбку. - И вообще, дочь твоя велела тебе передать, что если ты будешь вредничать в отношении

Васи, они быстренько сделают ребенка. Чтобы тебе тогда уж точно деваться некуда было.

- ЧТО?!?

- И будешь ты тогда, - проникновенно: - дедом.

- Как - дедом?!? - Тихомиров подскакивает с кровати, в два шага оказывается у зеркальной двери стенного шкафа. - Я - дед?! Они что, офонарели?!

Дарья подходит к супругу и смотрит на их отражение.

- Не хочешь?

- Да какой из меня дед, Даш? Я же еще... - растерянно проводит рукой по своему лицу... - еще ничего... вроде бы... В дело годный... никакой не дед.

- Еще как годный. Судя по... - это уже на ухо, шепотом: - сегодняшней ночи. Так что... решай сам. Можешь вести себя прилично, и тогда дети с этим повременят. Они сами-то не очень рвутся, насколько я поняла.

- Вот же... шантажисты... воспитали на свою голову...

- Нормально воспитали. Маша умеет добиваться того, что ей нужно.

- Еще бы выбирала правильно... - ворчит Дмитрий. Потом, словно придя к каким-то выводам, произносит решительно: - Так, Дарья, позвони-ка дочери нашей Будур. И выясни у нее телефон и имя-отчество отца этого... зятя новоявленного.

- Тихомиров, ты что задумал?!

- Никакого криминала. Надо ж с родственниками контакты налаживать.

Спустя полчаса.

- Артем Борисович? Здравствуйте. Меня зовут Тихомиров Дмитрий Иванович. Да, совершенно верно. Машин отец. Спасибо, взаимно. Рад знакомству. Хотя обстоятельства... Натворили наши детки дел, Артем Борисович... Да? Хм... Ну, на мой взгляд, это уж вы чересчур строги к сыну... Да, поторопились, конечно, но - дело молодое... Я дочь тоже не так воспитывал, поверьте. О? Да? Благодарю, мне, как отцу, очень приятно слышать такие слова. Однако, у меня есть к вам предложение, Артем Борисович. Дети нас не соизволили, как положено, познакомить. Но нам же есть что обсудить, верно? Да, согласен, определенно. Вот как? Понимаю. Ну, ничего страшного, тогда я сам... нет, мы с супругой к вам прилетим. О, ну отлично! Тогда, как только билеты приобретем - сразу перезвоню, уточню

время и дату. Да, конечно. Все, до встречи! Рад, что мы достигли взаимопонимания.

- Ну что? - любопытствует супруга.

Дмитрий оттопыривает большой палец.

- Вот такой мужик у меня сват! Ну что, мать, летим с родственниками знакомиться? А то ведь мы из-за этих торопыг даже на свадьбе по-человечески не погуляли.

Эпилог. Ось вращения Земли.

- Литвинский, там опять твои шумят!

- Вот паразиты! Поесть не дадут! - Бас резко встает из-за стола, за которым обедают он и еще два тренера летнего горнолыжного лагеря. Бас и сам слышит отдаленные раскаты громкого детского скандала. Поспешно взбегает по лестнице. Ему вслед из раздаточного окошка выглядывают две поварихи - одна помладше, другая постарше, но обе одинаково дородные. И обе синхронно вздыхают по широкоплечему, загорелому дочерна, конопатому красавцу-тренеру с выгоревшими на солнце светло-рыжими волосами.

А за столом продолжают разговор его коллеги.

- Как он со своими носится... И не надоедает же... - качает головой один.

- Молодой, резвый. Сил много, - усмехается другой. - Ему бы своих уже пора воспитывать... А он с этими охламонами играет. Квохчет, как наседка с цыплятами.

- Василий Блаженный, что с него взять...

- Ну, и кто мне рискнет рассказать, что здесь произошло? - он стоит, сложив руки на груди, и с высоты своего роста смотрит на стоящих перед ним пятерых демонов, имеющих вид человеческих мальчишек и старательно притворяющихся невинными агнцами. Чуть в стороне хлюпает носом Ульяна.

- Ну, Бааааас Тиимовииич... - заныли они почти хором.

Скептически изогнутая золотисто-рыжая бровь быстро внушает охламонам мысль, что разговор они начали неправильно.

- Василий Артемович, это все она! Она сама! - один из мальчишек берет на себя функции парламентаря и обличительно тычет пальцев в темноволосую девочку лет десяти.

Ульяна взвыла, Бас вздохнул.

- Стоять здесь, меня дожидаться! - и, приобняв девочку за плечи: - Пойдем, Уля, поговорим.

Они сидят на кровати в комнате, где живет Ульяна Землянухина, единственная девочка из его подопечных. Она шмыгает носом в плечо тренеру и, периодически содрогаясь от пережитого ужаса, рассказывает про обнаруженную в горнолыжном ботинке лягушку.

- Ну, Уля, тебе же не пять лет, - Бас легонько поглаживает ее по длинной косе, - подумаешь, лягушка. Она же не кусается.

- Она мокрааааяяя... и холоднаааяяя...

- Ладно, ладно, все... Они больше не будут.

- Вы всегда так говорите! А они потом опять!

- Улечка, ну что я могу поделать, если они такие оболтусы! Это ты у меня умница и красавица, - тут Ульяна смущенно зарделась и перестала шмыгать носом, - а эти же... Мальчишки, что с них взять.

- А еще они меня толстой обзывали! - жалуется Ульяна.

- Уля, я же тебе уже объяснял... Мальчики и девочки по-разному устроены. Тем более что девочки развиваются раньше...

- И катаются лучше!

- Точно, - Бас улыбается. - Самый лучший способ отомстить им - надрать их на склоне!

- Так и сделаю! - Ульяна гордо вздергивает подбородок. А потом с истинно женской непоследовательностью спрашивает: - Василий Артемович, а почему у вас нет своих детей?

Бас поперхнулся ответом. Ох уж эта Ульяна и ее любопытный нос...

- Уля... мы планируем...

- Да? - с детской непосредственностью: - А когда?

Василий усмехается.

- Ульяна, я тебе обещаю - ты узнаешь об этом первая.

- Обещаете?

- Обещаю.

Из своей комнаты Ульяна Землянухина вышла, высоко задрав нос и глядя на перешептывающихся мальчишек с высоты своего только что обретенного тайного знания. Те проводили ее удивленными и подозрительными взглядами.

- Так! - ловцы лягушек дружно вздрогнули и обратили взоры на тренера. - Я не буду выяснять, кто ИМЕННО это сделал. Но до конца смены вы впятером будете каждый день дежурить в столовой.

- Это не честно! Это не мы! Она все врет! - дружно загомонили они, но тут же перестали. Когда тренер Литвинский так смотрит...

- И три дня никакого футбола!

Тут охламоны не просто загомонили. Они завопили наперебой, но единодушно-возмущенно.

- Сами играйте, - пожимает плечами Бас. - Я у вас на воротах стоять не буду.

- Ну Василиииний Артемовииич... - они уже ноют.

- Три дня - и баста! Будет вам наука.

- Доченька, здравствуй.

- Привет, мам. Как вы?

- Да прекрасно. Вы как? Новостей... хм... нет?

- Мама, - Маша преувеличенно громко вздыхает, - как только... я тебе скажу первой...

- Машенька, ну ты пойми... Мы с папой переживаем. Вы уже три года женаты. А ребеночка нет. Может, ты бы уговорила Василия... подъедете ко мне... обследование много времени не займет, я тебя уверяю.

- Мама! Какое обследование! У нас все в порядке! Мы просто не хотим... пока.

- Мы не хотим? Или Вася не хочет?

- Мама! Пожалуйста! Я тебя прошу!

- Хорошо, - вздыхает Дарья. - Как там Василий? Чем занят?

Мария оборачивается.

- Судя по лицу, - Маша наблюдает за тем, как муж корчит гримасу и показывает язык зазвонившему телефону, - собирается говорить с папой.

- Ну, удачи ему...

- Кому?

- Папе, конечно.

Маша смотрит, как Бас, сооротив особенно проникновенную рожу телефону, прихватывает с тарелки очищенную морковку и подносит трубку к уху.

- Да, Дмитрий Иванович?

С этими словами он выходит с кухни, а Маша возвращается к оставленному на время без присмотра борщу. И размышляет. Как объяснить матери, что причина их нежелания заводить ребенка - в деньгах? Как это ни странно звучит для более чем обеспеченной семьи Тихомировых. Но у них с Василием - своя семья и...

Васька начал зарабатывать рано, рано привык к собственным, далеко немаленьким доходам, он научился жить, рассчитывая только на себя. Но зарплата тренера была несопоставима с доходами успешного "про". А деньги у кого бы то ни было Бас так и не научился брать. Даже по поводу весьма приличных заработков Маши у них первое дело были нешуточные скандалы, Бас жутко психовал из-за того, что она может зарабатывать больше, чем он. Потом она его приперла к стенке, спросив прямо - что он ценит больше: любимую женщину и любимую работу или свои дурацкие комплексы мачо? Здравый смысл победил, супругу Бас обожал, а тренерская работа оказалась настолько "его", что без нее он уже и дышать не мог.

Собственно, они не бедствовали. Но возможности пока лишиться части доходов в виде Машиных гонораров тоже не было. "Я не хочу, чтобы мой ребенок в чем-то нуждался" - Василий был непреклонен. А о том, что потенциальные бабушки-дедушки будут более чем счастливы помочь материально, вообще не стоило заикаться.

Маша вздыхает. Если бы родители так не наседали... Она понимает мужа и его объективные доводы, но малыша хочется... очень хочется. Непросто это, а тут еще папа с мамой как сговорились...

-
- Как дела, Василий?
 - Маша не беременна.
 - Если бы я хотел об этом спросить, я бы Маше позвонил!
 - О, извините, не понял, - Василий демонстративно хрустит морковкой прямо в телефонную трубку. - Я тоже.
 - Что - тоже?
 - Не беременный.
 - В кого ж ты вредный-то такой? - вздыхает Тихомиров.
 - В отца, - Бас, прикончив морковку, устраивается за ноутбуком.
 - Отец у тебя приличный человек.
 - Тогда - в маму? - предполагает Вася.
 - Мать не тронь! Она у тебя святая женщина!
 - Ну, тогда остается один вариант, - весело хмыкает Бас. - Это ваша дочь меня испортила.

Дмитрий Иванович еще раз вздыхает.

- Ладно, хорош ерничать. Как у ребятшек твоих дела?
- Ваш интерес в моей работе наводит меня на определенные мысли... - Бас пролистывает на экране объявления о продаже

бэушного горнолыжного снаряжения для детей. Что ж так дорого-то... проще новое купить.

- На какие еще мысли?!

- Признавайтесь - согрели, Дмитрий Иванович?

- ЧЕГО?!

- Ну, явно же у меня в секции занимается ваш незаконнорожденный отпрыск. Иначе откуда такое внимание к моим охламонам? Только вот кто это? Братья Демидовы? Эдик Богданов? Или Ульяна Землянухина? Я просто теряюсь в догадках...

- Ох, мало тебя в детстве пороли...

- Совсем не пороли! А что, эффективный метод?

- Более чем, - ворчит Тихомиров.

- Убедили. Верю. Своего ребенка только так и буду воспитывать.

Ремнем.

- Только попробуй!!!

Бас не сдерживается и ржет. Снова он его сделал!

- Твоя взяла, - признает Дмитрий. - А теперь серьезно. Что детям нужно на следующий сезон?

Бас перестает смеяться. Его коварный тесть точно знает, где у него слабое место, при их-то финансировании. И он давно научился договариваться с собственной гордостью, когда дело касалось работы.

- Так... - трет лоб. - Толя Демидов, это старший, из ботинок вырос. Его-то по наследству младшему перейдут, но вот Толька у меня босиком остался... а родители их не в состоянии потянуть, там еще лыжи надо Максиму купить... Эдика на следующий год планирую выставить в слаломе-гиганте... ему нужны лыжи подлиннее, еще одна пара. Потом...

- Ты скажи, сколько денег нужно?

- Я вам счет пришлю на оплату. Как обычно. Хорошо?

- Присылай.

- Вы бы как-нибудь к нам приехали на занятия, ребята про вас спрашивают.

- Слушай, перестань из меня Деда Мороза делать!

- Страна должна знать своих героев, - смеется Бас.

- Ну что, наворковался со своим Васей?

- Он не мой, - буркнул Дмитрий Иванович.

- Ой, Тихомиров, - смеется супруга, - мне-то не ври.

- В смысле?
- Ты себя слышишь, когда про Василия говоришь?
- А что такого?
- Даже Баженовы вчера заметили, когда мы обедали у них. Про Машу было сказано два слова. Зато про зятя... Мой Вася то, мой Вася это... Вася самый лучший тренер, у него такие талантливые воспитанники, они побеждают на всех соревнованиях, Василий растит будущих чемпионов. Мой Вася! - передразнивает Дарья супруга.
- Знаешь... - Дмитрий неожиданно серьезен, - до сих пор не могу себе простить... Как я его тогда... Стыдно.
- Спокойно, Тихомиров. Твой позор останется между нами. Дмитрий Иванович невесело усмехается.
- А парень-то какой оказался... замечательный.
- Замечательный. И Машу так любит.
- Угу. Но когда они уже нам внука налюбят?

- Что, папа тебя сильно доставал? - Бас вернулся на кухню, получил полотенцем по рукам при попытке умыкнуть еще одну морковку.

Василий фыркает.

- Он меня достал по-настоящему один-единственный раз. А с того момента, как мы поженились, я могу даже позволить себе пожалеть его.

- Откуда такое великодушие?
 - Ты меня любишь больше, чем его.
 - Вообще-то, папу я тоже очень сильно люблю, - поддразнивает мужа Маша.
 - Да сколько угодно люби, - пожимает плечами он. - Но кто самый главный мужчина в твоей жизни?
 - Есть тут один наглый конопатый тип, - усмехается Маша.
 - Слушай, - он подходит к ней сзади, обнимает, - наглый конопатый тип тут подумал... и решил - а, может, осчастливим твоего папашу внуком? Раз он так хочет этого?
- Маша замирает под его руками.
- Литвинский... только не говори мне, что тебе такая идея ради папы в голову пришла.
 - Я просто подумал... что на чужих детях я уже достаточно натренировался. Пора переключаться на своих. Что скажешь, Маш?
 - Васька! Что случилось?

- Ничего плохого.

- Что случилось?!

- Да так... - он выдыхает ей тепло в шею. - Нам грант дали на школу. Неожиданно. Вроде как проявили себя хорошо дети наши. Ну, на снаряжение, на летние сборы, на выездные... И целевые деньги там есть. На премирование тренерского состава. Персонально. Там, наверху, распределили. Ну, а поскольку мои орлы в последнее время на соревнованиях всех рвут... Мне достался самый большой кусок. Вот.

- Насколько большой?

- Нууу... на безбедное существование хватит. На пару лет. При условии даже, что ты работать не будешь.

- И?..

- Что - и? Ты же понимаешь, о чем я? Маша, хорош притворяться! Роди уже мне сына, в конце концов!

- Сына? - она поворачивается в кольцо его рук. Пытается улыбаться, но глаза... глаза ее выдают. - А если будет дочь?

- Ну... мы же этого никогда не узнаем... - целует ее в особо чувствительное место за ушком, - пока не попробуем...

Родившегося спустя год после этого разговора сына Марии и Василия назвали Сашей.